

Густав Шпет и Сибирь

Томская писательская организация

2014

УДК 821.161.1–94(571.1/5)(09)

ББК 83.3Р7

Ш83

Составление и сопроводительный текст Н.В. Серебренникова

Ш83 Густав Шпет и Сибирь. – Томск: Изд. Томской писательской организации, 2014. – 160 с.

*За помощь в создании книги выражаем сердечную признательность
Марине Густавовне Шторх, Елене Владимировне Пастернак, Петру Евгеньевичу Пастернаку,
Маргарите Ефимовне Добрусиной, Елене Львовне Якович*

Книга знакомит с жизнью и деятельностью крупнейшего русского философа-феноменолога Г.Г. Шпета (1879–1937). Особое внимание уделено последнему, сибирскому, периоду. Издание включает 259 фотографий.

ISBN

© Н.В. Серебренников. Составление, сопроводительный текст.

© Издание Томской писательской организации.

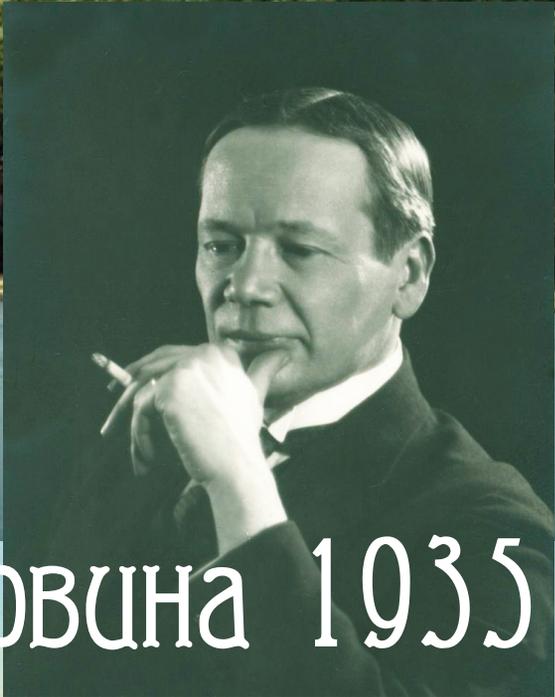
Содержание

1879 – первая половина 1935.....	5
Енисейск.....	27
<i>А. Теннисон. Энох Арден. Перевод Г. Шпета</i>	53
Томск.....	83
Эпилог.....	149
Список иллюстраций.....	158

Густав Густавович Шпет (1879–1937), сын венгра и польки, лютеранин, знаток английской литературы и немецкой философии, считал, что органичному становлению личности наиболее способствует русская культура. В Гражданскую войну и под угрозой принудительной высылки за границу он сделал всё, чтоб остаться в России и работать на благо родины.

Как феноменолог (специалист по соотношению человеческого сознания с познанием объективного мира) он является одним из крупнейших авторитетов в мировой науке. Он оказал воздействие на развитие семиотики (науки о знаковых системах), герменевтики (максимально верного толкования текста) и психолингвистики, внёс существенный вклад в изучение этнопсихологии. Вне сомнения, он самый эрудированный русский философ XX века.

Его капитальные, иногда неоконченные, труды смотрятся историко-критическими и методологическими подступами к разработке всеобъемлющей философской системы, завершить которую было не суждено.

1879 -
первая половина 1935

Отца своего он не знал. Чтобы ребёнок не оказался незаконнорожденным, на Марцелине Иосифовне Шпетт (1860–1932) женился её дальний родственник Ян Густав Болеслав, в честь которого мальчик и был назван. Так он и стал – Густáв Густáвович, по русской огласовке с ударением в имени на последнем слоге. После свадьбы невеста уехала в Киев, где Иван Густав Болеслав Шпетт родился 25 марта / 6 апреля 1879.

До начала XX в. отчество Шпетта писалось как Иванович.

Крестили его не в католической церкви, а в лютеранской (по предположению М.К. Поливанова, Марцелина Иосифовна поступила так, чтобы потом Густав сам определился в вероисповедании, поскольку протестантскую церковь покинуть легче, чем католическую). Крёстным отцом был православный, и впоследствии Шпетт, оставаясь лютеранином, венчался по православному обряду, и его жёны и его дети от второго брака были православными.

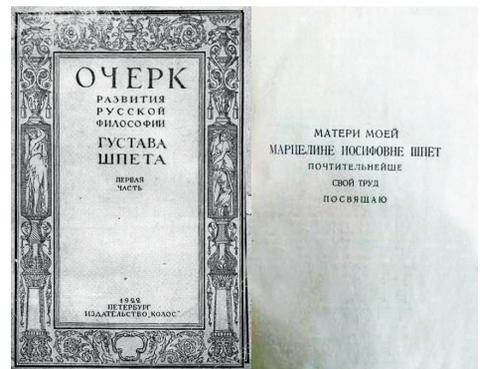
М.И. Шпетт

Родовой герб Шпеттов

Напёрсток М.И. Шпетт

Посвящение Марцелине Иосифовне Шпетт в «Очерке развития русской философии» (1922)

Польской дворянке пришлось зарабатывать стиркой и шитьём (после смерти матери сын поставил её напёрсток на свой письменный стол, чтобы помнить благодаря чему он вышел в люди).

Г.Г. Шнемм Н.К. Гучковой 7/20 июня 1912

...мама моя последние гроши отдавала мне, когда мне нужны были книги... Богатые гимназисты не имели, а у меня всегда было всё...

Густав Шпетт. 1880

Густав Шпетт. 1881

Густав Шпетт, гимназист

М.И. Шпетт и гимназист Густав

В 1898 он окончил 2-ю классическую гимназию и поступил на физико-математический факультет Киевского университета, но в 1899 за участие в политической сходке Шпетта исключили из университета и на полгода выслали в Херсон.

Г.Г. Шпет. История как проблема логики (1916)

Мы вступали в университет, зачарованные радикализмом и простотой того решения исторической проблемы, которое обещал заманчивый тогда исторический материализм.

Штудирова в ссылке социал-демократическую литературу, он отказался от марксизма как философски не состоятельного учения.

Г.Г. Шпетт. О социальном идеализме (1903)

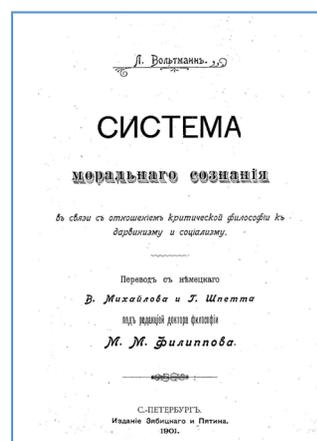
Заслуги марксизма неocenенны, и это заставляет относиться к нему с уважением. Но марксизм впал в целый ряд ошибок гносеологических и методологических.

Г.Г. Шпетт. 1899

Г.Г. Шпетт в тюрьме (вверху справа). 1899

Г.Г. Шпетт. 1900

В 1901 он вновь поступил в университет, но на философское отделение историко-филологического факультета, где стал заниматься в психологическом семинаре Г.И. Челпанова.

В киевской газете Шпетт публиковал заметки под псевдонимами *Лорд Генри* и *Иван Кашубский*, с 1901 в Петербурге и Киеве – сочинения современных немецких философов в своём переводе, с 1903 в журнале «Вопросы философии и психологии» (Москва) – рецензии.

В 1903 в связи со студенческими беспорядками он попал на несколько дней в тюрьму.

М.А. Крестовоздвиженская. 1904

Мария Крестовская в спектакле
«Бесприданница» А.Н. Островского

М.А. Крестовоздвиженская

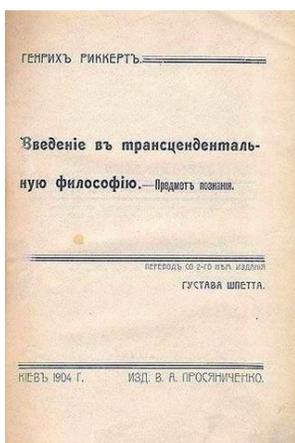

Мария Крестовская в спектакле
«На дне» М. Горького

В 1904 Шпетт венчался с актрисой Марией Александровной Крестовоздвиженской (1870–1940), известной в театральном мире под псевдонимом *Крестовская*. 31 декабря 1904 (13 января 1905 по новому стилю) у них родилась дочь Ленора (†1976).

Киев. Крещатик

Г.Г. Шпетт. 1902

В 1905 Шпетт получил за дипломное сочинение золотую медаль и окончил университет. От студенческих лет остались значительные публикации «Память в экспериментальной психологии» (1905) и «Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма?» (1905).

В революционный 1905 год Шпетт подумывал, не эмигрировать ли, и навсегда от этой мысли отказался.

Г.Г. Шпетт Н.К. Гучковой 2/15 июня 1912

...самый паскудный немец тычет нам в нос наше мнимое ничтожество! Я согласен, всё наше ничтожество в том, что мы терпим у себя ничтожества... рабство мы сами культивируем на каждом шагу... Вот то, что мы видели за последнее десятилетие: революция, слепая и бессмысленная, полная глупостей с обеих сторон, бесполезных смертей, диких грабежей... Но отказаться от своего народа в минуту его унижения – позор! Остаётся одно, вера в Провидение!..

Любовь к народу зрела у меня вместе с сознанием, их возраст для меня один, но по-настоящему я полюбил Россию, когда освободился от интеллигенщины...

Г.Г. Шпетт. Введение в этническую психологию (1923; изд. 1926)

Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять – не «произвольно», а путём долгого и упорного труда...

№ 41. Кіевъ — Kiev

Фундуклевская Гимназія. — Le gymnase Foundoukliche.

Г.Г. Шпетт в кабинете. 1905–1906

А.А. Горенко, гимназистка

В 1905–1907 он преподавал в частных гимназиях.

В. А. Беер. Листки из далёких воспоминаний

Урок психологии в выпускном (седьмом) классе Киево-Фундуклеевской женской гимназии. Предмет трудный, но преподаётся он интересно – учитель Шпет, Густав Густавович, заставляет задумываться над рядом вопросов, сложных для нас, юных девушек, и на многое, бывшее прежде неясным, туманным, проливается яркий свет.

Сегодня урок посвящён ассоциативным представлениям. Густав Густавович предлагает нам самостоятельно привести ряд примеров из жизни или из литературы, когда одно представление вызывает в памяти другое. ...И вдруг раздаётся спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

«Столетия – фонарики! О, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!»

...Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Лёгкая улыбка, игравшая на лице Густава Густавовича, исчезла.

«Чьи это стихи?» – проверяет он её. Раздается слегка презрительный ответ: «Валерия Брюсова». ...«Пример г-жи Горенко очень интересен», – говорит Густав Густавович. И он продолжает чтение и комментирование стихотворения, начатого Горенкой. На её сжатых губах скользит лёгкая самодовольная улыбка.

Вера Адольфовна Беер (1889–1976) – педагог.

Позже Шпет о поэзии Анны Ахматовой (Горенко) высказался резко: «...ничтожное содержание в многообещающей форме есть эстетическая лживость...» (Эстетические фрагменты. 1922).

Г.Г. Шпетт. 1905–1906

Г.Г. Шпетт. 1905–1906

Г.Г. Шпетт и Г.И. Челпанов. 1910

В 1907 Г.И. Челпанова избрали профессором философии и психологии Московского университета. Следом за учителем переехал в Москву и Шпетт. Он читал лекции в гимназии А.С. Алфёровой, на Высших женских курсах, на педагогических курсах при Обществе воспитательниц и учительниц, в Елизаветинском институте, в Народном университете имени А.Л. Шанявского (мецената-золотопромышленника). Был избран членом Московского психологического общества.

В 1908 родилась дочь Маргарита (в замужестве Поливанова; †1989).

Ленора и Маргарита. 1911

Маргарита и Ленора. 1912

Москва. Народный университет
им. А.Л. Шанявского

Москва. Высшие женские курсы

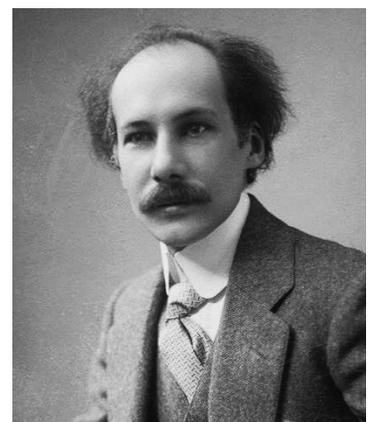
Андрей Белый. Между двух революций

...его появление бодрило.

...он в юмовском скептицизме, как в кресле, уселся с удобством; это было лишь формой отказа его от тогда господствовавших течений... он был ходячей иронией слева...

В своих выступлениях он собственной позиции не развёртывал во-все; он ограничивался протыканием парадных фраков иных позиций: рапирю Юма; когда его просили высказать своё «сredo», он переходил к бутылке вина; и развёртывал перед нами свой вкус, свою тонкость; он и нас понимал, как никто; и, как никто, отрицал в нас философов, утверждая: философы мы, когда пишем стихи; а когда философствуем, то питаемся крошками чужих кухней; мои философские выступления он считал игрой в прятки (сел за куст, а – виден отвсюду)...

«Борис Николаевич, – он пускал кудрявый дымок, целясь глазком мимо меня в какую-то точку, – Борис Николаевич проводит вполне интересные

Андрей Белый. 1912

Г.Г. Шпетт. 1908

С.А. Есенин и А.М. Кожебаткин.
1918–1919

Медальон с фотографией
Г.Г. Шпетта (ширина 1,5 см)

мысли в интимном кругу; а примется выступать на докладах, тотчас же надевает изношенный фрак, взятый им напрокат в гардеробе у Риккерта!»

...И шутливо грозил, если ещё раз приду я во фрейбургском «фраке», то он при всех разорвёт на мне этот фрак...

И угрозу свою он однажды исполнил...

...увидел я: шпеттово юное и безусое личико; он пробирался по стенке, легко, с полуулыбочкой; но вкладывал в шаг свой пуды... вот он вкрадчивым голосом попросил слово; и рапира его, передо мной заблестав, закружила сознание; «трах»: я был – проткнут.

...любил я уточнённый шпеттовский ум, им любуюсь, но не понимая, за что радуется он; а в интимной беседе вдвоём пробуждался романтик в нём (на короткое время!), вздыхающий по «Балладине» Словацкого, читающий с увлечением Мицкевича; Шпетт со всеми нами сошёлся; опять-таки: на короткое время...

Но он мне двоился; не мог я понять, чем он тянется к нам: устремленье моральным или тем, что мы – не мыслители; он в быту выбирал собутыльников; дружил с Кожебаткиным, с Сергеем Есениным, предпочитая порой анекдотики важным беседам; и думал я: он выбрал себе «аргонавтов» как клубное место; я выбрал клубом себе философию, а он – искусство.

Он становился премоден на курсах Герье; здесь сражал философских курсисток рядами он; и десятками расплодились «шпеттистки»... очень многие носили тогда на груди медальончик с портретом Шпетта; рассказывали: и на лекциях он кубарями вертит системы философов.

Любил в эти годы он выпить; и, выпив, шалил; говорили: еще в бытность в Киеве должен он был оппонировать в университете на диспуте; он пил накануне всю ночь; пил и утром; явился на диспут внезапно уже после того, как его в бессознательном состоянии уложили в постель; к ужасу Челпанова, он попросил слова; автоматически возразив, не проправшись ни в чём, был друзьями он выведен и уложен в постель; проснувшись, он и не помнил, что был он на диспуте.

...вкусивши вина, и при мне Шпетт пускался в опасные шалости; раз, возвращаясь со мной на извозчике в три часа ночи по опустевшим улицам, он, вдруг выскочив из пролетки, подкравшись, как кошка, к старому городовику, выхватил из его кобуры револьвер (в эти

Г.Г. Шпетт среди курсисток Елизаветинского института. 1909

годы полиция была вооружена) и шутивно стал угрожать ему им, напугав старика; после же вернул ему револьвер с рублём; хорошо, что попал он на безобидного городского, обрадовавшегося рублю; незадолго до этого за шутки подобного рода платили жизнью.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) – писатель, филолог; теоретик символизма.

Дэвид Юм (1711–1776) – шотл. философ, историк.

Генрих Риккерт (1863–1936) – нем. философ баденской (фрейбургской) школы неокантианства.

Юлиуш Словацкий (1809–1849) – пол. поэт; автор драмы «Балладина» (1834).

Адам Бернад Мицкевич (1798–1855) – пол. поэт.

Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942) – издатель. «Житейская мудрость Кожебаткина была проста: / – Дело не уйдёт, а хорошая беседа за бутылкой вина может не повториться» (А.Б. Мариенгоф. Роман без вранья).

С.А. Есенин был знаком со Шпетом с 1918. На подаренной Шпету книге «Пугачов» (М., 1922; фактически 1921) надпись: «Милому Густаву Густавовичу / С любовью лютой / С. Есенин / 1921 декабрь».

«Аргonautы» – кружок писателей-символистов.

Владимир Иванович Герье (1837–1919) – историк; основатель Высших женских курсов.

Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) – психолог. Возможно, слух о «бессознательном» выступлении зародился из рассказа Челпанова: «Дело было уже вечером... Шпет зашёл ко мне обсуждать своё сочинение, и я заметил, что он навеселе. “Но вы же не успеете ничего до завтра”, – сказал я ему. “Не беспокойтесь, Георгий Иванович, – ответил он, – мне ясно, что писать, я всё успею”. Назавтра он действительно принёс написанный доклад».

Андрей Белый вписал и то, во что сам вряд ли верил, – полную несурзаиц байку, как «новоиспечённый герр доктор Шпетт» устроил в немецком городке пиршество, вместо профессоров пригласив в ресторан всех городских извозчиков.

Шпетт продолжал знакомить русских читателей с новинками науки и философии – переводил сам и редактировал чужие переводы с немецкого, французского, английского, итальянского.

В 1912 поклонницы Шпетта с Высших женских курсов литографировали в трёх выпусках конспекты его лекций по логике, а также сборник его афоризмов. Философ Б.А. Фохт говорил, что если лекцию рядом читает Шпетт, то к нему, Фохту, заходят только за стульями.

Г.Г. Шпетт в кабинете. Дневная работа. Портреты Ф.М. Достоевского, Ю. Словацкого, А. Мицкевича, на полке портрет Ф. Ницше

Г.Г. Шпетт в кабинете. Ночная работа. Портреты Г. Ибсена, П.А. Кропоткина, Ф.М. Достоевского, над столом картина Ж.Л. Жероме «Данте»

Маргарита, Ленора и Г.Г. Шпетт. 1910

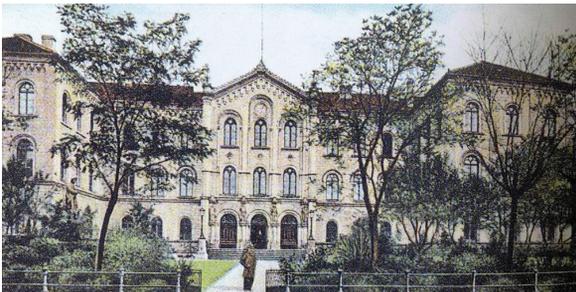
Эдинбург. Национальная библиотека Шотландии.
Современный вид

Париж. Университет. Современный вид

Берлин. Королевская библиотека.
Современный вид

Гёттинген. Университет

Г.Г. Шпетт. Берлин, 1912

Г.Г. Шпетт Н.К. Гучковой 4/17 июля 1912

Самое главное для меня моя *самостоятельная* научная работа. Лекции мне мешают, я ищу свободы от них.

Вера Гайдукова Г.Г. Шпетту 19 августа 1912

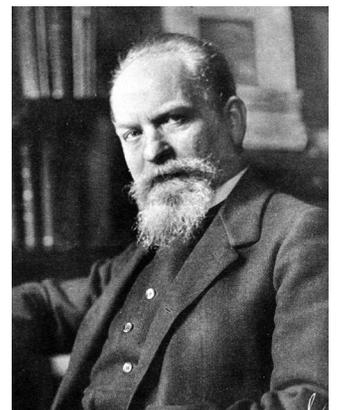
Как ни тяжела была разлука с несравненным учителем, немалое количество курсисток вздохнуло облегчённо: нет великого инквизитора с его ядовитыми замечаниями на экзаменах...

Курсы надолго обесцветились...

В 1910–1913 Шпетт пополнял философский багаж в крупнейших библиотеках Эдинбурга, Парижа, Берлина, но особенно его привлёк Гёттинген, где Эдмунд Гуссерль уже десяток лет разрабатывал новое направление – феноменологию. В ней Шпетт ощутил возможность реально соотносить человеческое сознание с познанием объективного мира.

Г.Г. Шпетт Э. Гуссерлю 14 декабря 1913

Насколько я понимаю, феноменология является *основой не* только теоретических наук (логических, онтологических, даже эмпирических), но также и основой любого практического и аксиологического знания в наиболее широком смысле и, более того, основой «жизни» и «философской жизни» в целом.

Эдмунд Гуссерль. 1905

Н.К. Гучкова, гимназистка. 1910

Н.К. Гучкова и Г.Г. Шпетт. 1912

Г.Г. и Н.К. Шпетт. Париж, 1913

В 1912 Шпетт развёлся с женой. Причина тому – его любовь к своей ученице по гимназии А.С. Алфёровой Наталье Константиновне Гучковой (1892–1956).

Г.Г. Шпетт Н.К. Гучковой 2/15 июня 1912

Я Тебя боготворю, но это – не кошунство, Бог видит и поймёт меня. Хочу, чтобы Ты всегда была для меня ангелом-хранителем... Поэтому и жизнь моя для Тебя должна быть служением Тебе...

Г.Г. Шпетт Н.К. Гучковой 13/26 июня 1912

...моя работа и деятельность направлена не на удовольствие себе, а мне хочется этим именно служить и нации, и народу своему и тебе...

В 1913 Шпетт и Наталия Константиновна поженились. В 1914 родилась дочь Татьяна (в замужестве Максимова; †2011).

Мария Александровна с дочерью решила остаться за границей и уехала в Швейцарию. Когда началась война, Шпетт настоял, чтоб его дети вернулись на родину, и с помощью немецких профессоров Мария Александровна, Марцелина Иосифовна, Ленора и Маргарита через Германию и Швецию возвратились в Россию.

Маргарита, Марцелина Иосифовна, Ленора, Мария Александровна Шпетт. Женева, 1913

**Г.Г. Шпетт Наталии Константиновне
17/30 июня 1914, Швейцария**

А обществу, в котором живут дети, я придаю колоссальное значение... Общество у детей должно быть такое, которое давало бы конкретный идеал... а какие же идеалы можно черпнуть из того общества, в каком они здесь?..

Он пришёл к выводу, что в словах иностранного происхождения удвоение согласных излишне, и прежде всего уничтожил это в своей фамилии *.

* Восстанавливая удвоение согласных в текстах Шпета, сохраняем авторское написание имён собственных как вариативное.

Г.Г. Шпет П. Витязеву 1 ноября 1919

...я считаю правильным писать, не удваивая согласных в иностранных словах, вошедших в русский язык, т.е. прогресс, официальный, комиссия, офицер...

Пётр Витязев (Ферапонт Иванович Седенко; 1886–1938) – историк; расстрелян.

Не без влияния Шпета при советской власти некоторые слова (официальный, шофёр, каррикатура и т.д.) стали писаться без удвоенной согласной.

В 1914 Шпет опубликовал свою работу «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы». Здесь он поспорил с Э. Гуссерлем о необходимости учитывать в феноменологии социальный аспект.

Г.Г. Шпет. Явление и смысл

...объекты психологии и так называемых наук о духе вообще не могут рассматриваться иначе, как в их «натуральной», – и социальной, добавим, – обстановке...

Гуссерль различает, как разные виды бытия, бытие физических вещей, animalia <биологическое> и психическое сознание. ...пропущен особый вид эмпирического бытия, – бытие социальное, которое... должно иметь и свою особую данность, и свой особый способ познания.

...Бытие разума состоит в герменевтических функциях, устанавливающих разумную мотивацию, исходящую от энтелихии... как «духа предмета». Последний находит свою характеристику в логосе, – «выражении», – проникающем предмет и составляющем явление, «обнаружение», «воплощение» духа.

Его «объективирование», будучи разумным, мотивированным, есть организующая направленность различных форм духа в их социальной сути: язык, культ, искусство, техника, право.

...Что касается утверждения самого мистического уразумения опыта, то... условием его является не решение второстепенного вопроса о месте уразумения в нём этического или эстетического, а об удовлетворении требования, с которым выступает для своего «присятия» сам уразумеваемый Дух. Устранение «одинокости» через единство рождения и единокровность всего разумного в соборно-социальном единении и мотивации Его объективирований есть в этом смысле и столп Его самого.

Лев Шестов. 1916

В 1916 родилась дочь Марина (в мужестве Шторх).

Тогда же Шпет защитил магистерскую диссертацию «История как проблема логики. Критические и методологические исследования», где заявил, что «историческое познание... можно условиться назвать семиотическим познанием. Оно требует собственной гносеологии». Так в русском философствовании появилось понятие семиотики как науки о сущностном понимании знаков, благодаря чему Шпет думал пробиться к смыслу социально-исторических отношений.

Г.Г. Шпет, Марина и Татьяна. 1917

Магистерская диссертация в царской России соответствовала нынешней кандидатской (кандидатом называли окончившего университет с отличием). На Западе российская магистерская степень, как и современная кандидатская, приравнивалась к степени доктора философии, а под философией там может подразумеваться... любая наука.

В 1917 жизнь предлагала уже иной поворот – пришлось бы задуматься над *логикой как проблемой истории*. Сначала рухнула монархия, затем – демократия, и к власти пришла большевистская диктатура.

В биографии Шпета забрезжил Томск. 6 августа 1917 Шпет писал жене, что между предложениями работы в Саратове или Томске философ Лев Шестов советовал ему выбрать Томск: «Я сказал, что готов, но что ты – против». Однако 21 августа Шпет ей же написал: «Хотел поговорить с Челпановым о Томске, но он сам предупредил вопросом: не предпринял ли я шагов относительно Саратова. ...я всё-таки сказал, что хотел в Томск. По его мнению, далеко, разрыв с Москвою порядочный. Впрочем, тут же добавил, что его зять, который живёт в Томске, говорит, что только там и можно ещё жить в России!..» В Саратов уехал С.Л. Франк, в Томск – С.И. Гессен.

Зимой 1917/18 Всероссийский учительский союз организовал забастовку против решений советской власти. Из педагогов Москвы продолжали преподавать тридцать человек – и среди них Шпет, считавший, что образование не должно страдать от политики.

В 1918 он был избран профессором Высших женских курсов и доцентом Московского университета, заняв там профессорскую должность.

Москва. Университет

А.А. Губер

Как-то мы пришли экзаменоваться к Шпету. Он вызвал одну за другой девушек, быстро их проэкзаменовал, поставив им «отлично». Потом позвал нас, мужчин... и сказал: «Ну, теперь начнём работать».

Андрей Александрович Губер (1901–1970) – искусствовед.

А.А. Реформатский

Он был озорной. Он любил иногда всхулиганить... Но это был человек исключительно ясного аналитического ума.

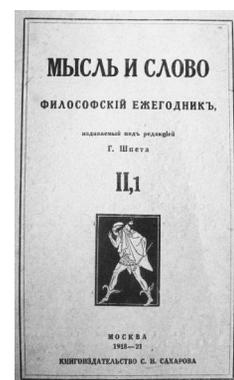
Александр Александрович Реформатский (1900–1978) – языковед.

В период революций и Гражданской войны Шпет редактировал сборник «Мысль и слово» (в 1917 и 1921 вышли три выпуска). Читал лекции в Институте слова. Вошёл в правление Московского союза писателей. Стал членом лингвистического кружка.

Р.О. Якобсон. Московский лингвистический кружок

Явственный отпечаток наложили на развитие М<осковского> л<ингвистического> к<ружка> в заключительную пору его жизни основы феноменологии языка в увлекательной трактовке Г.Г. Шпета...

Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – языковед, литературовед.

В 1919 родился сын Сергей (†1972).

В 1920 Шпета как преподавателя психологии в Театральной академии высшего актерского мастерства включили в художественный совет Московского художественного академического театра. Тогда же Шпет организовал при Московском университете Кабинет этнической и социальной психологии, заведующим которого стал.

Г.Г. Шпет П. Витязеву 3 декабря 1920

...в самом начале ноября я был арестован, и хотя через несколько уже дней был освобождён, но ещё несколько дней понадобилось на то, чтобы добиться распечатания кабинета и библиотеки...

Причина ареста неизвестна.

Друг Шпета поэт Ю.К. Балтрушайтис, с 1920 полномочный представитель Литвы в России, тогда же, во избежание возможных репрессий, предложил Шпету и его семье принять литовское гражданство. Тот отказался.

Ленин и А.В. Луначарский.
1920

Служанка Ленина была из одной деревни со служанкой Шпета и приезжала к подруге на ленинском автомобиле. Когда большевики постановили отменить прислугу, шпетовская домработница ехидно заметила ленинской: «А кто ты теперь?» «Я у Владимира Ильича курьер», – ответила та. «А я курьер у Густава Густавовича», – сказала эта.

Г.Г. Шпет. Дневник 1921

Настоящий момент есть момент величайшей опасности для духа. Коммунизм обнаружил себя... Ему нужна только техника, медицина и государственные чиновники, ему не нужна наука, дух, мысль. То, чем пугали в коммунизме и чему мы не верили, оказалось действительностью. ...Равнение в коммунизме по плебсу было предвидено, но полное и откровенное уничтожение мысли раскрылось только теперь; до сих пор казалось, что остаётся minimum, обнаружилось, что хотят довести до нуля...

Г.Г. Шпет. Философское мировоззрение Герцена (1921)

Философское мировоззрение есть сам дух личности человеческой... Дух не направляется событиями, а сам направляет душу, жизнь, биографию...

Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся

Среди его всегда интересных вступлений мне особенно запомнилось последнее. Жили мы уже под большевиками. В нетопленной аудитории Высших женских курсов шло публичное заседание Религиозно-философской академии. ...Доклад читал Бердяев.

...Шпету доклад не понравился. Не представлявшая для него ничего нового христианская тенденция докладчика вдруг непомерно взволновала и даже возмутила его. Задёргался маленький носик, засверкали умнейшие в мире глазки, и понеслась придирчивая, остроумнейшая речь, богатая знаниями, ассоциациями, парадоксами...

...он запальчиво нападал на христианство и с непонятною страстностью защищал в большевистской Москве... Элладу. В этом выверте была, конечно, своя, шпетовская логика. Думаю, что, преувеличенно ощущая внутреннюю близость христианского и коммунистического утопизмов, Шпет только потому и говорил о светлой, трезвой, здешней Греции, что его раздражал традиционный в Религиозно-философской академии взгляд на Москву как на третий Рим. Какой – к чёрту – третий Рим, когда в Кремле засели большевики.

Фёдор Августович Степун (1884–1965) – философ, писатель.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ.

...*третий Рим*... – имеются в виду слова игумена Филофея к Василию III о Московском царстве как «третьем Риме»: «...все христианские царства сошлись в одно твоё... два Рима пали, а третий стоит...» (1510-е).

Г.Г. Шпет. Эстетические фрагменты (1922)

Наша жизнь стала ирреальной, действительность – белибердою. ...осталось одно прагматическое. Ирреальное «работает», белиберда – высшая реальность.

...Зачалом Возрождения всегда было искусство. Есть. Было. Будет.

...Новое эллинизмо приведёт к новому Вифлеему.

...Христианство довело свою культуру до кризиса. ... Христианская культура дошла до христианской цивилизации. Крестом осеняли и святою водою кропили не только человеческие лбы, но и стальные машины. Культуру изгадили цивилизацией – в этом каются, но не раскаиваются.

М.Г. Шторх. В Сибирь и из Сибири

Папа вообще мог ядовито высмеять человека, особенно если подвёртывалось какое-нибудь «удачное словцо». ... Так появилось его расхожее «Бели-Бердяев». П.С. Попова, который обстоятельно и спокойно говорил, он называл «скукиным сыном». Как-то на заседании в ГАХН'е, где очень нудно выступал докладчик и часто употреблял слово «по-моему», папа предложил «от помоев перейти к делу».

Павел Сергеевич Попов (1892–1964) – литературовед, историк философии.

В 1921 вышла книга Шпета «Философское мировоззрение Герцена», в 1922 – 1-я часть «Очерка развития русской философии», в 1922–1923 – «Эстетические фрагменты» в 3-х выпусках.

В 1921 он создал Институт научной философии, став его директором. В том же году включился в работу Российской академии художественных наук (с 1925 – Государственной; ГАХН), где с 1922 заведовал философской секцией, а в 1924 был избран вице-президентом, взяв в своё ведение и финансовую часть.

Здание бывшей Государственной академии художественных наук.
Современный вид

А.С. Ахманов и Г.Г. Шпет. 1925

Г.Г. Шпет. 1926

Сотрудники ГАХН. Стоят: А.С. Ахманов, Б.И. Ярхо, А.Г. Цирес, Н.И. Жинкин.
Сидят: Б.В. Шапошников, Г.Г. Шпет, А.А. Губер, А.Г. Габричевский

Сотрудники ГАХН Б.В. Шапошников, Г.Г. Шпет, А.А. Сидоров, П.С. Коган

В 1922 его отстранили от преподавания в университете и внесли в список высылаемых из России. Через своего киевского знакомого, народного комиссара просвещения А.В. Луначарского Шпет, единственный, добился, чтоб его имя вычеркнули (с братом Луначарского Николаем он вместе учился в 1898/99).

Среди высланных за рубеж – политические деятели Ф.И. Дан, А.С. Изгоев, Е.Д. Кускова, экономисты А.В. Пешехонов, С.Н. Прокопович, В.А. Розенберг, философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, С.Е. Трубецкой, С.Л. Франк, богослов В.Ф. Марцинковский, историки А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, П.П. Муратов, В.А. Мякотин, Н.А. Рожков, литераторы Ю.И. Айхенвальд, В.Ф. Булгаков, М.А. Осоргин, А.Б. Петрищев, математик Д.Ф. Селиванов, астрофизик В.В. Стратонов, химик (бывший директор Томского технологического института) Е.Л. Зубашев и многие иные.

В 1923 Шпета уволили из Института научной философии.

Г.Г. Шпет. Философское наследство П.Д. Юркевича (1915)

...на стороне Юркевича было знание, тонкое понимание, самостоятельная мысль, и боролся он за Истину не преходящую, стоящую над временем. ...Если всего этого не было у его противников, то неужели нужно признать, что победили невежество, непонимание, интересы момента?

М.О. Гершензон Л. Шестову 21 сентября 1923

Г.Г. я видел несколько раз. ...нервами плох; лицо – как литое из металла, ни одной мягкой черты, и ещё более острый взгляд, чем раньше. ...Сейчас лечится от Schreibkrampf'a.

*Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) – культуролог.
Schreibkrampf (нем.) – писчий спазм, мелкие судороги мышц руки при письме.*

С.Н. Дурылин. В своём углу

Шпет остановил меня и спросил: «Ну как живёте? ...Придумайте себе что-нибудь в Академии. ...Представьте 5 проектов, один мы утвердим».

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – богослов, искусствовед, литературовед. С 1924, после челябинской ссылки, работал внештатным сотрудником ГАХН; в 1927–1930 находился в ссылке в Томске.

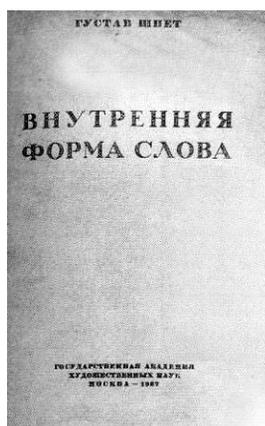
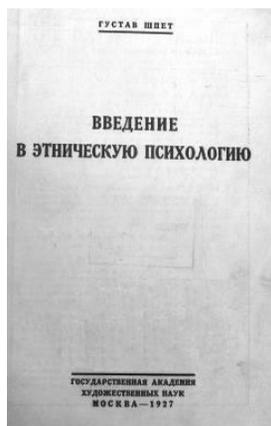
М.А. Петровский. Показания в НКВД 27 апреля 1935

Наша контрреволюционная группа, руководимая Шпетом, вице-президентом ГАХН, так расставила свои силы, что ГАХН... являлся базой контрреволюционно настроенной интеллигенции.

Михаил Александрович Петровский (1887–1937) – литературовед, переводчик; расстрелян.

А.Ф. Лосев

Шпет любую теорию мог разрушить. И часто злоупотреблял этим. Поэтому, когда он выступал в прениях, то доводил свою критику до беспощадного смеха.

Алексей Фёдорович Лосев (1893–1988) – филолог, философ.

В 1926 (формально 1927) Шпет издал книги «Введение в этническую психологию» и «Внутренняя форма слова».

Б.М. Эйхенбаум. Дневник, 22 марта 1927

... московские теоретики признают только Шпета...

Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) – литературовед.

В 1928 кандидатуру Шпета выдвинули в члены Академии наук и провалили по партийной баллотировке.

А.В. Луначарский. Наши задачи в области художественной литературы (1929)

Можно ли, например, не удивляться, что тов. Григорьев... защищает вреднейшие сочинения Шпета?

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – писатель, партийно-государственный деятель.

Михаил Степанович Григорьев (1890–1980) – литературовед; автор рецензии на книгу Шпета «Внутренняя форма слова».

С.М. Голицын. Записки уцелевшего

Самым ярким среди наших профессоров 1920-х годов следовало бы считать Г.Г. Шпета, если бы мы были умнее. Он поражал нас своей рослой импозантной фигурой, крахмальностью ослепительно белого высокого воротничка над элегантно старинного покроя чёрным сюртуком. Чисто выбритым подбородком; благородной чопорной осанкой он напоминал английского лорда из пьес Оскара Уайльда.

...Шпет читал нам эстетику... А говорил он бесстрастно, ровно, не повышая и не понижая голоса, говорил без запинки, без пауз, фразы строил длинные, со столькими придаточными, и так обильно начинал их трудными философскими терминами, что, как ни силился я постигнуть их смысл, никак не мог.

Сергей Михайлович Голицын (1909–1989) – писатель, инженер-топограф.

В 1929 закрыли Высшие государственные литературные курсы, где Шпет преподавал. Тогда же его сняли с должности вице-президента ГАХН и в 1930 оттуда исключили.

Комиссию из четырёх человек, «чистивших» ГАХН, составили рабочий, отставной военный, вахтёр здания Академии наук, сотрудник комиссариата внутренних дел.

М.К. Поливанов. Очерк биографии Г.Г. Шпета

...отвечать за всех взялся Шпет. Он категорически приказал пока никому на «чистку» не ходить. ...он закрылся с комиссией в своём кабинете и просидел с ними часа три.

После окончания разговора он собрал своих сотрудников и объявил им: «После всего, что я им сказал, Академию закроют, и вам не поздоровится. Уходите из Академии сейчас же сами, и лучше в разные места».

Михаил Константинович Поливанов (1930–1992) – физик; внук Шпета.

Литературная газета. 17 февраля 1930

Философия Шпета должна быть решительно изгнана как идеология отжившего прошлого, затемняющая сознание трудящихся.

А.Г. Габричевский. Показания в НКВД 27 апреля 1935

Вице-президентом в Академии был Шпет Г.Г., являвшийся лидером нашей к<онтр>р<еволюционной> деятельности. ...Наша к<онтр>р<еволюционная> работа в Академии Х<удожественных> Н<аук> привела к тому, что её ликвидировали в 1930 г. как несоветское учреждение.

Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968) – искусствовед.

Карикатура Кукрыниксов. Журнал «На литературном посту». 1929. № 6

Г.Г. Шпет. Дневник 1931

21/1 ...Где я, что осталось от меня?

...Жутко гибнуть так бесславно.

24/1 ...правильно ли, что я не лезу – в Варнитсо и пр., где бы я засвидетельствовал свою советскость? ...Те. правильна ли моя отговорка, что там столько сору, приспособленцев, говна, что лучше оставаться в стороне?

29/1 ...Поведение должно определяться непосредственно добротой и мотивами сердца...

Варнитсо – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (1928–1939).

В 1932 Шпет стал проректором Академии высшего актерского мастерства.

В начале 1930-х он перевёл романы Диккенса «Тяжёлые времена» и «Холодный дом», мистерии Байрона и его сатиру «Бронзовый век», редактировал перевод на английский романа Толстого «Анна Каренина», комментировал роман Теккерея «Ярмарка тщеславия» и правил его перевод. Изданный в 1934 комментарий к роману Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» смотрится исследованием по английской культуре, да Шпета тут следует считать и полноправным сопереводачиком. Как соредактор 8-томника сочинений Шекспира (несмотря на обширные комментарии, имя Шпета здесь не упомянуто) он совместно с С.М. Соловьёвым перевёл трагедию «Макбет», совместно с М.А. Кузминым – трагедию «Король Лир». Перевод пьесы Голдсмита «Ночные недоразумения» и сделанный вместе с женой перевод «Дамы с камелиями» Дюма-сына в печать не попали.

А.А. Смирнов Л.Б. Каменеву 1 ноября 1934

...перевод Г.Г. достаточно хорош, ибо он чрезвычайно-таки искусен, художествен и во всех отношениях представляет огромный шаг вперёд по сравнению со старыми печатными переводами «Макбета».

Александр Александрович Смирнов (1883–1962) – литературовед, театровед.

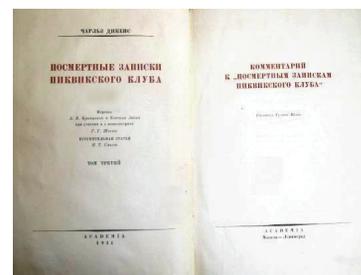
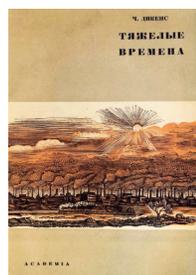
Лев Борисович Каменев (Розенфельд; 1883–1936) – партийно-государственный деятель, в 1934 директор издательства «Academia»; расстрелян.

Г.Г. Шпет. 1931

Сидят: А.Н. Толстой, Г.Г. Шпет, Евгений Петров, справа Максим Горький

15 марта 1935 Шпета арестовали по делу о составлении якобы «фашизированного» немецко-русского словаря, где Шпет числился в редколлегии. По сфабрикованному обвинению расстреляли главного редактора Е.А. Мейер, школьного учителя А.П. Дика и сына Г.И. Челпанова – Александра, германиста.

М.Г. Шторх

Особым совещанием при НКВД от 20 июня 1935 года отец высылался в город Енисейск сроком на 5 лет по ст. 58-10-11. Как мы были ещё наивны, – ссылка казалась горем! И снова просьбы, прошения, – хотя бы, чтобы избавить отца от пересылки по этапу. Слава Богу – это удалось!

Дня через два-три позвонил некто Скурихин (следователь, ведший дело отца) и предупредил, что если мы в течение 3–4 дней не доставим билеты до Красноярска (позднее мы узнали, что этап был собран только в августе), то отец будет отправлен по этапу. Задача была труднейшая, так как в кассе билетов, конечно, не было. Как всегда выручали друзья, главным образом из театрального мира. С папой в Енисейск поехали мама и Серёжа, а Нора купила билет до какой-то не очень далёкой станции и должна была с ними проехать первый день пути. Скурихин предупредил, чтобы на вокзале не было народу и торжественных проводов, а он обещал приехать с отцом на вокзал заблаговременно. Пришли, конечно, не только все свои, но и многие друзья, которые стояли по всему перрону, но близко не подходили. Через родственников было передано много писем и подарков.

...Балтрушайтисы передали много хороших тёплых вещей, так нужных в Сибири.

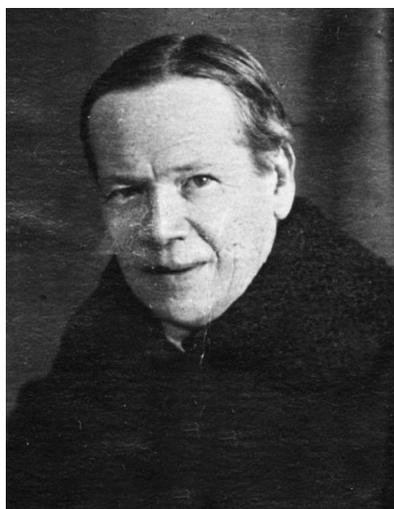
Статья 58-10: Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания. *Статья 58-11:* Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений...

Балтрушайтисы Юргис Казимирович (1873–1944) – в 1920–1939 посол Литвы в РСФСР (СССР); Мария Ивановна (урожд. Оловянишникова; 1878–1948) – его жена.

1 июля Шпет выехал в Енисейск.

Г.Г. Шпет на крыше дома: пер. Брюсовский, 17. 1934

Г.Г. Шпет. Зима 1934/35

Ю.К. и М.И. Балтрушайтисы

Тюремные снимки: Г.Г. Шпет, Б.И. Ярхо, Е.А. Мейер, А.Г. Габричевский, М.И. Петровский. 1935

Копия

Меморандум
на проходящего по делу 1008 главного управления НКВД

Шпет Густава Густавовича, 1879 г. рождения, урож. г. Киева, проживал в г. Москве, Брюсовский пер. 17, кв. 16, работал в издательстве «Академия» – автором и переводчиком. По профессии: профессор философии и литературы, по соц<иальному> полож<ению> и происхожд<ению> служащую <так>.

Характеристика обвиняемого, описание совершённого преступления и степень его опасности:

1. Являлся руководителем группы русских фашистов, входившей в состав немецкой фашистской организации в СССР.

2. Участвовал в редактировании и составлении фашизированного большого немецко-русского словаря.

3. Имел личную связь с руководителем немецкой фашистской организации в СССР – Мейер. Знал о её фашистских убеждениях и сам высказывал ей контрреволюционные взгляды.

Можно ли вербовать и для какой работы. – Вербовать нельзя.

Какие ограничения в порядке содержания в случае осуждения заключённого в лагерь или в ссылку необходимы по мнению органа, закончившего дело: изоляция от проходивших по одному делу с ним: Габричевского Александра Георгиевича, Ярхо Бориса Исааковича, Петровского Михаила Александровича.

Уполномоченный 7 отд. СПО ГУГБ <подпись>

Согласен: зам. нач. 7 отделения <подпись>

Верно: <подпись>

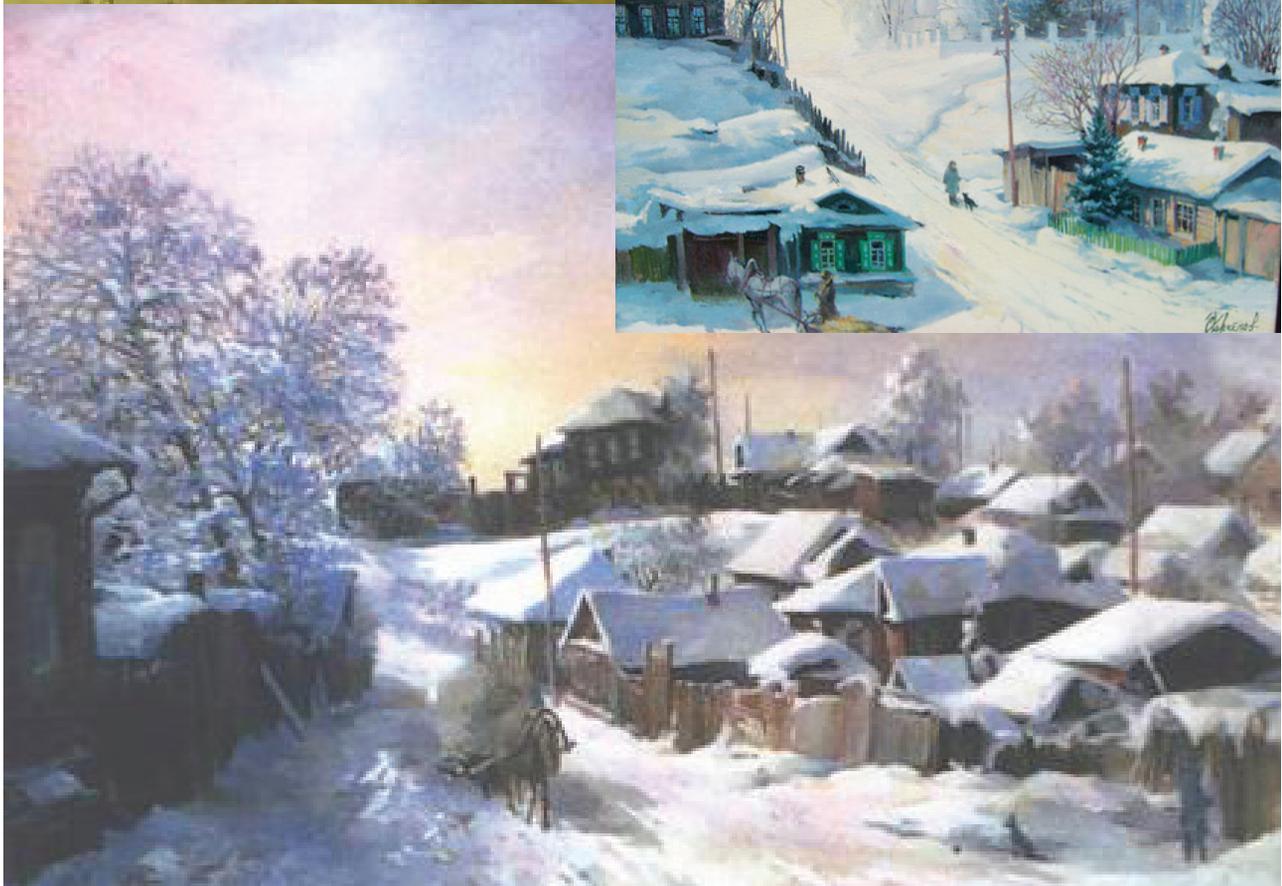
Елизавета Александровна Мейер (1894–1935) – языковед.

А.Г. Габричевского сослали в подмосковный г. Каширу на 3 года и освободили через год. Борис Исаакович Ярхо (1889–1942) – литературовед, переводчик; отбыл 5 лет ссылки в Омске. М.А. Петровского сослали в Томск на 5 лет. Несмотря на требование изоляции однодельцев, Шпета позже перевели в Томск.

Секретно-политический (4-й) отдел Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел вёл борьбу с антисоветскими элементами; его 7 отделение ведало наукой, литературой, искусством, учебными заведениями.

Енисейск

Н.Р. Эрдман А.И. Степановой 23 июня 1934

Никакого расписания пароводного движения не существует – вернее, существует, но не исполняется. Пароходы отправляются из Красноярска в Енисейск и из Енисейска в Красноярск через промежутки от 4 до 14 дней.

Николай Робертлович Эрдман (1900–1970) – драматург, поэт. В 1933–1935 находился в ссылке в Енисейске, в 1935–1936 – в Томске.

Ангелина Иосифовна Степанова (1905–2000) – актриса.

М.Г. Шторх

После нескольких дней ожидания парохода в Красноярске, наконец прибыли в Енисейск. Родители всегда с отчаянием воспринимали первый долгий день скитания по незнакомому городку в тщетных поисках жилья или ночлега. Уже вечерело, все были без сил и вконец измучены, когда попали в один из указанных домов (ул. Тамарова, 7), где молодая женщина с 4-мя или 5-ю малолетними детьми, её окружающими, сказала, что она бы пустила, да дом недостроен, да муж в тайге, а без него она не может. Мама в отчаянии её просила устроить их хотя бы на одну ночь. Та моментально согласилась. Постелив на пол кое-какие из взятых с собою тряпочек, все улеглись и были счастливы. Наутро хозяйка, которая оказалась милейшей и добрейшей женщиной, позволила им остаться у неё, пока они не найдут постоянную квартиру. Ну а муж? – да он пошумит и согласится. Прожили они там почти два месяца, – в шуме, в суете, без удобств, но воспоминания остались наилучшие. Как оказалось, это была семья Кытмановых, потомственных сибиряков, – добрых, работающих, глубоко порядочных людей.

...Первое письмо от папы пришло не скоро, писала мама:

«...Ничего хорошего пока здесь не вижу, одни неудобства. Нет комнат, нет керосина, электричества. Валяемся на полу, подложивши под себя всё мягкое, что взяли с собой, и поэтому нечем накрыться. Первые две ночи было тепло, а теперь похолодало...»

Главная папина забота о работе.

...молодая женщина... – Нина Андреевна Кытманова.

Г.Г. Шпет Леноре 3 августа 1935

Наталья Константиновна, вероятно, уедет около 1-го сентября, а потому тебе надо выехать – что-нибудь около 20 августа, так, чтобы ненадолго здесь побыть вместе. Всем вместе долго быть не удобно по соображениям здешнего квартирного местопребывания. Точно рассчитать твоё прибытие сюда невозможно, ибо неизвестно, сколько времени тебе придётся пробыть в Красноярске, дожидаясь парохода в Енисейск. Мы, например, попали очень неудачно и провалялись в Красноярске 5 дней! Может ли у тебя оказаться какое-нибудь поручение от твоего учреждения в Красноярске? И может быть, это облегчит нахождение в Красноярске приюта на ночь, – а иначе ночевать негде – кроме как в Колхоздоме! А может быть, какие-ни-

Красноярск. Дом крестьянина

Красноярск. Порт

будь художественно-воспитательные начинания можно завести в Енисейске, – с тем, чтобы я остался здесь твоим репрезентантом?

...Очень мне не хочется противоречить твоей сослуживице, которая в восторге от Енисейска, но, вероятно, есть два Енисейска: небесный и земной, – я нахожусь в земном...

Твоё представление о здешнем «первопутке» едва ли правильно: прими только во внимание, что когда здешние люди говорят о своём снеге, они говорят об измерении метрами, например, на крыше нашего дома снег ложится в 2 метра толщиной; для того, чтобы перенести гроб от конца города на кладбище – ¼ километра – по дороге расставляют вехи, и т.п.

...Н<аталия> И<льинична> правильно поняла: я просил газету с 1-го июля (хотя это «с» было написано и оплачено, его всё-таки потеряли) и просил дальше подписаться. Оказывается, здесь московские газеты легче достать, чем в Москве, и за июль я покупал. Буду покупать и в августе, потому что на август здесь не приняли подписки; вероятно, не примут и дальше; поэтому, если можно, подпишитесь для меня до конца года (ибо ходить здесь каждый день осенью и зимой в единственный киоск будет для меня вещью трудною). А вот «Советское искусство» свой экземпляр, пожалуй, перешли мне.

...художественно-воспитательные начинания ~ репрезентантом? – Л.Г. Шпет заведовала сектором театра Центрального дома художественного воспитания детей.

Наталья Ильинична Игнатова (1901–1957) – литературовед, переводчица.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой

16 августа 1935

Если предыдущие письма были заказными, проверьте на почте причины их пропажи: так рекомендует местное почтовое отделение. И вообще посылайте заказными – по принципу, которого держался Вл. Соловьёв в своё время: раз таковой институт существует, он тем самым свидетельствует о ненадёжности «простых» «отправлений».

О себе напишу позже, когда полностью вернусь в себя.

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) – философ, поэт.

М.Г. Шторх

Летом я подала документы в университет, но мне почти сразу было отказано; то есть просто не допустили даже до экзаменов. Вскоре я получила от папы письмо, в котором он выражает беспокойство о моей дальнейшей судьбе.

...После длительных почтово-телеграфных переговоров в конце августа я выехала в Енисейск. В это самое время брат Сергей ехал из Енисейска в Москву. В Красноярске мы с ним встретились на несколько дней. Основное время мы проводили в очереди на пароход, который ходил не ежедневно и был не в состоянии вместить всех желающих ехать. Другого

Енисейск. Почтамт. Современный вид

Енисейск. Енисей у почтамта. Современный вид

Н.К. и Г.Г. Шпет. 24 августа 1934

сообщения с Енисейском тогда не было. Шёл непрерывный обмен письмами и телеграммами с родителями. И брат, и я впервые были самостоятельны. Одна телеграмма от папы оказалась нам очень странной: «Снимись моментальное фото в Красноярске и вышли в Енисейск». По приезде в Енисейск мне объяснили, что перед Серёжиным отъездом они все трое пошли к фотографу и снялись, но что-то оказалось там испорченным и фотография не получилась. Папу это тогда очень огорчило; и родители вновь снялись уже вдвоём. Кстати, эта фотография оказалась последней, не считая малоудачной малюсенькой для документов. Впоследствии же выяснилось, что за всю жизнь не было ни одной фотографии отца с единственным сыном, в то время как со всеми четырьмя дочерьми были, хотя и в их самом юном возрасте. В это время у отца произошла резкая перемена в характере. Он как бы скинул покрывало сдержанности и перестал бояться проявлять свои чувства, стал более открытым, нежным, даже сентиментальным. Особенно ярко это проявлялось по отношению к Сергею. Первые дни после отъезда сына папа писал ему почти каждый день, не маскируя своей тоски.

Г.Г. Шпет Сергею 24 августа 1935

Время с тобой промелькнуло для меня, как миг, и всё-таки сколько воспоминаний! Больше всего вспоминаются две наши прогулки: на кладбище и к Времянке, когда ты был особенно мил и мягок. Но вспоминаю и всякие мелочи: кто будет теперь так очаровательно распечатывать посылки, заигрывать с письмами, книгами, газетами, ставнями? С кем мне обсуждать вопросы о достоинствах папирос и многие, многие другие? Когда вновь мне будут улыбаться твои ласковые глаза и когда опять я услышу твоего «чудака»?.. И всё пусто без тебя: нерадостно пойти на барахолку, или за книгами, или ещё куда-нибудь; нерадостно будет получать посылку, затевать что-н<и>б<удь>. Сегодня ходили с мамой на барахолку, и я думал только о тебе; купили смешной поднос, и я всё представлял себе, как бы ты к нему отнёсся. Хочу завтра переезжать и думаю: как же справимся без тебя? Скоро надо запирать ставни: и кто будет строить за

ними милые рожицы?.. Ко всему ещё неудача: карточка наша не вышла, испортился самый негатив, так что просто *никакого* изображения не получилось. Я послал тебе телеграмму в Красноярск, чтобы ты в моментальной снялся; если не успел или почему-н<и>б<удь> не удалось, сейчас же снимись для меня и пришли карточку, – впрочем, если из Красноярска и послал, снимись ещё в Москве и поскорее вышли мне, – мама – скучная, – должно быть, тоже думает о тебе, но чтобы не расстраивать меня ещё больше – помалкивает, и мы сидим, как два «разных» человека, каждый со своими думами, а на самом деле с одною думою – о тебе, о плуте и «чудаке». Да, брат, всё без тебя не клеится и не расклеивается. – Итак, решили завтра переезжать, но будет ли мне легче на новом месте: здесь всё слишком живо напоминает тебя, – от этого грустнее, но от этого же чувствую себя здесь роднее, теплее...

И *первую нашу* прогулку – в Красноярске, на гору, к башенке – тоже вспоминаю с большим удовольствием! А «цветок», который мы оттуда принесли, теперь буду беречь больше, как напоминание о тебе!

...И даже мухи, тоскуя по тебе, с отчаяния массами бросаются на мухоловку, так что скоро она – по закону Ньютона – достигнет поверхности стола!

Времянка – деревня Горского сельсовета в 4 км от Енисейска.

...в Красноярске, на гору, к башенке... – имеется в виду лишённая главы часовня св. Параскевы Пятницы на Караульной горе.

У деревни Горской. Современный вид

Красноярск. Часовня св. Параскевы Пятницы.
Рисунок В.И. Сурикова

Г.Г. Шпет Леноре 25 августа 1935

Золотой мой Норушок, напрасно ты так близко приняла к сердцу наши телеграммы и истолковала их, как «упрёки». Наше основное беспокойство относилось не к вам, а к порядкам и действиям НарКомСвязи. Надеюсь, теперь всё это уяснилось и не стоит на этом задерживаться. Теперь главный вопрос – твой приезд. ...Забирай для себя достаточное количество тёплого, об этом тебе Н<аталия> К<онстантиновна> уже писала. Если часть вещей возьмёшь багажом, то помни, что на пароход примут вещи в багаж только зашитые и перевязанные.

...А насчёт железнодорожных городов Восточной Сибири могу вам задать неразрешимую викторину: возьмите карту и найдите не только 5, а хотя бы 3 города (и притом не краевых и не университетских) между Красноярском и Иркутском!!

Сергей Шпет

Г.Г. Шпет Сергею 26–27 августа 1935

Дорогой мой Серёженька, не думай, что я перестал скучать по тебе – только потому, что природа опять ожилилась, опять солнышко и тепло, – надеюсь, и Красноярск встретил тебя этой изменённой погодой, а не холодом и грязью. От того, что стало веселей на улице, мне ещё больше захотелось, чтобы ты был со мною: куда-н<и>б<удь> пошли бы побродить или покатались бы на лодке. На Иофе мы ещё не переехали; Александрюшка вчера перепутала часы и не привела лошади, а Нина Андреевна просила подождать ещё дня два, потому ч<то> ей нужно лечь в больницу, – что ж?

На строящемся доме (по ул. Тамарова) уже лежит – от нас видно – светлая тесовая крыша! – Я подарил маме чудный медный поднос, – полметра в диаметре, – от которого она оторваться не может; будь ты здесь, мы бы перенесли её на этом подносе на улицу Иофе!..

...Итак, мой сынок, вчера – без тебя! – разными хитростями и уловками маме удалось увлечь меня на её «любимое» Иван-Озеро! Хотя мы на него всё-таки не попали, но оказывается, 1, что до него, действительно, ходьбы немного (не больше 1½ часов от нас), а, 2, мы до него так и не дошли! – Свернули на неправильный путь на расстоянии ¼ часа до озера! Впрочем – жалеть не приходится, потому что шли дорогой довольно интересной: лесок, – не та паскуда, что произрастает на торфяниках, прерываемый <нрзб> милыми плоскими полянами. Лесок – бледный, не воображаемый «сибирский», но всё же лесок. Теперь, конечно, мать вдвое распалилась желанием *открыть* озеро – на карте переселенческого комитета ведь здесь – «белое» место! И хотя от вчерашнего путешествия у меня загорелась на память о нём порядочная мозоль, но предчувствую, что это не помешает маме ещё раз буксировать меня к озеру!

Уже 12 часов, а телеграммы от тебя нет, – это уже беспокоит меня: я рассчитывал, что ты придешь в Красноярск 26-го (вчера), может быть даже утром, а, значит, телеграмма могла быть уже вчера... Но пока всё же надеюсь, что всё у тебя благополучно.

Енисейск. Иван-озеро. Современный вид

Енисейск. Пристань

Ну, вот, и новый адрес: ул. Иофе, 12... Теперь 6 час., мы уже почти разложились; начали переезд в 3 часа. Без тебя скучно... Кроме того, нашлось бы много работы для твоих беспокойных рук... у нас же всё выходит дилетантски!

Пишу при открытом окне, пот<ому> ч<то> тепло; вид всё-таки чудесный, и разнообразится больше, чем я ожидал: и на небе – облака, и на земле: люди, катера, баржи, лодки...

***Г.Г. Шнел* Сергею 29–30 августа 1935**

Сегодня пришла большая посылка: много разного, и ещё, и ещё скучно было получать без тебя, а насколько веселее было бы с тобою распечатывать её! Кроме неинтересных для тебя папирос – ты ведь не куришь (если не лукавишь... что было бы даже преступно по отношению ко мне!) – много вкусностей, в которых и ты был бы заинтересован. В новой квартире пока всё гладко; окно остаётся пленительным; преобладает сдержанная тишина; окно на запад у меня свободно, и ты великолепно мог бы расположиться у него за самостоятельным столиком! Вчера были с мамой у доктора Кныша, который, кажется, согласен взять меня под своё наблюдение, но до сентября у него отпуск.

Купил сегодня избранного Лермонтова – такое же издание, как Пушкин и Тургенев, – но без тебя скучновато и его читать!

Ты же видал, кажется, как мальчишки здесь таскают бревна с берега: в верхний и нижний разрезы вбиваются гвозди, на них прикреплена веревка, и бревно катится за мальчишкой по лугу, как вал!

...Ну вот, Серёженька, только сейчас (11 час. утра) получили телеграмму Марины, что ты уехал. (Телеграмма пришла вчера же, но письменосица нам не принесла, хотя на телеграфе соврала, что доставила, а расписку дома забыла, – мама установила всё это.) Значит, ты всё-таки немного опоздал, обидно, но что делать!

...Сегодня всю ночь шёл дождь, и сейчас то перестанет на минуту, то опять хлещет – мама ходила на почту и базар и вся промокла – всё небо серое, но ветра нет и не очень холодно. По моим расчётам ты уже проехал Омск, и, должно быть, у тебя погода – иная.

Даниил Власович *Кныш* (1890–1938) – врач; с 1930 в ссылке; расстрелян.

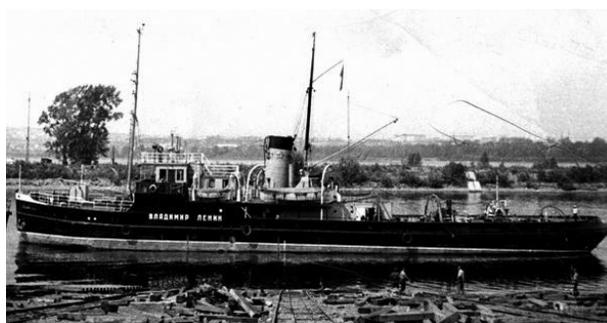
***Г.Г. Шнел* Сергею 31 августа – 2 сентября 1935**

У нас сегодня чуть повеселее, показалось среди дня солнышко.

От меня отлично видно, как поднимаются с Енисея и садятся гидропланы. Жаль всё-таки, что у меня нет хорошего бинокля.

...От Мариныши вчера пришла телеграмма, что едет с «Лениным», ожидаем завтра.

Позавчера мы с мамой были на улице Лазо – гуляли – помнишь, мы с тобою там тоже гуляли. № 24 – пустые комнаты; мама мгновенно, как мышь – в щёлку, туда! Действительно, можно было бы снять. Хозяин и хозяйка милы; он – Воронежской губ. Дом у него в образцовом порядке: кажется, единственный в таком виде на весь Енисейск: всё на месте – паз в паз, очаровательный огород (тыквы, дыни, арбузы, огурцы, картофель, малина, клубника и пр., – даже *один* ствол кукурузы с 4-мя головёшками), цветы пестреют, уютнейший сеновал, под навесом – порядок, которого ты, конечно, не вынес бы: каждый инструмент на месте; дрова, кирпичи и блоки не разбросаны, и всё – соответственно.

Теплоход «Владимир Ленин»

У них сын 26 лет – *идиот* (говорят, «от испуга»): когда ему был один год, нянька уронила самовар и испугала его); впечатление жуткое: обрюзглое лицо в бороде и усах, ни слова не произносит, ползает на четвереньках; по словам отца, он любит порядок; для него огромная радость, когда ему подадут руку, и отец просил нас сделать это, – я подал сразу, а мама некоторое время не решалась («боялась»). Отец говорил, что они, старики, «живут только для него», отдать его в приют, расстаться с ним не могут! И знаешь, когда он на четвереньках подполз к нему, и тот начал гладить сына по лохматой голове, сын такими добрыми глазами смотрел на отца, что я был растроган и впервые понял, как могут родители любить даже такого калеку!

Вчера под моим окном состоялся настоящий сорочий митинг: сороки со своими рулями-хвостами, в чистеньких и пёстреньких английских блузках, – очень нарядны и изящны, мне захотелось иметь сороку, но мама – против: оказывается, по её сведениям, сороки гадят, – как будто у неё куры будут издавать одни только фиалковые ароматы!..

Г.Г. Шнем Сергею 7 сентября 1935

Мама через два дня уезжает, и мне уже грустно...

Новостей, конечно, немного. Худшее – хозяйка непременно хочет вытеснить меня от окна, которое больше всего прельщало меня снять здесь комнату. Не знаю, как уладится этот вопрос! А без этого окна будет совсем скучно... Вчера вечером было изумительно; да вот, и сейчас: облака довольно частые, но далеко не сплошные, и нет, нет, да и заиграет солнышко, – сразу веселей и на душе!

«Баржа», в чинке которой и ты хотел было принять участие, вдруг исчезла: когда её закончили и как спустили на воду, я не заметил; очень жалко, – интересно было бы посмотреть, как её спускали; во всяком случае сейчас и «заграда» снята, и материалы убраны, и весь берег под «бульваром» очищен и свободен вплоть до электростанции.

Помнишь, меня интересовало, почему иногда лодки здесь лежат далеко от берега – на другом конце города – и, главное, *как же* их доставляют на реку? Вчера видел, – очень занятно: нос лодки укрепляется на передке повозки, а корма, – как сани, – волочится по земле или по траве, – одна лошадь легко тащит всё сооружение! Если хочешь, садись на корму и правь, – не нужно и вожжей...

Перед Мариной прибыл сюда на «Рудзутак» О.Ю. Шмидт, мы были на пристани (встречали Марину), когда «Рудзутак» отходил; мы с мамой стояли вдвоём, отдельно от других, на

Пароход «Ян Рудзутак»

О.Ю. Шмидт и Сталин

освещённом месте, и вообрази торжество мамы, когда Шмидт нас узнал и сделал под козырёк!.. Мама уже жалела, что мы не вышли *встречать* его, но тогда нас просто не пропустили бы на пристань.

...Конечно, когда исчерпались мои папиросные запасы, в енисейских лавках тоже нет папирос! Курю твой табачок: скручиваю папиросы и всё думаю о тебе, – а ты-то, небось, про меня совсем забыл?

Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) – математик, географ, астроном.

Г.Г. Шпет Л.Я. Гуревич 7 сентября 1935

Дорогая, милая Любовь Яковлевна, одной из первых фраз, которые я услышал, когда из потустороннего мира вновь выглянул в здешний – на первом свидании с женой – было восклицание жены: «Ты не знаешь, сколько у тебя друзей, и *какие* у тебя друзья!»... Она уга-

Л.Я. Гуревич

дала, что в тот момент говорит мне самое нужное и самое приятное, что прямо отвечает этим на главные мысли, от которых я не мог уйти во время своего «лежания» в изоляторе. Лёжа там, я не испытывал гнева по поводу порядка, лишившего меня свободы и оскорбившего меня, не испытывал раздражения против фальшивых друзей, давших повод этому миропорядку так неумно продемонстрировать мне свою слепую силу; преобладавшее во мне чувство было чувством несправедливо нанесённой мне *обиды*. Эта обида, естественно, прежде всего направилась против названной слепой силы, – ослеплённой мне неведомо откуда берущимся, но не дающим ей покою, страхом, – но постепенно, всё пересматривая, переосмысливая, я эту обиду начал переносить на самого себя: на свой образ жизни, на своё поведение, на своё отношение к другим. Я воображал, что выполняю кому-то нужную работу, – нет, не «кому-то», а людям страны, в которой родился, воспитался и культурном содержании которой вырос. И из-за этой работы я отказывал себе – и часто этим отказом обижал близких и дорогих мне – в том, что, может быть, есть самое ценное, – в обычном общении с теми, кто влёкся ко мне и к кому моё сердце влеклось... За мое претенциозное воображение я оказался жестоко наказанным, и те, кто знает лучше, чем я, что надо нашей стране в настоящий момент, поставили меня на место... Но тем временем, пока я пребывал в своем претенциозном заблуждении, не растерял ли я тех, кто могли наполнить мне жизнь сердечным содержанием и так украсить её? И вот на этот вопрос я получил прямой и ободряющий меня ответ, доставивший мне не только нечаянную радость, но, как мне кажется, и незаслуженную. – Когда я вышел на волю, первое, в чём я убедился, было, что жена сказала свои слова не просто для ободрения меня; она сказала истинную правду. Я оказался окружённым такой атмосферой нежного тепла, в которой дышалось легко и сладко, но время от времени выступали на глазах слёзы, и сердце сжималось от какого-то томящего стыда, – как я мог раньше уходить от этого и даже отталкивать это во имя каких-то мнимых, воображаемых «объективностей»?

...Когда – уже в поезде, уносившем меня от Москвы – я был буквально засыпан приветами и другими знаками внимания, памяти и дружбы, я в общем хоре всё же отчётливо различал и индивидуально Вас, – принимал каждый отдельный голос. Когда я прочёл Ваш привет, услышал Ваш голос и Вашей доброй дочери, – это и было одним из моментов, что глаза у меня наполнились слезами... Я увидел, как много я теряю, прощаясь с Вами, и я вспомнил, как я бывал нерадив, общаясь с Вами, жесток, жесток и даже груб... В отношениях со мною Вы

всегда были великодушны, всю эту *внешность* Вы игнорировали, *не хотели* видеть и прощали мне мою раздражённую грубость, ибо, верю, видели дальше, глубже, и понимали, что моё уважение к Вам подлинно и что моё сердце влечётся к Вам искренне. Что рассуждать об этом *теперь?* – но однажды сказать это нужно: в моём сердце и в моей памяти до конца дней моих Вы останетесь в том «сейфе», на котором надпись гласит: «самое дорогое».

Любовь Яковлевна Гуревич (урожд. Ильина; 1866–1940) – писательница, театровед. Её дочь Елена Николаевна Гуревич – театровед.

Енисейск. Ул. Иоффе, 12 (ныне 14). Современный вид

Д.М. Гершевич

П.С. Гершевич

М.Г. Шторх

Проводив Серёжу в Москву, я ещё несколько дней ждала парохода. Как раз в дни моего пребывания с братом в Красноярске родители переехали на новую квартиру, к Гершевичам, на ул. Иоффе, 12 (ныне 14). Семья Гершевичей состояла из очень экзальтированной хозяйки – Дины Минеевны, спокойного молчаливого мужа и дочери Сони – девочки лет 10.

...15 сентября мы с папой проводили маму и Л. на пароход.

Гершевичи Дина Минеевна (урожд. Эбельман, 1901–1986), Павел (Шраго Файвиш) Семёнович (1897–1944), Софья (Шейнда) Павловна (в замужестве Загидулина; *1924).

Л.Н. – жених Марины.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 15 сентября 1935

Моя золотая, замечательная Натуленька, мы ушли, когда уже совсем не могли различить вас; медленно вернулись домой, и ещё раз из собственного окна я увидел «Ленина», медленно тащившего баржу!.. Догадалась ли ты издали различить наш дом? Двухчасовая задержка всё-таки смягчила тяжесть, но что-то жмёт, жмёт, давит в груди... Может быть, день, присутствие Марины, эта задержка, но я не... распустился, как после Серёжи, – впрочем, тогда ты была со мною, и я мог себе позволить больше, тем более, что я знал, что в моей грусти по Серёже была для тебя доля приятности.

С Мариной я пробовал по дороге завести разговор о тебе; начал с того, что приближающаяся 23-ья годовщина нашей свадьбы – первая годовщина, что мы врозь; затем сказал насчёт того, что теперь большая половина твоей жизни проведена со мною, – Марина приняла всё несколько внешне, может быть, занятая своими мыслями – двоящимися! – и потому я так и не договорил то, что собственно хотел сказать: мысль, которая мне часто теперь приходит в голову и которую я тебе высказывал, – мысль о том, что кто бы мог сказать о той девочке, которую я узнал 25 лет тому назад, что из неё выйдет такая замечательная женщина и жена! Дома я сразу почувствовал к Марине то чувство отъединения, которое пред-

Наталия Константиновна и Марина Шпет

видел частично: я сейчас могу думать только о тебе, – а она?.. Но мне было приятно, когда на мой вопрос, кому она сейчас напишет, она ответила, что тебе! Золотая моя, ты сегодня сказала одну вещь, правду которой я тогда воспринял только головой, а вот сейчас чувствую всем сердцем: *сейчас я больше с тобою*, чем когда ты была здесь!.. Я действительно чувствую, что живу тобою!.. Мне продолжает очень и очень не нравится тон твоего отношения к Л.Н. и в особенности его к тебе (эта вульгарная «мамка» меня просто коробит), но когда вы отъезжали, я почувствовал к нему некоторую теплоту: до Красноярска и до поезда я всё-таки спокойнее за тебя. Пошёл дождь, Енисей зарябил и помутнел, – хорошо, что ты теперь под кровом и, надеюсь, в тепле. На Марину дождь подействовал в сторону усиления грусти... А я сейчас на какой-то меже – держусь, потому что всей реальности твоего отъезда ещё не ощущаю... Но наступит ночь, сон, утро, день... посмотрим, как будет, – хотя понимаю, что надо «держаться»... Но, вот, подумал, что наступит завтра, и мне с тобою никуда не идти, и ни о чём не говорить...

9½ часов, мы поужинали, ветер бушует, как при тебе ни разу не было!

11 часов – Енисей сердится на твой отъезд: разбунтовался и рокочет. Марина говорит, что ей это очень напоминает море в Коктебеле; даже при закрытых окнах слышно. Как-то тебе ехать?

Твоя круглая карточка уже поставлена около чернильницы, а новая, как ты хотела, вставлена (за вычетом меня) к Марго.

Моя золотая, золотая, бесценная, любимая, и ещё одно ты сказала правильно: мне не-много осталось жить, так не лучше ли бросить все хлопоты и заботы и жить хотя бы в тундре,

но быть с тобою, ведь быть с тобою вдвоём, забыв всё на свете, было мечтою самой розовой моей любви к тебе! И все мои Шекспировы останутся с нами и любовь детей!

Обнимаю, целую, тоскую, но живу тобою, – и от этого я крепче и сильнее!
Твой.

Целуй всех, моя умница, в соответствии с тем, как я бы сам это сделал!

Марго – Маргарита Густавовна Поливанова.

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 19 сентября 1935**

Золотая моя, денёк ещё лучше предыдущих: светло и тепло, – я ходил в город без пальто; ты, наверное, куда-нибудь повлекла бы, а у нас инициативы никакой. В такие дни по тебе скучаю ещё больше; впрочем, в дурную погоду тоже кажется, что скучаю «ещё больше»... У зубного был, но у него кто-то уже сверлился, и отложили на завтра.

...Закат сегодня превзошел все прежние: самый запад – раскаленный пурпур, к северу переходит в матово-пурпурный, пока не замирает в молочно-пурпурном; особенно красиво было – чего раньше не бывало – ближний мыс как будто дымкой был заволочён или покрылся патиной...

Енисейск

Енисейск. Аптека. Современный вид

Дина Минеевна мягка и мила; новая комбинация (вероятно, мужа): вместо перестановки гардеробов (из комнаты в комнату, как я предлагал) нам предлагается взять шкаф для посуды из кухни, куда будет переставлен буфет из «салона», а на место последнего – гардероб, который стоит у меня. Я выразил полное согласие. Встретил Тамару Петровну, извинился, но всё благополучно, они переехали к Леонтьевым. Она спрашивала, не соглашусь ли я давать уроки английского ей; я сказал, что спрошу тебя, так как она тебе нравится!

Чем более думаю об Омске, тем становлюсь скептически; уверен, что вследствие его относительной близости это помешает твоим дальнейшим планам, – прекрасный предлог для того, чтобы их отложить. Во всяком случае, только если будешь совершенно твёрдо уверена, что ничему дальнейшему не помешает, принимай предложение и переезжай.

Маринаша очень старается (немножко пересаливает с кофе, строго блюды твоё распоряжение, ни за что не даст лишнего стакана!) и мила, но у неё забавное противоречие, – я его и раньше видел, но оно так не формулировалось: быстрые умственные и эмоциональные реакции при замедленных двигательных.

Целую и целую.

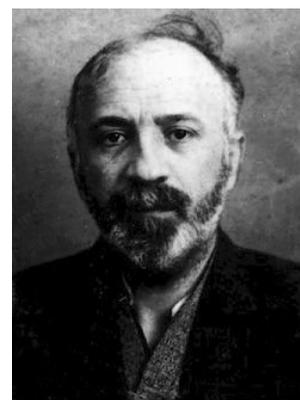
Твой.

Мне кажется так: если Лёля категорически откажет тебе в помощи, скажет, что сейчас он ничего сделать не может, тогда приезжай в Енисейск.

Тамара Петровна Братухина – учительница из Ленинграда; с 1935 в ссылке, в 1941 вновь осуждена. Не путать с репрессированной красноярской учительницей Тамарой Петровной Братухиной.

Лёля – заочное прозвище Григория Моисеевича Леплевского (1889–1938), с 1934 заместителя прокурора СССР; расстрелян.

Марина Густавовна вспоминает, что у Шпета хотел брать уроки английского и некий, «очень красивый», эстонец – в обмен на обучение эстонскому. Это Генрих Генрихович Тобиас (1906–?), учитель русского языка и литературы в педагогическом училище, родом из эстонцев-переселенцев.

Г.М. Леплевский

М.Г. Шторх

В нашем распоряжении было две комнаты, и отец мог заниматься. Пока в Енисейске у него не было никакой определённой работы. Он много занимался математикой, которую любил с юности, в частности – теорией рядов. Однажды вечером он вошёл ко мне радостный, весёлый и заявил, что он превзошёл Лузина (знакового математика-академика). Что именно это было, не только не помню, но и не могла тогда ничего понять. Все, начатые в Москве, литературные работы механически прекратились, что-то было аннулировано, что-то передано другим. Осталась недоконченной редакторская работа над Шекспиром. Ей предшествовал по крайней мере год подготовительной работы. Отец собрал более сотни книг по Шекспиру, его времени и современникам дополнительно к своей библиотеке. Также в своё время работал он и над переводами Диккенса, и итогом этой работы появился отдельный том комментариев к «Запискам Пиквикского клуба».

...В детстве мы побаивались папы; он не умел обращаться с маленькими детьми, и мы считали, что он нас не замечает да и не особенно любит. Помню, как я была поражена (мне было тогда уже лет 15-16), когда познакомилась с одной женщиной (тогда ещё говорили «дамой»), встречавшейся с отцом, и она сказала, что хорошо себе представляет всех нас, потому что он ей много про нас, детей, рассказывал. Позднее я поняла, что папа в Енисейске и со мной и с братом делал попытки наладить более близкие и уже взрослые отношения, но мы не были с ним достаточно откровенны. И всё же лед тронулся. Как-то в этот, енисейский, период папа мне сказал: «Я всегда считал, что мы существуем для “Шекспиров”, а теперь понял, что я неправ и что Шекспир существует для нас».

...Ещё папа говорил, что он надеялся в ближайшие годы отойти от переводов, что на гонорары за проделанные работы он купит загородный дом и вернётся к философским занятиям, что у него многое не закончено и есть кое-какие планы. Подробнее он эту тему не развивал; наверное, я была малоподходящим объектом для таких разговоров.

Сентябрь в том году был замечательный. Кроме ежедневных посещений почты, мы часто ходили за город... Часто гуляли по берегу Енисея. Однажды я показала папе на другом берегу красивую рыжую собаку. Папа так смеялся, что не мог ничего выговорить: это была не собака, а корова. Енисей был так широк, воздух так чист, краски так яркие, что я не почувствовала расстояния, не поняла искажения размеров и приняла корову за собаку.

...По воскресеньям в городе на базаре бывала «барахолка», на которую мы всегда с удовольствием ходили. Чего там только не увидишь. Очень много мелочей мы там прибрали, и всё старенькие вещицы: подсвечники, мисочки, разрезательный нож... Запомнилась одна

старушонка, которая на большом разостланном на земле платке продавала всякую мелочь вплоть до одного винтика или булавки. Один раз на этом платке попалась очень красивая чайница красного стекла, к сожалению, без крышки. Мы стали искать какую-нибудь крышечку и через некоторое время у той же старушонки нашли очень симпатичный медный колпачок. Каково же было наше удивление, когда, придя домой, мы примерили этот колпачок, и он плотно наделся на горлышко чайницы. Было совершенно ясно, что попал он на своё законное место. Раз папа увидел в куче рванья хорошо сохранившуюся книжку. Это оказался однотомник Ростана в издании Маркса. Книга была немедленно куплена и подарена мне. Я никогда не слыхала даже имени Ростана. Какое удовольствие мы оба испытывали, когда папа читал её вечером вслух.

... Так прожили мы полтора месяца. Это, пожалуй, один их лучших периодов моей жизни. Я впервые почувствовала папу по-настоящему.

Николай Николаевич Лузин (1883–1950) – математик.

Чайница – банка для хранения чая. – М.Ш.

Эдмон Ростан (1868–1918) – фр. поэт, драматург. Адольф Фёдорович Маркс (1838–1904) – издатель. Собрание сочинений Ростана вышло в 1914 в 2-х томах.

Г.Г. Шпет Сергею 22 сентября 1935

Думать о «конце» для меня, конечно, не преждевременно; и хотя это ещё – не *физический* конец, но это – начало его, и, боюсь, его отрицательное влияние тебе ещё придётся испытать; не относись к этому легко.

За «правду» насчет курения, конечно, не осуждаю; за «лукавство» – не слишком; а по существу: что же тут поделаешь? Все, кто уже втянулся в курение, жалеют об этом и проповедуют некурение, но, видимо, так же мало как они сами в состоянии отказаться от курения, мало действует и их жалость и проповедь на начинающих курильщиков.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 30 сентября 1935

Вообще, *единственное*, что меня угнетает и в чём я не вижу просвета: материальное положение семьи. Как его спасти (в особенности «дотянуть» Серёжу и его ученье), не вижу. На работу здесь не надеюсь, а если со временем и будет литературная работа из Москвы, я всё-таки буду в том же положении, что был несколько лет тому назад: литературные заработки выручают человека через два-три года, а до тех пор кредит, лишь бы не сдохнуть. На Academia я возлагал надежды в том смысле, что получение *всех* денег из неё дало бы мне возможность оттянуть необходимо предстоящую ликвидацию квартиры. Такая ликвидация – дело сложное и трудное, я рассчитывал оттянуть до лета или осени будущего года. Теперь придётся с этим делом торопиться, – сами представляете, как это беспокоит, трудно и непрактично. 500 р. (на самом деле 478 р.), которые будет высылать ГЛИЗД на двоих (я + Марина, Нора и пр. пр.), здесь не хватит (всё дорого, кроме воздуха); мы высчитывали минимум 600 р. и притом без папирос, одежды и при посылках. Что же я могу дать семье? Каждый день – пока мысленно – я сокращаю свою библиотеку, практически же её сокращение начнётся с возвращения Марины, которая будет мне присылать списки, а я буду отмечать, что идёт к продаже (Серёжа начал это делать, но пока – весьма примитивно и ограниченно); допустим, мы сделаем это быстро и энергично и доведём, как я предполагаю, до одной тысячи книг, с которыми пока (? сколь длительное «пока»?) мне ещё не хочется расставаться, – сколько я из этого извлеку и, главное, на сколько времени это хватит для семьи? Боюсь, что для предположенного срока ликвидации квартиры этого не хватит, а значит... то, что уже написано.

Источник моего уныния, таким образом, Вам ясен (само собою, разумеется, что пишу только для Вас), и это – тот случай, когда уныние *не может* привести человека даже к самому скорому и краткому решению жизненной проблемы: к самоуничтожению!

Вне этого я был бы доволен, – заметьте, – «доволен», а не «мирюсь»! – ибо всё мне здесь мило: каждый покосившийся домик, каждый ржавый гвоздь, даже деревянная мостовая и коровий помёт на ней, – всё мило! Я уж не говорю о восхищающих: небе, звёздах, воздухе, воде!.. Милы! – вот до чего дошло! – и люди. Правда, именно из людей-то *кое-кого* и недостаёт... но ведь я не говорю, что мне милы *all the little nothings* только *здесь* и только со здешними людьми... *Этого* я не говорю, а говорю зато много больше: попросту это есть возвращение к себе, натуральному – не в руссовском или толстовском смысле, а в самом «мещанском», – возвращение в свой дом...

...Жизнь вдруг стала казаться вольной и привольной, появилось множество затей (большинство – ещё весной и летом), – как только что-нибудь начнёт осуществляться, конечно, Вы тотчас узнаете. Пока эти затеи – только «воображаемые»...

ГЛИЗД – Государственное литературное издательство.
All the little nothings (англ.) – все мелочи.

Г.Г. Шпет Сергею 3 октября 1935

У нас огромные перемены: новые виды и перспективы благодаря тому, что листья с деревьев слетели и стоят голые мётлы, многочисленные огороды, которые ты видел на пустырях, сняты, и вместе с овощами сняты и всякие загородки, прутья, плетни и пр.; не снято только, где – дощатые заборы. Пустыри зияют, как пустые дёсны у стариков, растерявших зубы! Заметнее всего углы улицы, которые теперь не обходятся под углом, а *<нрзб>* все прямо по диагонали бывшего огорода. В домах вставляются вторые рамы, и домики (с подсыпанными завалинками) принимают, даже с внешней стороны, более компактный вид. Енисей мелеет: остров, который мы объезжали, с дальней стороны каким-то полулунием соединился с берегом, очень распух в ширину, а с ближнего ко мне конца вытянулся и тянется дальше на соединение с островком, который образовался прямо против моего окна, виден даже пережат, который вот, вот обнажится и свяжет всё в одну массу, покрытую сплошной галькой.

Г.Г. Шпет Сергею 18 октября 1935

Сегодня очень забавно было наблюдать мальчишек, которые носились на коньках между берегом и островом – где мы проезжали на лодке, а Енисей течёт чистый и гладкий, как ни в чём не бывало.

Из маминого письма вдруг сообразил, что кончается твоя первая четверть, а я так ничего и не знаю: кто тебя спрашивал, когда, как ты отвечал и как вообще справляешься с уроками и как в частности по отдельным предметам? Очень бы хотелось, чтобы всё сошло благополучно и чтобы ты сразу себя поставил на правильное и прочное место. А у тебя нет такого чувства, что именно теперь, при создавшейся ситуации тебе надо занять в школе очень выдающееся место?.. Чтобы можно было сказать: вот какой у него (у меня) сын!..

...Если перо тебе подошло, оставь эту мою ручку себе, – может, оно поможет тебе писать не с такими отчаянными пропусками букв и слогов...

Г.Г. Шпет Сергею 1 ноября 1935

Жаль, что ты не написал своего мнения о Базарове подробнее. Читал ли ты, между прочим, статью Писарева о нём? На меня, когда мне было лет 14, Базаров произвёл сильное

впечатление. Это был в моей жизни период, когда детские конкретные идеалы, – то есть увлечение каким-нибудь живым лицом, сверстником или старшим, и подражание ему, – сменяются рефлексивным идеалом, созданным по книжкам, например, литературных типов и исторических лиц. Ну, так вот, Базаров одно время был для меня таким «идеалом». Повредило мне только в одном отношении: оттолкнуло на время от искусства, поэзии, красот природы и в таком роде. Зато дало и большой плюс: внушило некоторый жизненный аскетизм, стремление обходиться малым, а главное – «воздержание», вследствие которого, например, я не курил, когда все товарищи курили, а ещё важнее – целомудрие (я стал относиться к женщинам, изгоняя в себе всякую похотливую мысль), которое поэтому мне и удалось сохранить до совершенно взрослых лет. Правда, это увлечение способствовало «напусканию» на себя внешней грубости (манер и обращения), но это, вероятно, было бы и без Базарова, потому что это болезнь возраста, и все мы, независимо от литературных типов, умеем выбрать себе образец грубости среди живых взрослых...

...(Кстати, не пиши «сформулировать» – правильно сказать просто «формулировать»; надо избегать связывать *русские* приставки с *иностранными* словами, – сформулировать, проформулировать, прорезюмировать и т.п. не слова, а убления, «помеси», и они не нужны. Соответствующие слова и без приставок выражают то, что нужно.)

Ты абсолютно прав, что мальчики 14–16 лет понимают больше, чем это иногда кажется взрослым. И это «кажется» тем более странно, что каждый взрослый ведь прошёл этот период и должен знать и помнить собственную психологию. Но, видимо, тут сказывается разница перспектив: *личный* жизненный опыт взрослого меняет для него картину его былого восприятия, а с другой стороны «понимание» мальчика или юноши более отвлечённо, более теоретическое, поскольку за его спиной нет этого личного опыта. К этому ещё надо добавить, что возраст этого начинающегося понимания жизни есть вместе с тем возраст ухода юноши в *самого* себя, а тем самым и отчуждения от других, в особенности от тех, с кем он был близок до этого переходного момента от «детскости» к «взрослости»; ибо кроме действительного «непонимания» со стороны этих близких (или «бывших» близких) есть ещё и *преувеличение* этого непонимания со стороны самого взрослеющего. Наконец, надо принять во внимание и то, что момент перехода уловить бывает очень трудно – он происходит не по календарю – и, вот, оказывается, люди, недавно близкие, становятся далёкими, а близким делается какой-нибудь случайный встречный или мимо проходящий (иногда, увы, даже просто проходимец!). Иногда это отчуждение некогда близких бывает очень длительным; обе стороны уже жаждут нового сближения, а жизнь так разорвёт, что оно и не последует – останутся одни больные раны с обеих сторон... И «проходимец» провалится, а разрыв всю жизнь зияет!

Очень бы мне хотелось, чтобы у нас с тобою не было разрыва, чтобы это лето и наша переписка, наоборот, послужили началом нашему большему пониманию друг друга и нашей более интимной дружбе. Очень, очень мне этого хочется, дорогой мой сын.

...о Базарове ~ статью Писарева... – Статья критика Дмитрия Ивановича Писарева (1840–1868) «Базаров. “Отцы и дети”. Роман И.С. Тургенева» (1862).

М.Г. Шторх

Неожиданно в Енисейске отец стал переводить поэму А. Теннисона «Энох Арден», без всякой уверенности, что это может быть напечатано. По вечерам он обычно читал мне переведённые тексты. Потом я их переписывала, а он вносил поправки и переделки. На титульном листе я написала перевод «Г.Г. Шпета», а отец переправил на «Ивана Кашубского» и пояснил, что таким псевдонимом он подписывал некоторые свои ранние работы.

...Где-то около 7 ноября приехала Нора. Приехала она последним пароходом, навигация кончалась. Пароход окружала шуга, не было уверенности, что он пробьётся. Весь город был в волнении и встречал этот последний в сезоне пароход на пристани.

Началась новая жизнь – втроём. Приближался день свадьбы моих родителей – 12 ноября. Так как мы знали, что папе эта дата особенно дорога, то решили устроить ему сюрприз. Ещё в Москве, последние два-три года отец любил иногда вечером пойти в ресторан или кафе с мамой, а желательно и с кем-нибудь ещё: иногда они брали кого-нибудь из детей или из друзей. Конечно, такое случалось нечасто, но тем не менее маме это надоело и однажды она устроила «кафе» в своей комнате. В углу был поставлен небольшой столик, с уютной настольной лампой, красивая сервировка, какое-то необычное изысканное блюдо, заранее написанное меню, а на двери вывеска: Кафе «Natalis». Отец радовался как ребёнок, и в последний московский год жизни кафе «Natalis» стало его любимым развлечением. Мы с Норой и решили устроить нечто подобное. Как могли украсили комнату цветной бумагой, из скудных продовольственных запасов составили длинное меню, написали вывеску об открытии впервые в Енисейске кафе «Natalis», филиал «Б». Папин восторг превзошёл все наши ожидания.

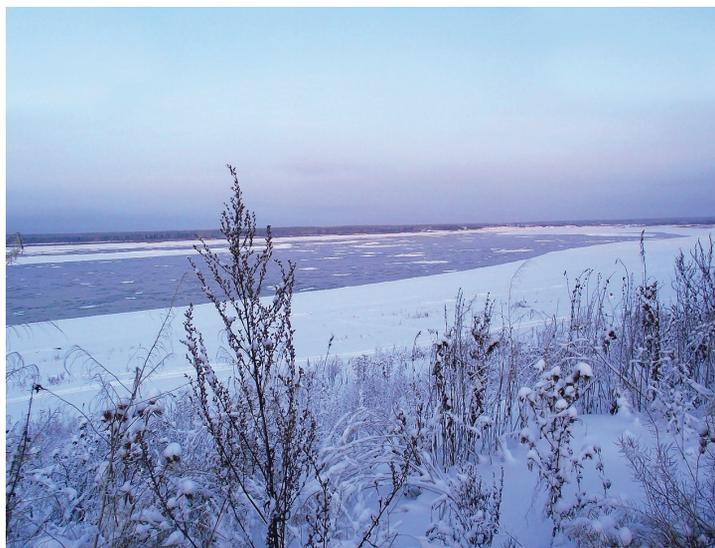

Ленора Шпет

...Частенько захаживали вечерами к Кытмановым – хозяевам первого пристанища в Енисейске. Милейшие люди. Но они очень настойчиво угощали выпивкой, что папе совсем не нравилось, хотя в умеренных количествах папа любил и водку. Ещё обычно приходили их соседи: «поп с попадъёй», как их все звали. Они все с большим уважением относились к папе и очень нам помогали при отъезде из Енисейска.

...Жизнь вошла в относительно спокойную колею. Папа с нетерпением ждал вестей из Москвы, но пока ничего конкретного не было ни с договорами, ни с ответом на прошение его именитых друзей о переводе его в какой-нибудь другой город, желательно университетский, чтобы иметь возможность там работать.

В одном из писем мне мама пишет: «Мучаюсь за папу. Понимаю, что его волнение и для нас тяжело... С договорами дело не так просто, как папа пишет; пошёл кто-нибудь да и подписал, особенно на Гегеля. Книга трудная, и не со всяким можно подписать. А хоть распоряжение дано, чтобы у него была работа, но пойти-ка найди концы. Куда, кому – неизвестно, бумажек об этом на руках нет...»

Шуга на Енисее

...В Москве начали издавать сочинения Гегеля ещё до ареста отца. Шла речь о том, что «Феноменологию духа» поручат ему. Несмотря на все изменения в его судьбе, разговор о переводе продолжался. Несколько забегая

вперед, скажу, что весной договор был подписан...Перевод отец сделал и отредактировал, но издан он был лишь в 1959 году, уже после хрущёвской реабилитации.

*Альфред Теннисон (1809–1892) – англ. поэт.
... около 7 ноября приехала Нора. – 6 ноября.*

В.И. Качалов

М.Ф. Гнесин

Г.Г. Нейгауз

О.Л. Книппер-Чехова

А.В. Щусев

Н.Н. Лузин

Зная профессора Г.Г. Шпета как человека огромных и многосторонних знаний и высокой умственной культуры, мы не можем отнестись равнодушно к тому тягостному положению, в которое он попал, очутившись в г. Енисейске. Вдали от железной дороги, вдали от какого-либо культурного центра, Г.Г. Шпет фактически лишён возможности продолжать свою научную и литературную деятельность. А главное – местные условия этого города таковы, что Г.Г. Шпет не может найти там применения своим силам, – именно его культурная ценность, знание языков, литературы, искусства и т.д., остаётся совершенно неиспользованной. К тому же тяжёлое состояние его здоровья заставляет нас опасаться за самую его жизнь в этом городе, где ему не может быть предоставлен ни необходимый медицинский надзор, ни быстрая помощь из какого-либо другого, более крупного центра.

Всё это и заставляет нас горячо поддерживать ходатайство семьи Г.Г. Шпета о замене для него Енисейска каким-либо другим, желательно университетским, городом, где он мог бы быть полезен своей работой, – и где мы могли бы быть спокойны за его здоровье.

Народный артист Республики В. Качалов
Заслуженный деятель искусств Мих. Гнесин

Проф. Г. Нейгауз

Народная артистка Республики О. Книппер-Чехова

Академик Стр<оительной> А<кадемии> А. Щусев

Академик Н. Лузин

Василий Иванович Качалов (Шверубович; 1875–1948) – актёр. В октябре 1935 организовал сбор подписей деятелей культуры под просьбой о переводе Шпета в университетский город и под «просьбой разрешить Н.К. Шпет и её детям проживать в Москве и выдать им паспорта».

Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957) – композитор, педагог.

Генрих Густавович Нейгауз (1888–1964) – пианист, педагог.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959) – актриса.

Алексей Викторович Щусев (1873–1949) – архитектор.

Уч<ётно>-ст<атистический> отдел

Выписка из протокола

Особого Совещания при Народном Комиссариате внутренних дел СССР
10 ноября 1935 г.

Слушали

99. Пересмотр дела № 1008 Шпет Густава Густавовича ос<обого> постан<овления> Ос<обого> Сов<ещания> от 20/6-35 г. к ссылке в Енисейск сроком на 5 лет, сч<итая> срок с 14/3-35 г.

Постановили

Во изменение прежнего постановления – Шпет Густава Густавовича сослать в г. Томск на оставшийся срок.

ВРИО – Отв<етственный> секретарь Особого Совещания <подпись>

ВРИО – временно исполняющий обязанности.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 13 ноября 1935

Нельзя ли Беркли опсевдонимить?

...Достоевский, конечно, есть в здешней библиотеке, но условия пользования ею для меня неблагоприятны: «беллетристика» выдаётся на шестидневку, «научные» книги – на более долгий срок. Главная же беда: мы расходимся с библиотекою в понимании «научности» и «беллетристичности», – по *понятию* библиотеки, том Шекспира с 10 драмами – беллетристика, а любая биография Павленковской серии – научная книга, а у меня об этом вовсе понятия не имеется.

...Я перевёл *Эноха Ардена*; кажется, его не было в русском переводе. Прочтите мой перевод и всё, всё отметьте и пришлите мне все свои замечания и соображения.

Енисейск. Библиотека. Современный вид

Джордж Беркли (1685–1753) – англ. философ. Перевод его книги «Три разговора между Гиласом и Филонусом» (1713) Шпет предполагал издать под псевдонимом переводчика; она вышла весной 1937 без указания имени.

Шестидневка. – С декабря 1931 до июля 1940 в СССР была шестидневка, не совпадающая с традиционной неделей; дни отдыха приходились на 6, 12, 18, 24, 30 числа.

Флорентий Фёдорович *Павленков* (1839–1900) – издатель; знаменит выпуском серии «Жизнь замечательных людей».

...Эноха Ардена ~ *в русском переводе.* – Русский перевод поэмы А. Теннисона «Энох Арден» появлялся дважды: в 1886 анонимный прозаический в журнале «Эпоха»; в 1888 – стихотворная повесть А.П. Барыковой «Спасённый» с заменой английских имён русскими, по 1911 переиздававшаяся в московском издательстве «Посредник».

Г.Г. Шнем И.В. Сталину, вторая половина ноября 1935

Глубокоуважаемый И.В.! Какое право имею я беспокоить Вас и рассчитывать на Ваше внимание? – Это право дают мне, во-первых, глубокая уверенность в том, что для Вас не безразлична судьба даже самого скромного работника, силы и воля которого могут служить делу социалистического строительства, и, во-вторых, искреннее убеждение, что мои знания и способности могут быть приложены к делу нашего строительства. С другой стороны, считаю долгом заявить, что, как убеждённый сторонник социализма и верный советский гражданин, я отдаю себе отчёт и в тех обязанностях, которые я беру на себя, обращаясь с просьбой о помощи лично к Вам, и я не осмелился бы на такое обращение, если бы не был проникнут искренним желанием выполнить эти обязательства.

Сейчас меня переводят в Томск. Это смягчение моей ссылки совсем не радует меня, и только боязнь быть неблагодарным по отношению к тем моим друзьям («Старички» МХТа), которые так трогательно озабочены моей судьбой и так много сделали, чтобы улучшить моё положение, заставляет меня согласиться на переезд. Не радует же это меня потому, что не трудные (физически) условия жизни в Енисейске угнетают меня – угнетает вынужденная оторванность от участия в жизни моей страны, как раз в момент наибольшего её подъёма, незаслуженное (по моему чувству) исключение меня из рядов *нужных* моей стране людей.

Кратко говоря – я бы просил не о смягчении, а о реабилитации. Без этого трудно работать, даже если совсем не считаться с непосредственным чувством подавленности, но и объективно – я уже по опыту этих месяцев понял во что конкретно превращается, официально заявленное мне в НКВД и подтверждённое моим друзьям прокуратурой Союза, разрешение заниматься литературным трудом. До 15/III 1935 г. (день моего ареста) я был буквально завален предложениями работы, я работал по 14 ч. в сутки и не справлялся с взятыми обязательствами. Теперь во всех издательствах оказывается в плане нет ничего для меня подходящего (хотя я могу переводить с 17 языков), издательство Academia изъяло из производства мои переводы, а некоторые издательства предлагают заключить договор на мой готовый перевод – не на моё имя. Очевидно моё имя признано одиозным.

Я готов признать, что в моей общественной жизни за последние 18 лет были ошибки, что иной раз я мог недоучитывать политический момент и, слишком болезненно воспринимая недоверчивое отношение советской власти к старой интеллигенции, недостаточно объективно оценивал происходящее. Но я никогда не мог представить себе жизни вне советской России, я всегда был честен по отношению к советской власти и не знаю момента, когда бы я по собственному ощущению не был вполне предан ей. Именно потому, что мне по существу так нужно участие в жизни моей страны, я не позволяю себе думать, что и я не так уж не нужен ей, как признано органом НКВД. Я не могу упрекать НКВД за то, что когда ему пришлось выбирать между моими показаниями и показаниями против меня некоторых из привлечённых по тому же

делу, – оно выбрало *не* мои, Это может быть понятно. Но признать правильным предъявленное мне обвинение я все же не мог, не могу и теперь.

Сил у меня немного и жить осталось немного, – может быть, как раз те 5 лет, которые я осуждён пребывать в ссылке; невыносимо доживать жизнь, не служа той идее, которую исповедовал с юности. Вероятно, некоторое из моих жизненных планов мне удалось бы довершить, если бы я продолжал работать в своих прежних условиях, но и это немного – в особенности работы по Шекспиру – мне не представляется бесполезным для строительства социализма и пролетарской <республики...> В период расформирования Академии художественных наук я высказывал иногда резкие суждения о политике Наркомпроса, без протеста выслушивал жалобы на трудности нашей работы. Но в названной выше работе над Байроном, Дикенсом и в особенности Шекспиром я нашёл полное удовлетворение и эти разговоры само собой прекратились.

Чистка 1930 г.

Я – бывший профессор Московского университета, директор философского института, затем вице-президент Государственной академии художественных наук. В 1930 г., по расформированию академии, я подвергся чистке и был отнесён ко второй категории с запрещением (без ограничения срока) занимать административные и идеологические руководящие должности, но с разрешением (принимая во внимание моё знание языков) заниматься литературно-переводческой работой. Ещё раньше, в 1926–7 г., когда на одну из двух вновь открытых при Академии наук СССР философских кафедр, была выставлена моя кандидатура, в советской прессе появились отводы и заметки, разъяснявшие меня как *идеалиста*. Во время расформирования Академии худ. наук в прессе вновь стали появляться заметки, разоблачавшие мой идеализм и (мнимый) – антимарксизм. В одной из газет было напечатано моё опровержение, но оно сопровождалось редакционной заметкой, возводившей ряд новых инвектив, и нужного впечатления произвести не могло.

Работа после 1930 г.

Я перестал работать в научно-исследовательских учреждениях и приостановил свою литературную работу в сфере моей специальности – философии и соприкасающихся с нею дисциплин. Итак, я занялся переводческой работой. Работал я так много, как только допускали силы. Я консультировал при издательствах и вёл редакционную работу по классической литературе Англии, Польши, Германии, скандинавских стран и др.; я перевёл несколько романов Дикенса, несколько пьес Байрона, – в числе их *Каин. Манфред, Небо и земля*; я провёл ответственную работу по редактированию английского перевода *Анны Карениной*, изданного в Москве по заказу из Америки; в прошлом году я выпустил отдельной книгой историко-литературный, исторический и бытовой *Комментарий к Запискам Пиквикского клуба* Дикенса, – впервые в мировой литературе такого типа и объёма; последние полтора года я работал над редакцией нового перевода *сочинений Шекспира* и написал 15 листов комментариев к 10 его драмам, – в эту работу я вкладывал все свои силы: я поставил целью добиться издания, превосходящего все прежние издания, с учётом всех достижений английской шекспировской филологии, издания, восстанавливающего подлинного Шекспира, освобождённого от тех «поправок» и приспособлений, которые вносились буржуазными лицемерием и цензурой, словом, издания, которое было бы достойно советской социалистической культуры и которое демонстрировало бы на самой родине Шекспира нашу научную щепетильность.

Арест и первое обвинение.

Всем моим усилиям внести посильную долю в наше социалистическое строительство был, однако, положен предел арестом в ночь с 14 на 15 марта 1935 г. – Прежде всего следствием мне было предъявлено обвинение в том, что я принимал участие в редактировании *немецко-русского словаря*, том первый которого вышел под редакторством лиц, сочувственно настроенных к фашистской Германии; в то же время следствие обвиняло меня в связях с лицами, исповедовавшими русский (великорусский) национализм. И фашизм и какой бы то ни было национализм в корне несовместимы ни с какими моими взглядами и установками. Что касается фактического участия в упомянутом словаре, то оно было минимально и, поскольку я был приглашён после того, когда общий план, объём, состав и пр. словаря были утверждены, и не принимал участия в обсуждении этих вопросов, я не мог даже подозревать о фашистских тенденциях главного редактора *словаря*.

Моё особое заявление на следствии.

Тогда же кроме формальных ответов и объяснений я представил следствию особое заявление, в котором имеется краткая декларация о том, что, исповедуя с юных лет социалистические убеждения, я никогда не примыкал и не мог примыкать ни к каким контрреволюционным организациям, группам, заговорам или сговорам. Тогда же я разъяснил следствию, что октябрьская революция мною была принята не так, как она была встречена моими коллегами из буржуазной профессуры; для меня октябрьская революция не была «свалившейся с неба». Я принимал активное участие в революционном движении в своей юности (период 1-го съезда с<оциал>-д<емократической> партии, период так называемый борьбы мест с экономизмом, когда я входил в Комитет одной из южных групп), подвергался репрессиям царского правительства, не раз сидел в тюрьме и, хотя, всецело отдавшись научной работе, перестал быть профессиональным революционером, тем не менее не менял своих убеждений. Поэтому я не только выступил сразу же после октябрьского переворота против пресловутой забастовки учителей, но тотчас по переезде правительства в Москву искал работы и работал в учреждениях нового чисто советского типа. За все время существования советской власти у меня не было основания менять своего к ней отношения. – Когда следствием было установлено, что я мог давать поводы антисоветским и контрреволюционно расстроенным лицам предполагать, что я разделяю их убеждения, я не мог не признать, что с одной стороны таким поводом могла быть – независимо от меня – неправильно понимаемая, моя философская позиция; а с другой стороны моя собственная, не достаточно активная и чёткая, линия общественного поведения. Наконец, я позволял себе высказывать суждения, которые сами по себе, или будучи высказаны в присутствии людей, сочувствующих советской власти, были безобидны, но которые людьми, настроенными иначе, могли быть использованы в направлении, мною непредусмотренным. Мне казалось, что моё происхождение, воспитание (моя мать – швея, первое воспитание – уличное, самостоятельно зарабатывал с 14 лет) и взгляды, как до революции, так и после революции, являются достаточной гарантией против неправильного толкования моих слов. По-видимому, я был неправ, – мне, как советскому гражданину и бывшему активному революционеру, следовало быть более бдительным. По моему впечатлению следствие не нашло подтверждения для первоначально выдвинутого против меня обвинения в национализме в какой бы то ни было его форме.

Второе обвинение.

Далее, следствие перешло во вторую фазу и после нескольких попыток связать меня с разными лицами и группами лиц, характеризованных как контрреволюционеры, след-

ствие остановилось на группе, состоявшей – кроме меня – из трёх лиц, с каждым из которых у меня были отношения разной близости и отдалённости, но ни одного из них до своего ареста я не подозревал в контрреволюционных замыслах. Следствие представило мне собственные признания двух из них, хотя ни о каких конкретных фактах на очной ставке речи не было. Моё положение было тем более затруднительным, что я не мог себе представить мотивов их поведения, не допуская ни личной вражды с их стороны, ни сознательного намерения оклеветать меня; также не хотел я думать, что здесь имеет место сознательное вредительство: срыв моей работы. Эти лица и вслед за ними следствие ставили меня во главе этой группы в качестве их «политического лидера». Я отрицал и отрицаю наличие какого бы то ни было замысла, плана, организации или, и каких бы то ни было, хотя бы общих директив, исходящих от меня или кого-либо другого. – Получался странный итог: по признанию этих лиц, я возглавлял их группу, но я об этом не знал; я руководил ими, но этого не признавал...

Приговор.

Приговор, вынесенный мне особым совещанием НКВД – очень жесток: 5 лет ссылки в г. Енисейск. Жестокость приговора усугубляется тем, что постигшая меня кара распространилась и на мою семью: одна из моих дочерей, бывшая ударницей и премированная грамотой, уволена со службы. Вторая моя дочь, окончившая в этом году десятилетку, не была допущена к приёмным испытаниям в университет, и, наконец, жене отказывают в приёме на службу.

Мне 56 лет, но врачи констатируют, что мой организм «более изношен», чем это соответствовало бы возрасту, вследствие чего я уже не обхожусь без помощи родных.

*

Я указывал уже, что последнее время я всецело отдался работе над Шекспиром, и лишение в частности этой работы не даёт мне успокоиться ни на минуту: преодолевая чувство ложной скромности, я имею основания утверждать, что без моего участия выполнение этой работы не будет стоять на той высоте – сейчас очень усложнённой науки шекспироведения – на которую я прилагал все усилия её поставить, не будет, следовательно, стоять и на той высоте, которая единственно достойна нашей культуры и которая должна и может быть выше уровня буржуазной науки. Мой «идеализм» – жупел; я всегда и всюду заявлял о желании и готовности работать с марксистами, и те из них, с кем мне приходилось сотрудничать, не жаловались на моё невнимание или сопротивление; мой *Комментарий к Запискам Пиквикского клуба* прямо опровергает легенду о моём антимарксизме; все указания тов. марксистов, которые мне были сделаны во время этой работы, мною приняты, потому что я признаю правильность их марксистских указаний. Также я был намерен работать и впредь, в частности и над Шекспиром.

P. S. Наиболее компетентную оценку моей работы по Шекспиру мог бы дать мой соредaktor, проф. А.А. Смирнов, детально знающий моё участие в каждом слове, каждой запятой нового перевода. Я мог бы сослаться также на отзывы опытных переводчиков (таких, как Кузьмин, Осип Румер и др.), работы которых были подвергнуты мною жестокой правке (хотя я знаю, что среди переводчиков и критиков есть и недовольные моей будто бы «сверхфилологической» точностью).

Наконец, что касается оценки моей работы не со стороны научной строгости, а со стороны требований художественности я мог бы сослаться на отзывы знакомых с моей работой поэтов, как тот же Кузьмин, Пастернак, Антокольский и др.

Письмо отправлено не было.

МХТ – Московский художественный театр; с 1919 – МХАТ (т.е. академический).

...заметки, разоблачавшие мой идеализм и (мнимый) – антимарксизм. В одной из газет было напечатано моё опровержение, но оно сопровождалось редакционной заметкой, возводившей ряд новых инвектив... – имеется в виду серия заметок «“Бессмертные” от мёртвых идей» (Комсомольская правда. 1929, 20 февраля). Ответ, написанный Шпетом и подписанный президентом ГАХН П.С. Коганом, сопровождался контрответом «Опровержение или подтверждение?» (Там же. 1 марта).

...15 листов... – Печатный лист – 16 страниц «стандартного» формата. 15 листов – 240 стр.

...период I-го съезда с<оциал>-д<емократической> партии ~ борьбы мест с экономизмом... – I съезд Российской социал-демократической рабочей партии был в 1898. Под «местами» подразумеваются её местные комитеты. Экономизм – движение лишь за экономические нужды рабочих; согласно советской историографии, ленинцы ликвидировали его в 1903, что не соответствует реальности.

...одна из моих дочерей ~ уволена со службы. – Татьяна работала в библиотеке им. В.И. Ленина.

Михаил Алексеевич *Кузьмин* (надо: Кузмин) (1872–1936) – писатель, композитор.

Осип Борисович *Румер* (1883–1954) – поэт-переводчик.

Борис Леонидович *Пастернак* (1890–1960) – писатель.

Павел Григорьевич *Антокольский* (1896–1978) – поэт, театральный режиссёр.

М.Г. Шторх

Наступили сильные холода, температура была ниже 50 градусов, но при сильных морозах совсем не было ветра. Прохожие часто останавливали друг друга – один нос отморозил, другой щёку и т.д. Меня научили набирать побольше слюны в рот и выплёвывать в снег. Это замечательная игра, потому что на воздухе слюна мгновенно замерзает и со звоном падает в снег.

...Родители, как и договорились ещё до свадьбы, переписывались ежедневно. Но сохранилось писем не так уж много. Отец обычно уничтожал письма после того, как ответит на полученное, и требовал, чтобы и его письма уничтожали, но, слава Богу, его не все слушались.

...Вдруг довольно неожиданно для нас получаем известие от мамы, что отцу разрешено переехать в город Томск. А через несколько дней приходит и официальное извещение из органов. Мы все в смятении. Только-только начала налаживаться более спокойная жизнь. Это результат хлопот мамы с помощью друзей – знаменитых артистов и музыкантов. Конечно, Томск ближе к Москве, а главное, проще сообщение.

...2 декабря мама мне пишет: «...очень рада, что ты бодро встретила весть о Томске. Папа это отмечает, значит это произвело на него впечатление и это явно помогло. Хорошая ты моя, писем уже туда несколько послано, так что вас там ждут. Первым делом идите к тётке, остановитесь в гостинице...»

...И мне, и папе первое время было жалко расставаться с Енисейском, как-то немножко вжились в него, в жизнь тихую, мерную такую, такой тишины и покоя никогда в жизни не было.

...Вначале Енисейск папе совсем не понравился, но понемногу провинциальная, да ещё сибирская жизнь становилась ему приятна. А здесь переезд в зимнее время, да без мамы, которая всегда все житейские заботы брала на себя. Встал вопрос, – как ехать и на чём? В газетах почти ежедневно писали, что вот-вот наладится воздушная навигация. Наконец, торжественно прилетел один самолёт, вернее, аэроплан, как говорили тогда, и опять тишина. Кто-то посоветовал обратиться на почту – ведь письма и даже посылки приходят. Ура! Идея хорошая. Норе уже надо думать о возвращении на работу. Папа не колеблется. Он говорит, что воздушные полёты – дело будущего, вы еще полетаете, а почтовых уже никогда не увидите. На следующий же день пошли узнавать. Всё оказалось неожиданно просто и легко. Откровенно говоря, я была разочарована – так хотелось полетать, как казалось, в недостижимом небе. В тот же день договорились. На почте предложили нам взять двух лошадей с одним ямщиком и ехать до Красноярска дня 4-5 (но только чтобы день не совпадал с развозкой почты). Назначили день где-то в середине декабря. Начались сборы. За полгода набралось довольно много барахла, особенно книг, которые присылались из Москвы и покупались на месте. Сложно оказалось с одеждой, наша городская не годилась для поездки по тайге зимой. Кытмановы и Гершевичи (наши новые хозяева) снабдили нас всем необходимым, что мы надевали поверх нашей одежды и обуви. А потом мы всё это отправляли из Красноярска обратно в Енисейск.

...Потом в Томске мы получили вырезку из газеты, что воздушная навигация так и не началась в 1935 году.

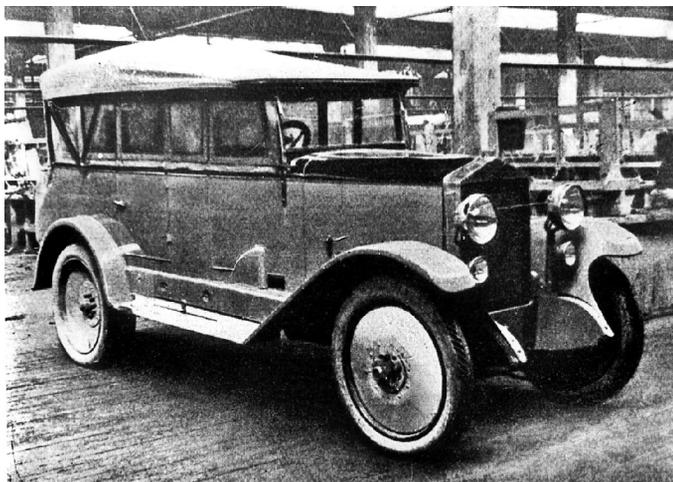
...Мама очень беспокоилась за таёжную часть пути (всё-таки сильные морозы). Но к этому времени морозы уменьшились. Было около 20 градусов, что казалось смешным называть морозами.

...Наши енисейские друзья снарядили и экипировали нас на славу, и мы на двух санях в чудный солнечный день выехали по тракту в Красноярск...

...На первой повозке ехали папа с Норой и ямщиком, а во второй одна я с грудой всяких ящиков, чемоданов и свертков. Ямщик меня предупредил, что моя лошадь ленивая и её надо время от времени подгонять. Это всё было и приятно, и страшновато. Почти с первой минуты я оценила папин выбор не ожидать мифического самолета, а ехать лошадьми, да ещё через тайгу. Кругом ослепительная белизна, тишина, прерываемая взлётом птицы или пробегающей зверушкой. Временами становится страшновато, особенно если потеряешь из вида ямщика. Кажется, что нигде и никогда не может быть так хорошо... Правда, когда я задремала и лошадь остановилась, то показалось не очень приятно. Сумерки. Полнейшая тишина, и на этом фоне слабое завывание, наверное, волки. Я довольно энергично стала подёргивать повод... А вскорее вдали появился огонёк – это был домик станционного смотрителя (настоящий!).

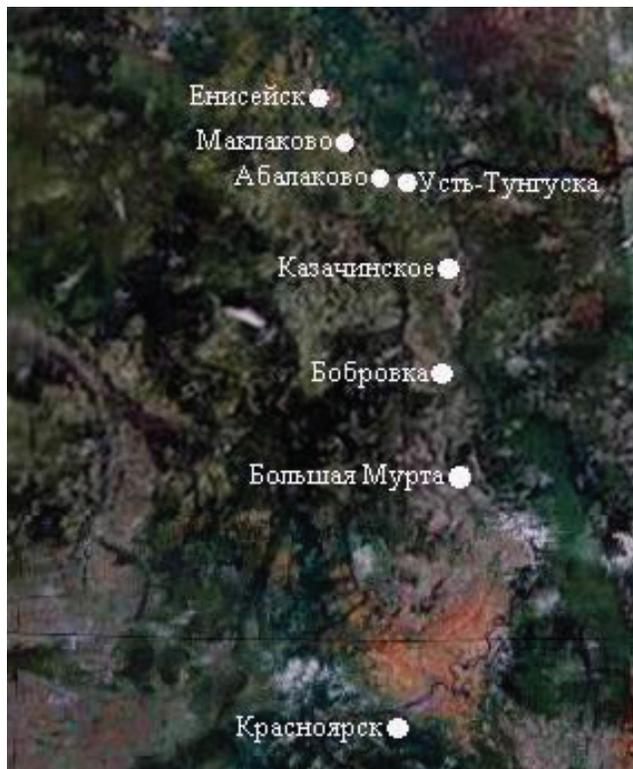
...Лошадей нам не меняли, а дали им отдохнуть до утра. В доме большая комната, несколько железных кроватей с давно не стираным бельём. Раздеться и немножко полежать – очень приятно. На следующий день мы поменялись с Норой местами и так ехали до самого Красноярска. По дороге встретилось 3 или 4 деревеньки – и тайга, тайга.

...По пути было всё: и колокольчики звенели непрерывно, и волки выли... Ямщик песен, к сожалению, не пел, но как-то

Легковой автомобиль АМО-Ф15

удивительно мелодично и протяжно понукал свою лошадку. Где удавалось, посылали телеграммы в Москву, но таких мест было мало.

...Последние сто километров проехали мы в случайно попавшейся легковой машине, и попали в тёплые, дружеские объятия уже других Кытмановых – старших. Несколько дней в душевном и физическом тепле – и опять вперёд к неизвестному Томску. Отправлены посылки с нашим снаряжением.

...Сняв медвежью доху, папа показался таким маленьким и худеньким в своём нормальном московском ещё дореволюционном пальто с каракулевым воротником. Дальнейший путь был более цивилизованный, уже по железной дороге.

Тётка – Изабелла Викентьевна Карташова (урожд. Баранович; 1875–1943) – тётка Н.К. Шапошниковой, подруги Наталии Константиновы.

Кто-то посоветовал обратиться на почту... – Отец П.С. Гершевича Семён Павлович владел почтовым извозом; в гражданскую войну был убит красными. Павел Семёнович работал конюхом там же, – вероятно, именно он организовал поездку Шпета в Красноярск на почтовых лошадях.

... в середине декабря. – 18 декабря.

Г.Г. Шпет Леноре и Марине Шпет, 13 декабря 1936

18/ХП. Колокольчик динь-динь, динь!

Маклаково,

Усть-Тунгузское! – Уф!..

Абалаково – Казачинское!.. Пфуй, пфе!..

Пинега-а-а!

Бобровка – Трах-тракт-трах-пр-трах-трах!

Мурта – Зусс-гз-ссс-згссс...

Краснояр! – – – – –

Тайга,

Томл – Тоск – Томскл – Томлск!..

Письмо к годовщине отъезда из Енисейска.

Колокольчик динь-динь, динь! – Из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» (1830).

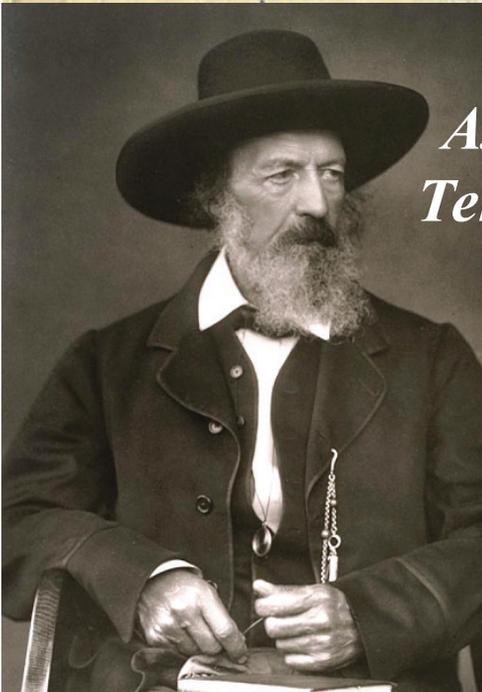
Перечислены населённые пункты по пути до Томска (и р. Пинега), со звуковым сопровождением: то колокольчик, то ветер, то трактор впереди прошёл, а от Большой Мурты ехали на легковой машине АМО-Ф15.

Энох Арден

(1864)

А. Теннисона

~~Видя, что море вдали, и слыша вдали~~
~~В разлоде скал образовалась, и вдали~~
 И пена ~~и вней~~ да желтые пески;
 Вдали, у пристани^ю ряд красная краш
 Плескивая; церковь белая; ~~перед ней~~ а ~~далеко~~ ^{вдали} ~~далеко~~
 5 - ~~вдаль~~ ^{вдаль} ~~дорога~~ К ~~милнице~~ ^{милнице} ~~высокой~~ ^{высокой}
 За ней, к меду ввась, серей хали
 С курганами Дайлан; и там, - орешки,
 Гошепримити, осенью, ~~раскрася~~ ^{раскрася}
 И зеленеет ~~под холмами~~ ^{под холмами} в лощине.
 — x —

Альфред
Теннисон

ЭНОХ
АРДЕН
перевод
Г.Г. Шпета

Вселенный волн, и ~~срочно~~ ^{срочно} ~~или~~ ^{или} ~~них~~ ^{них}: что день -
 След пошел на песке, что день - все мило.
 — x —
 И ~~вдаль~~ ^{вдаль} ~~какие~~ ^{какие} ~~пещера~~ ^{пещера} ~~темная~~ ^{темная} ~~была~~ ^{была}, -
 Ибрали дети здесь в свое ~~хотели~~ ^{хотели} ~~было~~ ^{было}!

Гряды утесов расщепила пропасть,
В ней – пена волн да жёлтые пески;
Вдали за пристанью ряд красных крыш
Теснится; церковь ветхая; а дальше
К высокой мельнице идёт дорога;
За нею, к небу ввысь, сереет холм
С курганами датчан; и там – орешник,
Гостеприимный, осенью разросся
Густою зеленью в лощине холма.

На этом берегу, сто лет назад,
Из трёх домов три чада, Анни Ли,
Прелестнейшая девушка в порту,
Филипп, сын Рея, мельницы наследник,
Сын моряка простого Энох Арден
(И сирота, по воле бурь) – играли
Среди береговых отбросов разных,
Канатов свёрнутых, сетей потёртых,
Рыбачьих лодок, ржавых якорей;
Из рыхлого песку слагали замок,
Волнам в добычу; бегали вдогонку
Вспенённым волнам и от них: что день –
След ножек на песке, что день – всё смыто.

В пещере тесной под скалой не раз
В своё хозяйство игрывали дети.
Энох – хозяин день, Филипп – другой,
Всегда хозяйка – Анни; но бывало
Власть на неделю Энох забирает:
«Дом этот – мой, и жёнушка – моя».
«А в мой черед – мои», – Филипп ответит.
А ссорились они и сильный Энох
Брал верх, тогда Филипп голубоглазый,
В слезах весь от беспомощного гнева,
Кричал: «Тебя я ненавижу, Энох», –
А жёнушка поплачет для компаньи,
Не ссориться из-за неё попросит
И быть женой обоим обещает.

Прошла заря их розового детства,
И солнца восходящего тепло
Согрело их; забились оба сердца,
Но для одной; и высказался Энох,
Филипп же про себя любил; она,
Казалось, ласковей была с Филиппом;
Любила ж Эноха, себе самой
Боясь признаться в этом. Энох видел
Перед собой всегда одну лишь цель:
Сберечь как можно больше для того,
Чтоб лодку приобрести и дом поставить
Для Анни; преуспел он вскоре так,
Что рыбака удачливей, смелей,

Находчивей в опасности не знали
На всём избитом бурей побережье.
Но Энох целый год ещё проплавал
И на купеческом судне и стал
Заправским моряком; три жизни вырвал
Из страшных недр бушующих морей
И всех товарищей любимцем был;
Не перейдя свой двадцать первый май,
Он лодку приобрёл и дом поставил
Для Анни, – гнездышко, на полпути
По улочке, что к мельнице тянулась.

Однажды, в золотой осенний вечер,
Затеяла гулянье молодёжь;
Велик и мал, с корзинками, мешками,
Отправились в орешник все. Филипп
(Он задержался при больном отце)
Пришёл позднее на час; на холм взбираясь,
Там, где опушка леса переходит
Кустарником к ложине, он увидел
Сидевших рядом Эноха и Анни:
Его лицо и серые глаза
Горели блеском, тихим и священным,
Как жертвенный огонь. И тут Филипп
На лицах их прочёл свой приговор;
Когда ж их лица сблизились, вздохнул,
Затем, подобно раненому зверю,
Побрёл, к лесным полянам пробираясь;
И там, пока все громко веселились,
Свой чёрный час провёл один; поднявшись,
Тоску унёс он в сердце на всю жизнь.

Вот под весёлый звон сыграли свадьбу,
И весело текли семь лет счастливых,
Счастливых лет здоровья и достатка,
Любви взаимной, честного труда;
С детьми; сначала дочь. Проснулось в нём
При первом крике первенца желанье
Откладывать от заработка больше,
Чтоб воспитанье дать дитяти лучше,
Чем у самих у них; оно воскресло,
Когда, спустя два года, мальчик стал
Ей в одинокие часы утехой, –
Пока отец то плавал по морям,
То разъезжал по суше; в самом деле,
Конь белый Эноха, морской улов
В корзине с запахом морей, лицо,
Побагровевшее от зимних ветров,
Известны были не на рынке только,
Но и за холмом в просеках тенистых,
И вплоть до львенка, что портал стерёг,
И до павлина-тиса перед замком, –
Где Энох стол по пятницам снабжал.

Всё переменчиво в людских делах.
От порта их миль десять к северу
Была большая гавань, – Энох ездил
Туда не раз – то по морю, то сушей;
Однажды здесь, карабкаясь на мачту,
Он как-то поскользнулся и упал;
И поднят был со сломанной ногою.
Пока лечился он, жена ему
Второго сына родила, больного;
Его работа перешла к другому,
Семья лишилась хлеба; человек
Богобоязненный, серьёзный, стойкий, –
Без дела лёжа, он в унынье впал.
И видел он, словно в ночном кошмаре,
Своих детей, живущими в беде,
В невзгодах, в голоде... и нищей ту,
Кого любил, – и стал молить: «Всё это
Да минет их, что б ни стряслось со мной».

И вот, хозяин корабля, где Энох
Матросом был, прослышал про несчастье,
Пришёл к нему, его ценя и зная,
И предложил: корабль идёт в Китай,
Нет боцмана, – так не пойдёт ли он?
Через несколько недель судно отходит
Из этой гавани. Согласен Энох?
И Энох сразу дал своё согласие;
Он был доволен, что дошла молитва.

И вот, несчастья сумрак показался
Лишь тенью облака, когда оно
Вдруг перережет солнцу путь огнистый
И ляжет в море островком. Но дети...
Когда уедет он... жена... что ж делать?
Энох лежал и взвешивал свой план;
Продаст он лодку... хоть сжился он с нею...
А сколько бурь он вынес в ней! – Её
Он знал, как всадник – своего коня...
Но всё ж продаст... на выручку он купит
Товаров Анни... для торговли тем,
Что нужно морякам и жёнам их...
Дом содержать в его отлучку сможет. –
А не начать ли самому торговлю?
Не раз туда проехать?... дважды, трижды...
И сколько нужно... И, разбогатев,
Хозяином судна большого стать,
И на доход устроить жизнь получше,

Дать воспитанье милым малышам
И мирно дни среди своих закончить.

Так Энох всё обдумал и решил. –
А дома Анни бледную застал
С больным их младшим сыном на коленях.
Она вскочила радостно навстречу
И слабое дитя ему сдала;
Потрогал нежно Энох ручки, ножки
И, взвесив на руке, ласкал отцовски;
Но не решился он раскрыть свой план
Пред Анни, отложив его на утро.

С тех пор как Эноха кольцо надела,
Впервые Анни против мужа шла, –
Однако не в бранчливом пререканьи,
А с множеством горячих ласк и слёз,
И поцелуев горьких, днём и ночью
(В предчувствии последствий страшных)
Она его молила, если любит
Её и их, – не уезжать.
Не о себе заботясь, а о ней,
О ней и детях, не внимал мольбам он
И с грустью выполнял своё решение.

Расстался он с рыбачьим старым другом
И, закупив товар для Анни, начал
В светёлке, что на улицу окном,
Ей полки для товаров мастерить.
Изо дня в день до Эноха отъезда,
Их домик сотрясая, сверло, молот,
Пила, топор (казалось Анни, строят
Ей эшафот) визжали и стучали.
Но, вот, конец; заботливой рукой –
Ведь тесно было – всё распределилось
Так славно, как природа размещает
Свои цветы и сеянцы; усталый,
Он кончил всё, что нужно было Анни,
Лег спать и крепко до утра проспал.

Прощанья утро Энох встретил бодро.
Казались бы ему все страхи Анни,
Когда б не Анни то была, смешными.
Всё ж Энох, человек благочестивый,
В том таинстве колена преклонив,
Когда нисходит в человека Бог,
Молил о помощи жене и детям,
Что б ни стряслося с ним; затем сказал:
«По Божьей милости, поездка эта
Нам, Анни, добрый ветер принесёт,
Храни очаг и пламя в нём держи.
Я прежде возвращусь, чем ты узнаешь», –
И колыбель слегка качнув: «И он,
Вот этот славный, слабенький малыш, –
Ведь я люблю его за это больше, –
Даст Бог, ко мне он сядет на колени,
Я расскажу про дальние края,
Повеселю его, домой вернувшись.
Ну, полно, Анни, полно, будь бодрей».

Он верил так, что слушала она
И верила сама; когда же он
Серьёзней с нею начал говорить
И, как моряк, сурово поучал
О провиденьи, слушала она,
Да, слушала, не слыша, – как простушка,
Что у колодца замерла в мечтах
О том, кто ей кувшин наполнить мог бы,
Не слыша, слушает, как мимо льётся.

Потом она сказала: «Мудрый Энох,
При всем твоём разумьи, знаю я,
Твоё лицо мне не увидеть больше» *.

«Но я», – ответил он, – «увиджу ваши. –
Корабль мой, Анни, мимо вас пройдёт
(Назвал он день), возьми трубу морскую
И разыщи меня; смешон твой страх!»

Настал последний из последних миг:
«Ну, Анни, веселей, не унывай,
Смотри за детками; и без меня
Всё содержи, как на судне; пора.
Не бойся за меня; а страх возьмёт,
На Бога уповай; Он – якорь прочный.

* Деян<ия> апостолов, XX, 37–38 <...целовали его, / скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля>. – Г.Ш.

И разве Он не там, не в тех краях
Зари? ** И если я плыву туда,
Как от Него уйти? Его ведь море,
Его; и создал Он его» ***.

Он встал,
Привлёк поникшую жену в объятия,
Поцеловал встревоженных детей,
Больного ж, третьего, который спал,
Ночь в лихорадке проведя без сна,
Он, не позволив Анни разбудить:
«Нет, не буди: пусть спит; ведь это всё
Забудет он!» – поцеловал в кроватке.
Отрезав у малютки локон, Анни
Передала ему, – и он хранил
Его всю жизнь, – но тут схватил поспешно
Свой узел, помахал рукой и вышел.

В день, Энохом указанный, она
В трубу смотрела, но напрасно: то ли
По глазу не могла её наладить,
То ль глаз в тумане был, рука дрожала, –
Не видела; а он стоял у борта,
Махал рукой, – и вот, корабль прошёл.

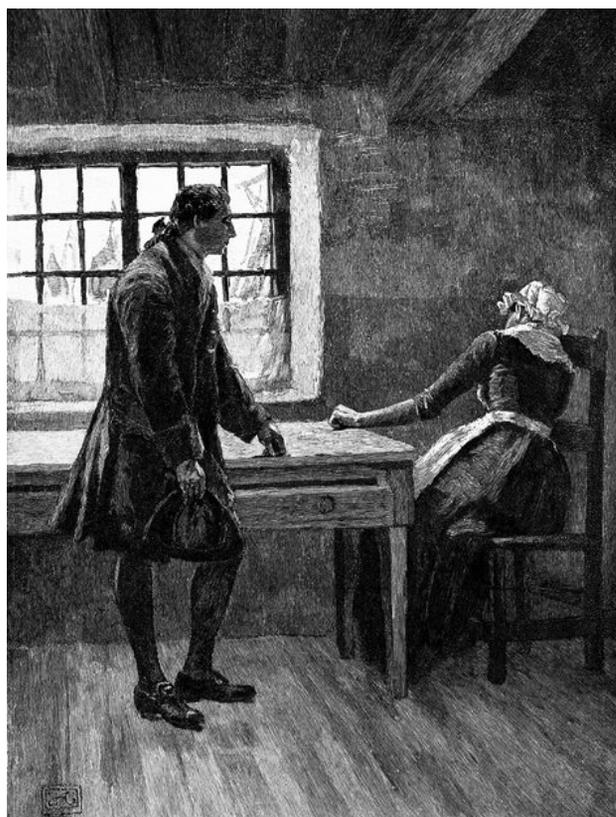
** Псалтирь, 138, 9–10 <Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: / и там рука Твоя поведёт меня, и удержит меня десница Твоя>. – Г.Ш.

*** Ib. <Там же>, 94, 5 <Его – море, и Он создал его...>. – Г.Ш.

Пока за горизонт не скрылся парус,
Она за ним следила, вся в слезах. –
Потом, скорбя о нём, как над могилой,
Его желанье с грустью исполняла;
Но туго шла торговля: не хватало
Сноровки ей, да и взамен лукавства
Не доставало, не умела лгать,
Чтоб больше запросить да скидку сделать;
Всегда с вопросом: «Что сказал бы Энох?»
Не раз в дни затруднений и нужды
Она товар дешевле продавала,
Чем при покупке за него платила:
Теряла и печалилась; и так,
Ждала вестей, которые не шли,
Заботилась о скудной пище детям
И жизнь влачила в молчаливой грусти.

Младенец их, родившийся больным,
Хирел; хоть мать заботилась о нём
Со всей заботой матери, но всё ж,
Дела ль её так часто отвлекали,
Иль недостача в том, в чём он нуждался,
И в деньгах для того, кто б мог решить,
В чём он нуждался, – что б ни оказалось,
Помаявшись – внезапно для неё –
Как птица вдруг из клетки вылетает,
Невинная душа ввысь унеслась.

В неделю похорон младенца Анни
Филипп, так жаждавший покоя ей
(Он к ней не заходил с отъезда мужа),
Терзался тем, что брошена она.
«Да», – думал он, – «теперь могу зайти,
Развлечь ее немного»; и пошёл, –
Пройдя пустую первую каморку,
Он подождал у внутренних дверей
И трижды постучал; никто не отпер,
И он вошёл; сидела Анни грустно,
И в скорби, свежей после похорон,
Ни на кого смотреть ей не хотелось, –
Лицом к стене сидела и рыдала.
Филипп к ней обратился, запинаясь:
«Пришёл я... попросить... об одолженьи».

Её отчаянье в ответе грустном:
«У жалкой и забытой... одолжение!» –
Его смутило; не без приглашенья, –
Застенчивость и нежность в нём боролись –
Он с нею рядом сел и ей сказал:

«Поговорим о том, чего желал он,
Энох, твой муж; всегда я повторял,
Из нас ты лучшего взяла: он сильный, –
К чему влекло его, то и решал
Он сделать, и решенье выполнял.
Зачем он в этот длинный путь пустился,
Тебя покинув? – поглазеть на свет,
Развлечься? – нет, но средства накопить
И детям воспитанье лучше дать,
Чем у самих у вас, – вот цель его.
Вернётся он, ему обидно будет,
Что утра драгоценные часы пропали.
В могиле даже мучало б его,
Что дети бегают здесь без ухода,
Как жеребята в пустыре. Вот, Анни, –
Разве не знаем мы всю жизнь друг друга? –
Я и прошу, чтоб из любви к нему
И к детям ты не отказала мне, –

И если хочешь, возвратившись, Энох
Всё возместить мне может, – если хочешь,
Анни, а то ведь я богат с достатком;
Итак, позволь мне в школу их отдать, –
Вот об каком прошу я одолженьи».

И Анни (от стены не отрываясь):
«Я не могу взглянуть тебе в лицо;
Вид у меня и глупый, и убитый.
Вошёл ты, я была убита скорбью,
Теперь твое сочувствие убивает;
Но Энох жив; я твёрдо это знаю, –
Он всё отдаст, – да, деньги отдаются,
Как доброту воздать?»

Филипп спросил:

«Так ты позволишь, Анни?»

Повернувшись,

Тут поднялась она и, влажный взгляд
На доброе лицо его направив,
Благословенье на него призвав,
Схватила за руку, тепло пожала
И вышла в садик, что за домом был,
А он, окрепший духом, удалился.

Итак, детей Филипп отправил в школу,
Купил им книг и всё, что нужно было,
Как для своих детей, и сам он стал
Для них своим; хотя он из-за Анни,
Боясь портовых праздных пересуд,
Сердечное желанье подавляя,
К ней редко заходил, всё ж посылал ей
Плоды и овощи через детей,
А также розы со своих шпалер,
Иль кроликов с холма, а иногда, –
И под предлогом тонкого помола,
Чтоб милостыней не задеть – муку
С высокой мельницы, вверху гудевшей.

Филипп не мог проникнуть в душу Анни, –
Когда он навещал её, она
В избытке благодарности сердечной
Едва словечко проронить могла.
Но для детей Филипп стал всем во всём;
По улице к нему навстречу мчались,
Приветствуя его привет сердечный,
Хозяили на мельнице и в доме;

Обидами ему надоедали
И радостями, висли, с ним играли,
Прозвав «отец Филипп». Филипп нашёл,
Что Энох потерял; для них ведь Энох
Виденьем, сном расплывчатым казался,
Фигурой бледной – в утреннем тумане –
В конце дороги длинной и ведущей
Неведомо куда. Так десять лет
С тех пор, как Энох свой очаг покинул,
Прошло, но не было вестей о нём.

В один осенний вечер дети Анни
С друзьями за орехами собрались,
И Анни с ними; приглашали также
Отца Филиппа (как его прозвали);
Он, как пчела в цветочной пыли, был
В муке, когда нашли его; в их просьбе:
«Пойдём, отец Филипп», – он отказал;
Но дети так его затормошили,
Что рассмеялся он и согласился, –
Ведь Анни с ними шла! – и все пошли.

Когда дошли до половины холма,
Там, где опушка леса переходит
Кустарником в лощину, изменили
Вдруг силы ей; «Я отдохну», – сказала;
Филипп был рад, что может с ней остаться,

А детвора с ликующим восторгом,
Покинув старших, шумно понеслась
Через белеющий орешник, вглубь,
А там – рассеялись, ломали, гнули
Упрямые кусты, чтоб с них сорвать
Их побуревшие плоды, кричали,
То там, то здесь аукали друг другу.

С ней рядом сидя, он забыл, что с ним
Она, – он вспомнил некий чёрный час,
Когда, подобно раненому зверю,
Побрёл в лесную тень... Потом сказал,
Подняв свой честный лоб: «Послушай, Анни,
Как веселятся там они в лесу. –
Устала, Анни?» – Анни всё молчала.
«Устала?» – Но она лицо закрыла;
Как будто вспыхнув, он в ответ на это:
«Корабль погиб», – сказал, – «корабль погиб!
К чему ж терзать себя и делать их
Сиротами?» И отвечала Анни:
«Когда их слышу, почему, не знаю,
Я чувствую себя столь одинокой».

Тогда Филипп сел ближе и сказал:
«Есть у меня одно желанье, Анни,
И это давнее мое желанье, –
Когда оно возникло, я не знаю,
Но знаю, что исполнится. О Анни,
Нет вероятности, надежды нет,
Чтоб тот, кто десять лет назад уехал,
Ещё был жив; ну вот... дай мне сказать...
Мне больно знать, что ты живёшь в нужде,
Я ж не могу помочь, как я хотел бы,
Если не... Но ведь женщины чутки...
Что я хочу сказать, ты знаешь, верно...
Моей женою будь. И заменил бы
Я для твоих детей отца; я вижу,
Они меня ведь любят, как отца,
И знай, что я люблю их, как своих;
Поверь, когда поженимся с тобой,
Мы после этих бедственных годов
Зажить счастливо можем, как и все,
Кому придёт на помощь Бог. Подумай:
С достатком я... нет родичей, забот,
Ни обязательств – только ты да дети;
К тому ж и знаем мы всю жизнь друг друга, –
С каких я пор люблю, не знаешь только».

Ему в ответ сказала Анни мягко:
«Ты ангелом-хранителем был нам.
Бог да хранит тебя и пусть тебе
Воздаст Он большим счастьем, чем я.
Не любят дважды, нет! Мне не любить
Тебя, как Эноха! О чем ты просишь?»
«Согласен я», – ответил он, – «занять
Второе место». – «Но», – она вскричала,
Словно бы в испуге, – «подожди, Филипп;
Вдруг Энох... Нет, уж не вернётся Энох...
Год подожди, ведь год – не долгий срок;
За год я что-нибудь узнаю, верно;
О, подожди!» – Филипп сказал печально:
«Анни, как ожидал всю жизнь, ещё
Могу ждать». – Она вскричала: «Нет,
Я слово дам; я обещаю – год;
Терпи свой год, я буду свой терпеть!»
Филипп сказал: «Свой год я потерплю».

Умолкли оба; взор подняв, Филипп
Заметил, что уж гаснет свет дневной
И прячется за Датские курганы;
Боясь, чтоб Анни не продрогла, встал он
И громким голосом позвал детей,
Чтоб возвращались из лесу с добычей.
Затем все вместе в порт спустились; здесь,
У дома Анни, с ней прощаясь, он
Сказал: «Я говорил с тобою, Анни,
В миг слабости твоей. Я был неправ, –
С тобой навек я связан, ты ж свободна».
«Нет, слово я дала», – сказала Анни.

Сказала; и как будто в миг один,
Пока она по дому хлопотала
И размышляла над его словами,
Что любит дольше он, чем ей известно,
Та осень снова в осень обернулась
И вновь явился он – об обещаньи
Напомнить ей. «Уж год?» – она спросила.
«Да», – он сказал, – «орехи вновь созрели, –
Пойдём, взгляни». – Она... она не может...
Забот так много... всё менять... нет, месяц...
Не больше... знает, что давала слово...
Лишь месяц. Тут он, – голосом глухим,
Дрожащим, как у пьяницы рука,
С тоской во взоре, – жизни всей, – сказал:

«Свой срок назначь, о Анни, срок назначь».
От жалости была готова плакать;
Но всё-таки откладывала срок,
Изобретая множество предлогов,
Его терзая верность и терпенье,
Пока не протекло ещё полгода.

Тем временем, обманутый в расчётах,
Поток портовых праздных пересуд
Стал разрастаться в личную обиду.
Кто думал, что Филипп её дурачит,
А кто считал, что Анни им играет;
А то и над обоими смеялись:
Мол, простачки, чего хотят, не знают,
А кто-то, чьи мыслишки подло жались,
Как яйца змей, с насмешкой намекал
На худшее. Сын Эноха молчал,
Но взглядом выдавал своё желанье;
А дочь твердила, чтобы вышла мать
За человека, милого им всем,
И вывела из бедности семью;
Филипп румяный побледнел и стал
Мрачней. Всё это пало на неё,
Как злой упрёк.

Однажды ночью Анни
Спать не могла, молилась, чтобы небо
Ей ниспослало знак: «Мой Энох умер?..»

Объятая глухой стеной ночи,
Не в силах вынести предчувствий сердца,
Она вскочила, высекла огонь,
В тоске священную схватила Книгу
И наудачу широко раскрыла,
И наудачу пальцем текст нашла:
«Под пальмою» ****. Был темен смысл его;
Она закрыла Книгу и заснула:
И видит, Энох высоко сидит
Под пальмою, над ним сияет солнце...
«Он умер, счастлив», – думала, – «поёт
Осанну в вышних он; и солнце правды
Над ним сияет *****; пальмы ж – пальмы те,
Что постилал народ счастливый с криком:
“Осанна в вышних!”» ***** – Здесь она проснулась,
Решилась и, позвав его, сказала:
«Причины нет откладывать нам свадьбу».
«Так ради Бога и обоих нас», –
Ответил он, – «сыграем свадьбу сразу».

Вот, под весёлый звон сыграли свадьбу,
Сыграли свадьбу под весёлый звон.
Но не было веселья в сердце Анни.
Казалось ей, что слышатся шаги,
Но где, не знала; или – шёпот в ухо,
О чём, не знала; и одна боялась
И выйти из дому, и дома быть.
Не раз бывало, прежде, чем войти,
Она держала руку на затворе,
Боясь войти. Но родилось дитя,
И возродилась в нём она сама,
И счастье матери вновь обрела,
И всем во всём ей сделался Филипп,
И умерло таинственное чувство.

Где ж Энох был? – Благополучно шёл
Корабль «Фортуна»; только покидая
Бискайи воды, он, волной восточной
Потрёпанный, едва захлестнут не был;
Но всё ж спокойно тропик пересёк;
Потом у мыса Бурь его носило
Под частой сменой солнца и грозы;

**** Кн<ига> Судей, IV, 5 <Она жила под Пальмою...>. – Г.Ш.

***** Малахии, IV, 2 <...взойдёт Солнце правды и исцеление в лучах его...>. – Г.Ш.

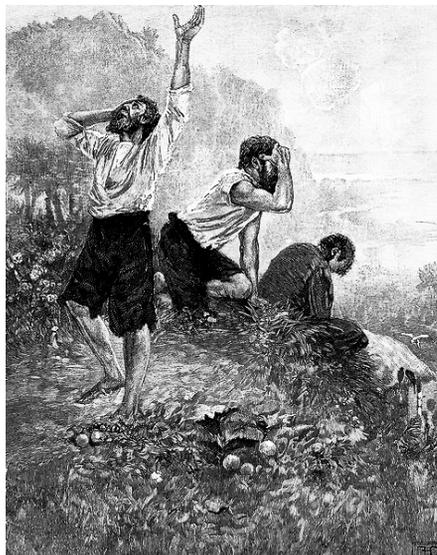
***** Матфей, 21, 8–9 <...резали ветви с деревьев и постилали по дороге; / народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!>. – Г.Ш.

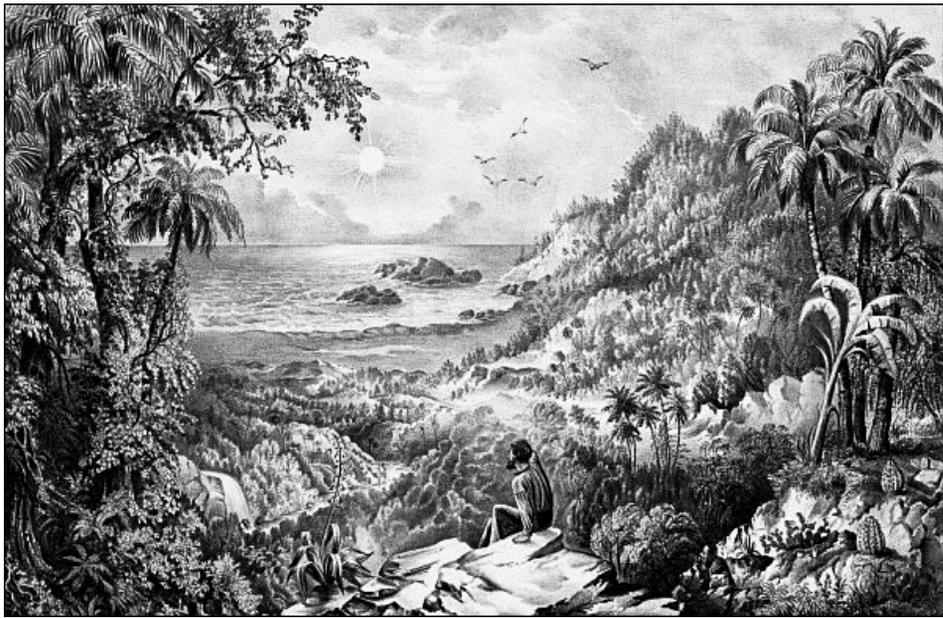
Потом ещё раз тропик перешли,
И под дыханьем неба постоянным,
Оставив золотые острова,
Он бросил якорь в гавани восточной.

Здесь Энох и свои дела устроил,
Купил он чудищ редкостных для рынка,
А для детей дракона золотого.

Домой не так удачно шли; сперва
Был ясен горизонт, изо дня в день, –
Грудастая фигура, чуть качаясь,
Таращила глаза на зыбь морскую;
Потом вдруг штиль, и ветер переменный,
Потом, надолго, встречный; наконец
И шторм, корабль к безлунным небесам
Швырнувший, и под крики «гибнем» – треск
Крушения и гибель всех. И лишь
Энох и двое с ним остаток ночи
Проплавали на досках и обломках;
На утро ветер к острову пригнал их,
Безлюдному в безлюдном океане.

Здесь недостатка не было в питаньи,
В орехах, фруктах и корнях съедобных;
И лишь из жалости не брали твари,
Столь дикой, что не ведала боязни.
Они в ущельи, обращённом к морю,
Покрыв ветвями пальм, шалаш сложили, –
Полушалаш, полупещера. Так,
В раю обилья этом жили трое
Под вечным летним небом, но в уныньи.

Один, и младший – только что не отрок –
Был ранен в ночь внезапного крушенья
И здесь пять лет тянул борьбу со смертью,
Его не бросили. Когда он умер,
Они вдвоём нашли древесный ствол,
Который Эноха товарищ начал
По способу индейцев обжигать
И поражён был солнечным ударом.
Их смерть была предупрежденьем: «Жди».

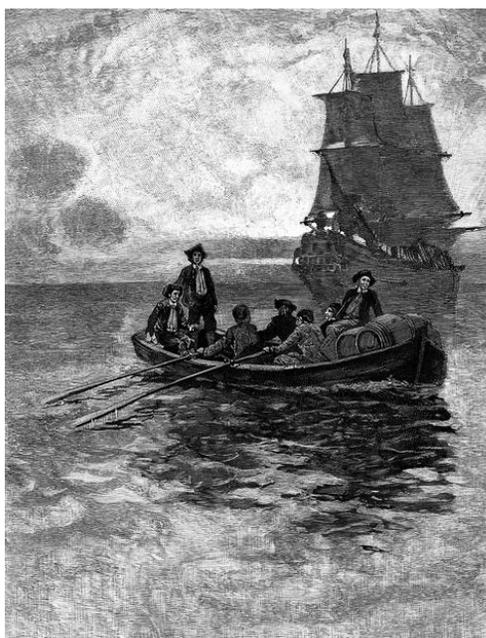
Лес до вершины гор, просветы в нём,
Прогалины, словно дороги к небу,
Короны перистые гибких пальм,
Сверканье быстрых птиц и насекомых,
Извивы длинные вьюнков, вокруг
Стволов обвившихся и вдаль бегущих
Вплоть до границ земли, великолепный,
Пылающий широкий пояс мира, –
Всё видел он; лишь что хотел бы видеть,
Того не видел здесь, – лица людского,
Не слышал голоса людского, слышал
Лишь крик мирядов океанских птиц
Да гроыхание валов о рифы,
Да шёпот пробегающий деревьев,
Ветвящихся в зените, или шелест
Сбегающего к морю ручейка, –
Когда бродил по берегу иль, сидя
Весь день в ущельи, обращённом к морю,
Ждал паруса, – моряк, крушенья жертва;
Дни шли – нет паруса, но каждый день
Восход сиял в багряно-красных стрелах
Средь пальм и папоротника в обрывах;
И свет пылал над водами к востоку;
И свет пылал над островом его;
И свет пылал над водами на запад;
А ночью звёзды, что клубились в небе,
Ревущий громче океан, и снова –
Восхода стрелы... паруса все нет.

Не раз на страже застывал он так,
Что золотая ящерка на нём
Покоилась; за роем рой виденья
Носились, и он сам их призывал:
Людей и вещи и туманный остров,
Там за экватором вдали лежавший.
Вот – дети, лепет их, и Анни, домик,
Дорога к мельнице и просек тень,
И тис-павлин и одинокий замок,
И конь, и проданная лодка, холод
Ноябрьских зорь, угрюмость холмов влажных,
И мягкий ливень, запах мёртвых листьев,
И стон свинцовых волн в часы отлива.

И вот, однажды так же зазвучал
В его ушах... и весело, и слабо...
Далёкий звон колоколов приходских;
Не зная, почему, но вздрогнул он;
Когда ж красивый остров неизвестный
Вернул его к себе, не обратись
Бедняк к Тому, Кто вездесущ и Кто
Взывающих к Нему одних не бросит,
От одиночества погиб бы он.

Над Эноха главой посеребрённой
Сменялись так дождя и солнца сроки
Из года в год. Надежда видеть дом
И по полям пройтись родным, священным,
Не умирала в нём, – вдруг перемена
В его судьбе произошла. Корабль
(В воде нуждаясь), волей встречных ветров,
Как и «Фортуна», потеряв свой курс,
Пристал у острова, его не зная.
Когда с рассветом шкипер увидел
В прорыв тумана остров и на нём
Ручьи, скользившие с холмов бесшумно,
Спустил команду он; все разбежались
На поиски воды, и берег шумом
Наполнился. Спустился из ущелья
Весь в волосах и бороде отшельник;
Нечеловечий вид, одетый странно,
Бормочущий невнятно, как безумец;
Никто его волнения и знаков
Не понимал; и всё ж он их привёл

К ручьям, где пресная вода текла;
Чем больше был он с ними и вникал
В их речь, тем связанный его язык
Свободней был; и поняли его;
Набрав воды, его на борт забрали
И здесь его несвязному рассказу
Не верили сперва, затем всё боле
Он изумлял и трогал всех; и дали
Ему одежду и проезд бесплатный.

Нередко он работал с остальными
И в разговор вступал. Никто из них
Не знал о родине его, никто
Не мог ответить на его вопросы.
Тосклив был путь со множеством задержек, –
Судно плохое было; обгонял
Ленивый ветер мысль, домой летя,
Пока под облачной луною он
Всем телом, как любовник, не вдохнул
Вздых утренний сырых лугов альпийских,
Что шёл из-за стены, как призрак бледной;
Команда в тот же день и офицеры
Себя налогом лёгким обложили,
Сочувствуя бездомности его,
И высадили, к берегу пристав,
В той гавани, откуда отплыл он.

Ни с кем не говоря ни слова, Энох
Домой... но где же дом?.. есть у него
Свой дом?.. побрёл. Сияло ярко солнце,
Но и прохладно было; в пропастях, –
Где открывались гавани в глубинах, –
Морской туман, всё в серое одев,
Отрезал перед ним конец дороги,
По сторонам оставив лишь полоски
Поблекшей рощи, пастбища и поля.
Малиновка на дереве нагом
Скорбела, и сквозь каплющий туман
Её гнал мёртвых листьев мёртвый груз.
Чем гуще моросит, тем глубже мрак;
Но вот, туманом затенённый свет
Вдруг вспыхнул перед ним, и он пришёл.

По длинной улице он тихо крался;
И в сердце затаив предчувствие бед,
Вниз опустив глаза, дошёл до дома,
Где с Анни жил и был любим, где дети
В те семь счастливых давних лет родились;

Ни шороха, ни света: «Продаётся», –
Прочёл сквозь дождь и тихо прочь побрёл, –
«Их нет – иль для меня их нет», – подумал.

Тогда же к тесной пристани спустился
И отыскал знакомую таверну:
Фасад, по старине, крест-накрест бревна,
В подпорках, весь источенный червями;
Он думал, дом исчез; но нет, исчез
Его хозяин; Мирьям Лейн, вдова,
Доход имея жалкий, держала дом, –
Притон шумливых моряков когда-то,
Теперь – для путников приют с постелью.
Здесь много дней провел в молчаньи Энох.

Но Мирьям Лейн любила поболтать,
И вот, – не раз его покой наруша, –
Поведала среди других историй,
Его не узнавая, – загорел он,
Поник, согнулся, – об его семье:
Про смерть младенца, бедность их, и как
Филипп её детей отправил в школу
И содержал, как сватался он долго,
Про медленный ответ и брак, рожденье
Младенца их, – лицо его при этом
Не дрогнуло, тень не мелькнула, – всякий
Сказать бы мог, он чувствует не больше
Рассказчика; лишь на её слова:
«Бедняга Энох, он погиб в крушенье», –
Печально головой седой качая,
Он бормотал: «Погиб в крушенье Энох»;
И вновь глубоким шёпотом: «Погиб!»

Тянуло Эноха её увидеть;
«Взглянуть на милое лицо и знать,
Что счастлива она». И эта мысль,
Преследуя, раз погнала его,
Когда тоскливый день ноябрьский стал
Тоскливей к сумеркам, – туда, на холм.
Здесь сидя, пристально смотрел он вниз;
И всплыли тысячи воспоминаний,
Невыразимо горьких. Между тем
Квадратик света, яркий и уютный,
Блеснувший из Филиппова жилища,
Привлёк его, – так перелётных птиц
Свет маяка влечёт: в безумьи бьётся
И жизнь усталую кончает птица.

Филиппа дом, на улицу фасадом,
Последним к берегу стоял; а сзади,
С калиткой, выходявшей на пустырь,
Пестрел стеною обнесённый садик;
Здесь рос вечно-зелёный древний тис,
С дорожкой вокруг, покрытой галькой,
Дорожка также разделяла садик;
Чтоб избежать её, он вдоль забора
Пробрался и, за тисом стоя, видел
Там то, чего избегнуть было б лучше,
Коль применимо «хуже», «лучше» тут.

На столике посуда, серебро
Блестели; мир у очага царил;
От очага направо видел он:
Филипп, отвергнутый в те времена,
Румяный, крепкий, на руках с младенцем;
И девушка, над отчимом склонилась,
Вторая, – но стройнее, – Анни Ли,
Блондинка; в поднятой руке на ленте
Она кольцо держала и дразнила
Младенца, – он тянулся ручкой пухлой,
Хватал, опять терял, и все смеялись;
От очага направо видел он:
Бросала взгляды на младенца мать
И то и дело обращалась к сыну, –
Который тут стоял, высокий, сильный, –
На ласковые речи улыбаясь.

Когда мертвец оживший вдруг увидел:
Его жена – уж не его, дитя
Её, но не его, в руках отца,
И всё тепло, и счастье, и мир,
Своих детей, и взрослых, и прекрасных,
Того, кто отнял место у него,
Его права, любовь его детей, –
Тогда, хоть Мирьям Лейн всё рассказала
(Что видим мы, сильнее, чем то, что слышим), –
Он зашатался и за ветвь схватился,
Боясь издать ужасный громкий крик
И в миг, как громом Страшного суда,
Им потрясти всё счастье очага.

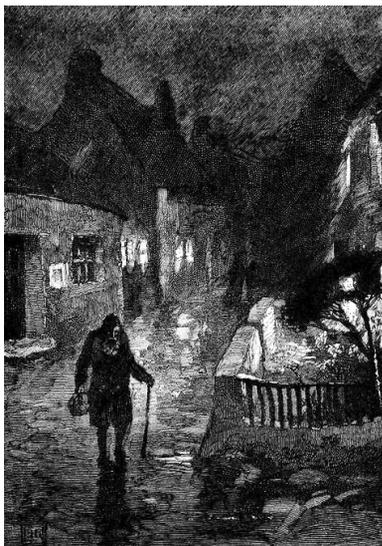
И вот он, мягко крадучись, как вор,
Чтоб не шуршала галька под ногой,
Всё время за забор рукой держась,
Чтоб не упасть без чувств,
Так до калитки брёл, открыл её,
Закрыв, как дверь из комнаты больного,
И осторожно вышел на пустырь.

Хотел пасть на колени, но, ослабевший,
Не устоял и пал ничком, руками
Загрёб сырую землю и взмолился:

«Как тяжко мне! Зачем меня спасли?
Благословенный Бог, Ты поддержал
На одиноком острове меня
И в одиночестве моём теперь
Не покидай! и помоги, дай сил
Молчать, пусть ничего она не знает.
Дай сил не нарушать её покой.
Ужель с детьми не смею говорить?
Меня не знают... Нет, – проговорюсь...
Отца не поцелуют дети... дочь –
Она совсем, как мать – и мальчик, сын мой».

Его покинули слова и мысли,
И он лежал без чувств; когда он встал
И шёл назад в свой одинокий дом,
По длинной узкой уличке шагая,
В его мозгу усталом отдавалось,
Словно то был припев какой-то песни:
«Молчать, пусть ничего она не знает».

Но духом он не пал. В своем решеньи
Он силу черпал, в вере; и питала

Его молитва из живых истоков воли, –
Текущая чрез жизненную горечь,
Как пресная вода в морских течениях, –
В ней бодрость духа. «Мельничиха та», –
Спросил он Мирьям, – «не боится вовсе,
Что первый муж её, быть может, жив?»
«Как не бояться!» – отвечала Мирьям, –
«Когда б вы ей сказали, что он умер,
Она б утешилась»; и он подумал:
«Как призовет меня Господь, узнает, –
Я буду ждать свой срок», – и он искал
Работу, чтоб не милостыней жить.

Он руку приложить умел везде.
Он был и бондарь, и столяр, умел
Сплести рыбачью сеть, и помогал
Грузить и разгружать большие барки,
Посредники в те дни торговли скромной;
Так добывал он на житьё себе, –
Но ведь в работе только на себя,
Работе безнадёжной, – жизни нет,
Которой можно жить; лишь только год
Свой сделал круг, чтоб встретить день, когда
Вернулся он, как Энох впал в апатию,
Болезнь, в которой чахнут день за днём,
Перестают работать, зная только
Свой дом, да кресло, наконец – постель.
Свое бессилье Энох бодро встретил.
Не радостней крушенье потерпевший –
Сквозь серый край валов подъёмных – видит
Ладью, несущую надежду жизни
Тому, кто в ней отчаялся, чем он
Встречал над ним занявшуюся смерть.

Блеснул сквозь сумрак свет надежды лучшей, –
И думал он: «Когда умру, пусть знает,
Что я любил до самого конца».
Он кликнул Мирьям Лейн и ей сказал:
«Хозяйка, у меня есть тайна... только
Клянись наперёд... на этой Книге,
Хранить её, пока я не умру».
«Умру?» – она вскричала, – «что за вздор!
Мы вас поставим на ноги, поверьте».
«Клянись», – строго он сказал, – «на Книге».
На Книге Мирьям поклялась в испуге.
И, серые глаза подняв, сказал он:
«Да, Энох Арден... знали вы его?»
«Его?» – она сказала, – «знала с виду.
Да, помню, как по улице он шёл;
Высоко голова, плевать на всех».

Помедлив, он печально произнёс:
«Поникла голова, всем наплевать.
Не более трёх дней мне жить осталось;
Я – Энох». Женщина крик издала
И недоверья, и страданья вместе.
«Вы – Арден, вы! О нет, – на целый фут
Он ростом выше был». Ответил Энох:
«Господь меня согнул до этой меры;
Печаль и одиночество сломили;
Но тем не менее знайте, это – я
Женился на... менявшей дважды имя...
На той, на ком женился Рей Филипп.
Но слушайте». Он рассказал ей всё.
О буре, острове; как он вернулся,
Как видел Анни; о своём решении,
И как сдержал его. Она внимала,
Потоком заливаясь легких слёз,
В душе же непрестанно порывалась
Всю гавань обежать и разгласить
Про Эноха и про его несчастья;
Но, обещание боясь нарушить,
Сказала лишь: «Хоть на детей взгляните!
Я приведу их, Арден, к вам», – и встала
От нетерпенья, видя, что на миг
Энох задумался, но он ответил:

«Не отравляйте мой последний час;
Пока я жив, моё решение твёрдо.
Садитесь, слушайте, что я скажу,
Пока есть силы. Поручаю вам

Сказать при встрече ей, что умер я,
Благословляя и любя её;
Пусть есть барьер меж нами, всё ж любя,
Как и тогда, когда мы вместе были.
Скажите Анни, дочери, – она,
Совсем как мать, – что мой последний вздох
Я испустил, её благословляя.
Благословил и сына я пред смертью.
Благословил я также и Филиппа, –
Всегда нам одного добра желал он.
Если живым меня не помня, мёртвым
Увидеть дети захотят, пусть придут,
Им я – отец; она ж пусть не приходит,
Мой мёртвый лик лишит её покоя.
Итак, один остался кровный мне,
Который в мире том меня обнимет;
Вот прядь волос его, – она дала мне,
И я хранил его все эти годы
И думал в гроб с собою унести;
Но передумал, – ведь в краю блаженства
Его увижу я; когда умру,
Отдайте ей, её утешит это;
И сверх того послужит знаком ей,
Что Энох – я».

Он кончил; Мирьям Лейн
Так всё многоречиво обещала,
Что он ещё раз поднял к ней глаза,
Всё повторил, и Мирьям Лейн ещё раз
Пообещала.

А на третью ночь,
Когда дремал недвижно-бледный Энох,
И Мирьям, бодрствуя, дремала тут же,
Такой донёсся с моря гул прибойный,
Что по всей гавани в домах звенело.
Проснулся, сел и руки вдаль простёр,
И громко закричал он: «Парус! парус!
Спасён!» – упал и навсегда умолк.

Так эта славная душа ушла.
Когда его на кладбище несли,
Порт не видал торжественной обряда.

Томск. Вокзал

М.Г. Шторх

Томск. Вещи оставлены на вокзале. Берём извозчика и едем к незнакомым нам Карташовым, которых просили подыскать нам квартиру. Николай Иванович Карташов – томский профессор, а жена его, Изабелла Викентьевна, – сестра знаменитого артиста-трагика Бравича, дочь которого Наталья Казимировна Шапошникова – ближайшая мамина подруга. Изабелле Викентьевне много пришлось походить по городу, пока нашла она для нас комнатку в Колпашевском переулке у Виленчиков. Сперва они очень колебались, но когда уже в отчаянии Изабелла Викентьевна сказала, что люди скоро должны приехать, а остановиться негде, ведь они в ссылку едут, – ситуация резко изменилась. Кто-то из супругов Виленчиков сказал: «Что же вы раньше не сказали, что ссыльные? Раз ссыльные, значит люди порядочные», – и сразу согласились. Так мы попали в семью Виленчиков.

...В комнатке было два окна и между ними маленький столик, которому папа очень обрадовался. Встретили нас приветливо. Кухня была общей, и хозяйка сказала, что топит каждый день для приготовления обеда... так что к этим часам надо было принаравливаться... (и, увы, топила печь в разное время, – попробуй, принаровись!)

...Сам Виленчик был хорошим специалистом, работал на обувной фабрике мастером-заготовщиком, жена его Сима Минеевна – хранительница домашнего очага и мать-тигрица, всегда готовая броситься на защиту двух скромных девочек-подростков – Сары и Мери. Новая жизнь, новые люди, а главное, новое налаживание отношений с этими людьми. Несколько тревожило, что в Томск был сослан Петровский, о неизбежной встрече с которым отец думал без восторга.

В Томске нас уже ждали мамины письма. В одном из них мама мне пишет: «...Я решила, что мы и вы сейчас живём в разных веках, у нас “обтекаемые” трамваи появляются (все углы круглые, как у хороших автомобилей), а у вас станционные смотрители».

...Через день или два уехала Нора, несколько просрочив свой отпуск. Мы остались опять вдвоём. Наступил Новый год. Отметим ли мы его хоть как-то, не помню, – вероятно да, но очень скромно. Помню только, ночью папа разбудил меня и спросил: «Слышишь?» Я испугалась: «Что?» Папа: «Неужели ты не слышишь, как в Москве кричат: “С Новым годом!”?» Разница-то во времени четыре часа, но папа, наверное, ещё не заснул.

...Радовало, что мы жили близко от почты, на которую ходили ежедневно получать и отправлять письма.

...Квартирные условия в Томске были хуже, чем в Енисейске...

...Это была маленькая комнатёночка... ещё уголок был отнят голландской печью, которая из нашей комнаты топилась, но отапливались и наша комната и хозяйская. Я помню так: ширина комнаты – это была как раз длина кровати, там стояла большая железная кровать... за ней оставался узкий-узкий проходик, там были вбиты гвоздики и вешалка висела...

...На ночь я с папиной кровати снимала матрац на пол, и папе приходилось наступать на моё ложе, чтобы спуститься с кровати. Маленький столик превращён в письменный стол, а едим мы на чемодане. Вечером я этот же чемодан ставлю на «попа», на него кладу большой атлас – «Азиатской России» (сибиряки должны знать это издание), купленный, конечно, на барахолке, – это мой письменный стол.

...Каждый вечер рядом с маленькой чернильницей появлялся мышонок и терпеливо сидел и тарасил на меня свои глаза-бусинки. Я могла даже погладить его по мягкой спинке. А на боковой стене мы из посылочных ящиков сделали книжные стеллажи, сбивая их гвоздями между собой и прибивая к стене.

Я впервые вела хозяйства, и наша хозяйка давала мне ценные указания по кулинарии. Часто я ходила с ней вместе на рынок, и она учила меня торговаться: «а то Вам и продавать не будут». Но это искусство я освоить не смогла. Если одна морковка стоила 2 копейки, то надо предложить одну. И торговцы охотно соглашались. Очень меня поразило, что молоко продавалось только замёрзшим. На телеге навалены круглые белые диски разных размеров – это и есть молоко. Когда я уходила на рынок или в магазин, я прощалась с папой, говоря: «Ну, я пошла». Папа неизменно говорил: «Я очень сожалею, что у меня такая дочь». На следующий день я забывала папину шутку, и всё повторялось снова.

Каждые две недели папа ходил в НКВД, и ему ставили штамп на листочке, заменяющем паспорт. Выходить за пределы города запрещалось.

Николай Иванович Карташов (1867–1943) – заведующий кафедрой паровозостроения электромеханического института инженеров транспорта.

Казимир Викентьевич Бравич (Баранович; 1861–1912) – актёр.

Наталья Казимировна Шапошникова (урожд. Баранович) – жена искусствоведа Б.В. Шапошникова.

Виленчики Вульф Лейбович (в обиходе Владимир Львович; 1896–1947), Сима Мееровна (урожд. Крапель; в обиходе Сима Минеевна; 1897–1979), их дочери Мери (1919–2008) и Сара (1921–1992).

Через день или два уехала Нора... – В Томск прибыли 24 декабря, Ленора уехала 28-го.

С.В. Виленчик. Воспоминания о Г.Г. Шпете

Вот что осталось в моей детской памяти: это был интеллигентный, образованный и воспитанный человек, высокого роста, худощавый. Грусти на его лице я не помню, а вот улыбка бывала. Густав Густавович аккуратно одевался, носил костюм тёмно-серого цвета с жилеткой, зимой – зимнее пальто и шапку-папаху чёрного цвета (котиковую, а может быть, каракулевую), тёплые, видимо, суконные боты.

Густав Густавович был скромный человек, нетребовательный.

... В кухне у нас стоял умывальник, и Густав Густавович выходил умываться в тёплом длинном халате (бежево-жёлтого цвета), подпоясанном плетёным поясом с кисточками.

Сара, Мери, С.М. и В.Л. Виленчики

Г.Г. Шнет Н.И. Игнатовой 5 января 1936

Друг, почему Вы решили испытывать моё терпение? Или Вы думаете, что мой ангельский характер стал ещё более ангельским – архангельским? – и полюбил даже «сюрпризы»? Нет, я по-прежнему любопытен и люблю знать не только итог, но и процесс. ...Наталья Константиновна писала, что Кот в *феврале* уезжает, а так как *январь* уже наступил и приезжать на 10 дней Марго нет смысла (проезд в оба конца считайте 12 дней), то у меня сложился иной план (+ Марина не может «на время» уехать в Москву, а уедет «навсегда», но здесь может оставаться неопределённо долго, – тут есть и внутренние причины, да и денежная база не позволяет ей кататься взад и вперёд). Мой (предполагаемый) план: Марина остаётся здесь, пока Наталья Константиновна не получит паспорт, после чего она (Н.К.) собирается приехать сюда никак не дольше, чем до апреля, когда она опять должна быть в Москве. ...Насчёт *Комментария* к Тенисону вы не учитываете одного: надо иметь действительную симпатию к герою, чтобы писать до конца искренне и прочувствованно. Я писал, вымучивая и слова, и мысли.

Кот – Константин Михайлович Поливанов (1904–1983) – учёный-электротехник; муж Маргариты.

Г.Г. Шнет Леноре 7 января 1936

Мой Норик, моя славная, добрая девочка! С первого же дня твоего отъезда хотелось тебе написать, как пусто и грустно стало без тебя и как согревало меня твоё присутствие, но, по обыкновению моему, всё вылилось в «воображаемые» письма, и боюсь, что даже это письмо не попадёт уже к твоему дню, как мне хотелось бы. Кажется, это первый раз, что в этот день я не с тобою и не побываю у тебя, но тем серьёзнее я принимаю этот день и тем больше мне хотелось бы, чтобы тебе в этот день было хорошо и так же любовно, как будет в моём сердце по отношению к тебе!

Когда ты уехала, мы с Мариной думали вместе, что всё-таки нам лучше – мы остались вдвоём, а ты, бедная, и дальше должна мыкаться по тёмным и грязным углам деревянной коробки среди чужих, не умеющих в вагоне устроиться ни уютно, ни комфортабельно, ибо им всегда представляется, что сосед что-то у них отнимает. А со следующего дня нам стало казаться, что ты вовсе не уехала, просто вышла из дому, и – как бывало в Енисейске – ты задержалась и долго не возвращаешься... Знаешь, и это чувство немного мешало взяться за перо и написать тебе...

...Описание новосибирского твоего бытия порадовало меня: наконец ты немного отдохнула. А ведь, небось, сразу пришлось погрузиться в омут неотложных или мнимо-неотложных дел!

Сегодня мы получили письмо от Гершевичей, извещающее о прибытии дохи и пр. Пишут все трое, и все трое – трогательны; тебе приветы; Дина просит у всех нас «на память вотографии». Мне нравится их письмо, и я перешлю его Н<аталье> К<онстантиновне>, как только мы ответим, – попроси у неё прочесть.

Когда ты уехала, – я ещё не мог уйти от чувства, которое появилось ещё на вокзале: так много хотелось сказать во время нашей совместной жизни и так мало удалось. Правда, ведь и были-то мы вместе всего одну минутку, так, по крайней мере, мне кажется теперь...

М.Г. Шторх

В письме от 14 января мама пишет: «...Папе нужна библиотека и квартира, чтобы было куда вернуться, и надо всё сделать, чтобы сохранить и то и другое».

...Некоторую живость в нашу жизнь внесло письмо из Енисейска от супругов Гершевичей. Привожу его полностью с их орфографией.

«Много уважаемый Густав Густавович

спешим уведомить вас что сегодня получили доху и полушубок и всё остальное что вы послали затем разрешите вас ат благодарить за ваше внимание что вы не забыли даже папирос послать какое впечатление произвёл на вас наш тракт...

С почтением к вам П.С. Гершевич

Милая крошка Марочка шлю вам свой привет Самое наилучшее пожелание... скажу вам о себе живём ничего только скучаем о вас. Соня всё время плачет скучает боже как скучно скучно. Нам о вас... У миня к вам ест большая Просьба пошлите на память вашу фотোগрафию Густав Густавович и вас...

спачтением к вам д. Гершевич»

В отличие от Енисейска морозы здесь часто сопровождаются ветрами. В Енисейске бывало не ниже 50-ти градусов, а здесь 40–45, но гораздо труднее их переносить. Мама хотела достать для папы валенки, но он категорически отверг такое предложение и согласился только тогда, когда мама назвала их «фетровыми чулками» (что-то подобное было у папы в голодные 19–21 гг.). Это были самые настоящие валенки, но не такие громоздкие, и тёплые, как обычные. Много тёплых вещей прислал один из самых близких и давнишних папиных друзей поэт-символист Ю.К. Балтрушайтис. Он же снабжал папу книгами по Шекспиру, Диккенсу и др., которых нельзя было достать у нас. Я не помню ни разу, чтобы папе что-нибудь покупали из одежды или обуви – всё отдавал Юргис. Нам оставалось лишь удлинить рукава и брюки, так как папа был немного выше Балтрушайтиса. И в Москве, и в период ссылки у папы не переводились кофе, хороший чай, турецкие сигареты и иногда какие-нибудь съедобные деликатесы.

Постепенно жизнь вошла в относительно спокойное русло. Приближалось 13 января – день Нориного рождения. Он всегда справлялся очень торжественно, так как раньше совпадал с Новым годом.

Судя по полученному мною письму я тоже поздравляла Нору. Она пишет мне: «...Я воспринимаю свою жизнь в Москве как некую измену вам. Приехав только с мыслями о вас, с рассказами о вас, – я не могла начать жить так, как мне хотелось... в твоих писульках я слышу аромат морозной» томского дня, вашей убогонькой комнатки, которая мне все равно, что родина, наших грустных вечеров...»

Извлечения из «Трёх разговоров между Гиласом и Филонусом» Дж. Беркли

Перевод с английского Г.Г. Шнета

Существовать – одно, а быть воспринимаемым – другое.

Взгляни! ...разве нет ничего в лесах и рощах, в реках и прозрачных источниках, что не услаждало бы, не восхищало, не возвышало бы души? ... Какое чистое наслаждение созерцать естественные красоты земли! ...Как целесообразно расположены все вещи и с точки зрения их собственных целей, и поскольку они составляют дополняющие друг друга части целого! ...Не является ли вся эта система безмерной, прекрасной, славной выше всяких слов и мысли!

И как бы хорошо обосновано и безупречно изложено ни было доказательство, всё-таки там, где примешивается предрассудок или односторонняя

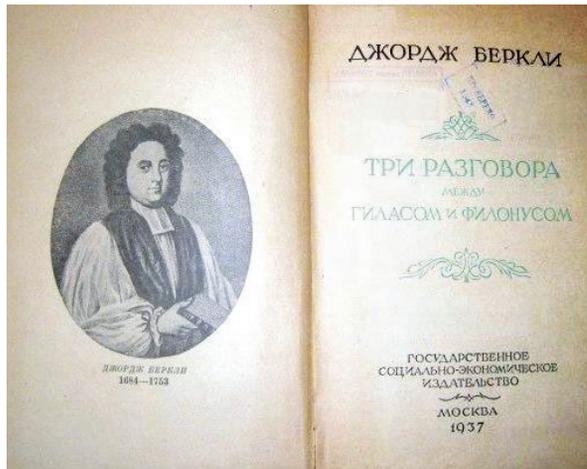
предвзятость в понимании, можно ли ожидать внезапного появления ясного восприятия истины и чёткого её признания? Нет, для этого нужны время и усилия; внимание должно быть возбуждено и поддерживаться частым повторением одного и того же, освещаемого то с одной, то с другой стороны.

Поистине моё мнение заключается в том, что все наши мнения одинаково суетны и недостоверны. То, что мы одобряем сегодня, мы осуждаем завтра.

Сколько раз мне повторять, что я знаю или сознаю своё собственное бытие и что я сам – не мои идеи, а нечто иное, некоторое мыслящее, деятельное начало, которое воспринимает, познаёт, испытывает желание и оперирует над идеями.

Джордж Беркли

Моё основание состоит в следующем: я хотел бы вложить определённое понятие в то, о чём я говорю; но у меня нет понятия действия, отдельного от акта воли, а акт воли я не могу себе представить коренящимся где-либо в ином месте, кроме духа; поэтому, когда я говорю о деятельном бытии, я обязан подразумевать дух.

Познание чего-нибудь, что прежде было неизвестно, есть новшество в знании; хороши были бы успехи в искусствах и науках, если бы все такие ново-

введения были запрещены. ... я стараюсь реабилитировать здравый смысл. Правда, поступая так, я могу быть вынужден пользоваться некоторыми обходными и не свойственными обычной речи путями.

Если ты разумеешь под идеями фикции и фантазии ума, то это – не идеи. ... Но назовёшь ты или не назовёшь их идеями – это имеет мало значения. Разница – только в названии. И будет ли это название удержано или отвергнуто, смысл, истина и реальность вещей останутся непоколебимыми.

М.Г. Шторх

В Томске папа перевёл «Три диалога» Беркли. Наконец появилась официальная работа – перевод переписки Шиллера и Гёте, причём Шиллера должен был переводить папа, а Гёте – М. Петровский. Они пока ещё ни разу не встретились.

... Деньги за все эти работы придут нескоро, если вообще будет заплачено. Все московские договоры были аннулированы, хотя немного денег приходило за давно сданные работы. К сожалению, сразу же пришлось тронуть папину библиотеку. Конечно, ему было очень тяжело расставаться с книгами. ... папина библиотека была известна на всю Москву.

Например, у папы был почти полный набор первых изданий Пушкина. Он точно писал, что именно продавать в данный момент. Но философскую библиотеку он не трогал никогда.

... Часто ходили с папой гулять, но ненадолго. ... Я отморозила лицо, и чёрные пятна не сходили со щёк всю зиму.

... Познакомились мы с семьёй высланного проф. Пригоровского, который жил почти напротив нас в Юрточном переулке. Они уже были знакомы с Петровским, который сразу был выслан в Томск, так что было ясно, что рано или поздно папа с ним встретится. Георгий Михайлович и София Николаевна Пригоровские были милые и доброжелательные люди и много помогали папе, особенно когда позднее он оставался один. У них была дочка, Наташа, лет семи, хотя сами они были немолодые люди.

... папина библиотека... – Библиотека насчитывала свыше 30000 книг; ныне находится в университете Тбилиси.

Пригоровский Георгий Михайлович (1884–1937) – историк; с 1932 в ссылке; расстрелян.

Томск. Индустриальный институт

***Г.Г. Шнет* Н.И. Игнатовой 7 февраля 1936**

...рука горит и отказывается служить (у меня плохо с нею), – хватает сил только некрепко пожать Вам руку.

***Г.Г. Шнет* Н.И. Игнатовой 6 марта 1936**

Окружающая природа подсказывает сравнения. Так вот, я наблюдал интересное явление на Енисее. Он *успокаивается* только тогда, когда покроется льдом толщиной метра в полтора. «Успокаивается» медленно, ибо дни и недели его замерзанию предшествует движение шуги, опочить которой не даёт вливающееся в Енисей бешеное течение Ангарских вод. Но вот шуга всё же уплотнилась, сжалась, и Енисей покрылся слоем льда, местами достигавшего до 1½ метров толщины. Но новый сильный натиск Ангары, громозвучный треск енисейского льда, вздыбившиеся льдины, полыньи, выброшенные, как былинки, на берег самоходы и скромные баржи... Шуга над потоком моих мыслей и чувств поплыла уже осенью, одновременно с енисейскою шугою; переезд в Томск совершался уже по крепкому льду, хотя и не гладкому, а восторошенному.

...На Нору ничего возлагать нельзя, её помощь может быть максимально случайной и в высшей степени прерывной. До Вас не дошло много моих ходатайств только потому, что были переданы через Нору ещё в июле прошлого года.

...«Случайно» в Красноярском дворе – в отличие от «культурного» Томска, где инженерно-медицинские мозги не выносят никакого не-утилитарного тумана – оказались не только книжные магазины, но даже букинистическая лавочка, в которой я купил не менее десятка иностранных книг...

...От жажды живописного дошёл до того, что на стенах кнопками укрепляю вырезанные из газет картинки... Вид такой, как на внутренней стороне крышек сундучных у дореволюционных кухарок!

...Есть зуд вернуться в отчий дом философии – конечно, и тут нужны книги, но тут – *minimum*, ибо основное всё же не исчезло из моих запасов. «Так что» стою на перепутье!

...А мы всё в морозе, на днях было -38° С.

Томск. Медицинский институт

***Г.Г. Шпет* Леноре 12 марта 1936**

Жизнь моя тянется однообразно, день похож на день, как вот перед моим окном, — левая сторона снежного сугроба — на правую. И тем не менее время не тянется, а летит, — стоит минуту дню, и он сжимается в какую-то точку, которая укладывается бесконечно близко к предыдущей и отодвигается в прошлое. А всё здешнее прошлое представляется только вчерашним, и не меняется чувство, что ты уехала только вчера. Рисую себе в воображении твой занятый день — и других мне близких и дорогих, особенно Маргусеньку с её бедствиями, — вижу пустыню своих дней, но, видимо, одно созерцание вашей занятости отнимает у меня столько времени, сколько отнимает у вас ваша работа, заботы и суета. Так, не успеваю оглянуться, и уже дня как не бывало, а там и вечера. Должно быть, и старческие реакции мои идут замедленно, тогда как часовые механизмы бегут с прежней условной равномерностью. Тут я сидел всё время над Шекспиром; были у меня некоторые замыслы, которые казались осуществимыми; они рухнули, и я ещё не «определился», не знаю, чем займу свои дни...

...Очень позабавило меня, Норушок, то, что ты писала о П<авле> М<аксимовиче> и других, требовавших, чтобы мы с тобою и в Енисейске непрерывно были умными. Ты бы по-

Томск. Пер. Рузского (быв. Колпашевский), 9

яснила им, что они сами такие умные только потому, что время от времени отдыхают от своей умности, устраивают себе каникулы, отпуска, дома отдыха и пр. Вот и я теперь, через 30 лет по окончании университета впервые задумал устроить себе отдых; так как мне, подобно другим умникам, полагается в год *in summa* не меньше 4-х месяцев отдыха, то я имею право теперь думать не об умном $30 \times 4 = 120$ месяцев, — чем я и воспользовался, и жил с тобою, если и не умно, то приятно.

...Как меня беспокоит Маргусенька с детками, и сказать не могу.

...Что же Лузин не получил твоего письма из Енисейска, где мы столько насочиняли о моём интересе к математике? Здесь послезавтра какой-то Воронов читает доклад об «Аддитивном свойстве чисел»; это как раз тема, которая меня интересует, хочу пойти, но этой фамилии среди названных Лузиным нет.

...Популяризируй идею о высоких качествах табаку «Ялта», которого здесь достать нельзя!.. (а где можно достать, спроси у Н<атальи> К<онстантиновны>).

*Павел Максимович Якобсон (1902–1979) – психолог.
Аддитивность – разложение величины на слагаемые.*

Г.Г. Шнем Н.И. Игнатовой 13 марта 1936

Я думаю, было бы полезно войти в контакт с Мухомором. ...Вы убедите его, что *Фауст* Марло уже в значительной части мною сделан, и было бы вопиющим позором для его чести и высокого имени, если бы перевод этой трагедии был поручен другому лицу.

...«Примиренческое» отношение к Михаилу Александровичу началось с момента его нагло-откровенного признания: «я выбрал путь компромисса; ведь я мог бы назвать (– оклеветать!) десятки!» А Марина резюмировала: «А всё-таки он в Томске, а не в Кашире или Москве».

Кузмин – удар для меня! Не символично ли это? Шекспир *не* суждён.

...Для оргвыводов не забудьте название: «Ялта», табак Любительский Высшего сорта, Ленинградский Государственный Табачный Трест, – вот как! – гедоника, патетика и экономика!

Мухомор – Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) – искусствовед, литературовед; в 1932–1937 член редакторского совета издательства «Academia».

Кристофер *Марло* (1564–1593) – англ. поэт, драматург; автор пьесы «Трагическая история доктора *Фауста*» (1589).

...к Михаилу Александровичу ~ в Кашире или Москве. – Имеются в виду М.А. Петровский и досрочно и быстро вернувшийся из подмосковной ссылки А.Г. Габричевский.

М.А. Кузмин умер 1 марта 1936.

М.Г. Шторх

Постепенно завёлся обычай, – приносить папе подарочек каждый раз, когда я ходила по магазинам. Это были мелочи: то открытка, то карандаш, то цветочек или маленький гостинец, – приходилось проявлять много изобретательности, чтобы не повториться. Но, заведя такой обычай, отказаться уже от него было невозможно.

Какая радость, когда однажды мы получили посылку, и в ней было два букетика подснежников, завёрнутых в несколько бумаг. Один состоял только из бутонов, и он прекрасно отошёл в воде, а распустившийся уже не восстановился. Это было в марте – в день моих именин, т.е. ещё в разгар зимы.

В таких вот мелочах и заботах прошла зима.

...Конечно, он очень сдал за этот год, хотя ему было всего 56 лет!

...Папа очень ждал приезда мамы, но ее всё задерживали хлопоты о пересмотре папиного дела, Сергей и начавшиеся переговоры о возможности перевода Гегеля, потому что предварительные разговоры об этом переводе проводились с папой ещё до ареста.

Томск. Почтамт

Постепенно установилась размеренная жизнь и в Томске с регулярными посещениями почты, книжных магазинов, 5 и 25 числа каждого месяца явка в определённое место и просто совместные прогулки по городу. В старых районах часто встречались замечательные дома с резьбой необыкновенной красоты.

...*день моих именин*... – 13 марта.

***Г.Г. Шпет* Наталии Константиновне 14 марта 1936**

Ослабел просто физически; и ночью и днем (много) сплю, и всё время чувствую разбитость, усталость, сонливость, апатию.

...На *Литературную газету* подписываться не надо, – я писал. А на сколько времени ты подписалась на *Литературное обозрение*? Хотя я получил всего один номер, но может быть, подписаться можно заранее?

***Г.Г. Шпет* Н.И. Игнатовой 30 марта 1936**

Друг, перст судьбы для меня – не указующий; я никогда не видел его в состоянии выпрямленном, а всегда созерцаю в виде колечка, но догадываюсь, что он всё же по временам выпрямляется, ибо время от времени чувствую щелчок в области темени. Повод к обобщению: Наталья Константиновна в суете отъезда положила в чемодан Русско-немецкий <словарь>...

...А Блок, конечно, человек, только немецкий человек!.. Всё вертелось в уме: на кого-то он страшно похож своей материальностью плоти и неврастеническим самоутверждением духа...

...Ваша беседа с Габром – восхитительна (при всём Вашем не восхищённом тогда состоянии). Его самое правдивое слово: о восприятии Вас в качестве следователя (бедный!..); его самое глупое слово: о привлекательности Енисейска (растерялся!). О мордобое упоминать не нужно было, ибо я не собирался испытывать эффективность этого аргумента...

...По многим данным сейчас можно было бы протащить в «*Школьной серии*» *Каина* (и *Бронзовый век*), но в *Правде* непогрешимый Корнейчук по поводу преподавания литературы вставил, что ему не нравится русский перевод Байрона, и, принимая во внимания конъюнктуру, подразумеваю, что он лягнул меня.

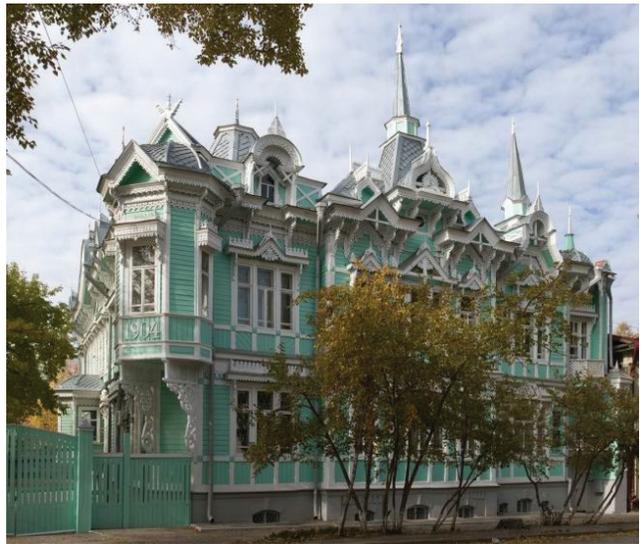
Александр Александрович Блок (1880–1921) – поэт.

Габр – А.Г. Габричевский.

...в *Правде* *непогрешимый Корнейчук ~ Байрона*... – Корней Иванович Чуковский (Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) – писатель. Имеется в виду статья: *Н.В. Корнейчук*. Поставщики литературных сухарей // *Правда*. 1935. 23 декабря.

Томск. Пр. Ленина, 56. Современный вид

Томск. Ул. Белинского, 19. Современный вид

Томск. Ул. Красноармейская, 71. Современный вид

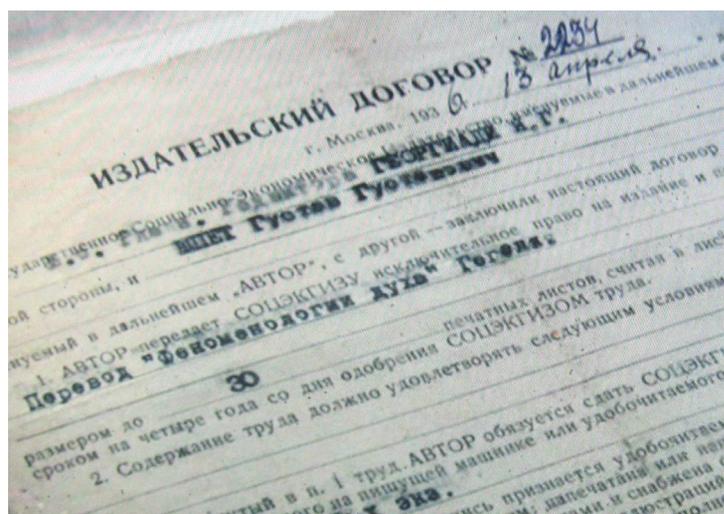
Томск. Ул. Красноармейская, 67. Современный вид

Томск. Ул. Красноармейская, 68. Современный вид

Томск. Ул. Шишкова, 14. Современный вид

М.Г. Шторх

Наконец, к папиному дню рождения приехала мама, да ещё с подтверждением о заключении договора на перевод гегелевской «Феноменологии духа». ...Издательство пыталось найти другого переводчика – не вышло. Первому предложили, кажется, Фохту, но он отказался, сказав, что это произведение может перевести только Шпет. Вслед за ним и другие поступили так же, кто-то от души так считая, кто-то был вынужден не отрываться от большинства. Это известие очень подняло папино настроение, и он с удовольствием принялся за работу. Папа писал в небольших тетрадях, которые заказной бандеролью отправлялись в Москву. Мама или я перепечатывали их на машинке, и один экземпляр посылался обратно таким же путем в Томск для исправления ошибок и переделок. Затем мы вносили эти поправки в остальные экземпляры. Почта в те годы работала исправно и быстро, поэтому всё шло гладко. Папа, очень хорошо зная немецкий язык, всё время пользовался словарями и немецкими и немецко-русскими и ещё какими-то книгами. Я спросила его об этой странности (зачем столько словарей?). Он мне объяснил, что иначе серьёзную литературу переводить нельзя, ведь всегда может случиться, что есть и ещё какое-нибудь значение слова, которого он не знает.

Когда мама приехала, я перешла жить в комнату с девочками. Они были немногим моложе меня. Это была славная семья. Их отец был очень хорошим мастером и вскоре стал называться «стахановцем». Он был очень живой и остроумный, но всецело находился под «игмом» своей супруги. Зато его жена (Сима Минеевна) совсем не чувствовала шуток, «знала» всё на свете и командовала всем домом. Боготворила детей. Старшая училась неважно, но в этом всегда были виноваты учителя. Младшая была умная и очень прилежная девочка. Мы со всеми были в хороших отношениях.

...Знакомим маму с Томском, готовимся ко дню папиного рождения. Получены посылки и телеграммы из Москвы. Это особенно радует. Невольно идёт своеобразная проверка друзей: кто-то афиширует дружбу, кто-то, наоборот, боится, но на это тогда не обижались. Многие предлагали приехать и пожить с папой. В первую очередь сразу после мамы должна была приехать Елизавета Николаевна Коншина, а на смену ей Наталья Ильинична Игнатова – обе верные папины друзья и помощницы. Отметили как могли торжественно папино рождение.

Борис Александрович *Фохт* (1875–1946) – философ.

...«стахановец»... – имеется в виду стахановское движение за «повышение производительности труда», названное именем шахтёра А.Г. Стаханова, якобы превысившего норму выработки в 14 раз.

Елизавета Николаевна Коншина (1882–1973) – литературовед.

Г.Г. Шнет Н.И. Игнатовой 13 апреля 1936

...Шилер – в тумане. 1) Мне привезён только I том *Переписки Гёте и Шилера*, – когда ему срок? 2) Когда я получу II том и когда ему будет срок? ...М.А. Петровский до сих пор не получил текста, кажется!

Г.Г. Шнет Ю.К. Балтрушайтису 17 апреля 1936

Дорогой, мой милый Юргис!

Твоё отношение и твоё незабывание меня – величайшая для меня отрада! Как часто я думаю о тебе, как о единственном, кого я встретил на своём пути, и сожалею, что недостаточно приник к той мудрости, которой проникнуто твоё отношение к миру. Я знал немало хороших слов, но только теперь начинаю понимать, какие прекрасные скрываются за ними вещи...

Высшей силе угодно было преподать мне урок, заставить разбираться в вещах и людях с тем, чтобы каждому найти его действительное, не иллюзорное место. Мне кажется, что урок дан поздно и всей пользы его назидания я не применю, – но кто знает, где поставлены сроки и чем должны быть наполнены времена?

Для Томска природа уготовила на своей земле прекрасное место, но, кажется, что чем лучше место, тем более его умеют загадить. Свой скромный Енисейск с безмерными просторами небес и массами воды иной раз вспоминаю не без сердечной тоски. Томск – город полужизни и полной меры духовной тупости, где недостаток высокого разума стараются заместить изъяснениями самого пошлого самодовольства. С нетерпением жду весны: здешняя геология и ботаника обещают больше, чем глумящаяся над жизнью техника и кокетничающая со смертью старая проститутка – медицина.

...Люблю тебя, почитаю тебя и не хочу расставаться с этой жизнью, не повидав тебя и не расцеловав тебя.

Преданный тебе до последнего конца, твой Густав.

Г.Г. Шнет Сергею 19 апреля 1936

Очень благодарю тебя за подарок ко дню рождения: вполне угодил! Здесь гильзы можно достать только очень тоненькие, а зато машинки для набивания – средние; так что если бы ты не прислал и машинку, было бы трудно управиться. Серёжу Шторха очень благодарю за трубочный табак, – очень хорош; и хотя сам по себе он несколько прян, но в смеси со «Сфинксом» получается превосходно.

...Очень надеюсь, что эта четверть у тебя сойдёт вполне благополучно и исправит предыдущие. Во всяком случае, очень прошу тебя об этом и уверен, что выполнение моей просьбы зависит от одного только твоего желания. С нетерпением жду конца этой четверти, чтобы обнять тебя, моего дорогого, побродить с тобою – здесь есть, куда пойти, – и поболтать. Надеюсь, что одною из тем наших бесед будет продолжение разговора, который у тебя завязался

Юргис Балтрушайтис

с Серёжею Шторхом о профессии (раз требуют, пиши уж лучше «профессии», но только не «професии», как ты пока пишешь!). Твой подбор мне не очень ясен: не вижу, что объединяет эти пять заголовков. Но этим не смущайся, – все мы до последнего момента колеблемся, иногда между прямыми противоположностями. Наиболее неожиданно для меня в этом списке первое же наименование: археолог. Я не уверен, что ты ясно представляешь себе, что скрывается за этим словом, быть археологом «вообще»; надо ближе определить интересующие тебя культуру, народ, место. Но об этом, конечно, поговорим, как и о прочем.

Сергей Александрович Шторх (1904–1938) – инженер-конструктор; с 1937 муж Марины Шпет.

М.Г. Шторх

Приближалась весна, а с нею и наш отъезд. ... Кроме того, было договорено, что на смежную маме и мне придется пожить с папой Елизавета Николаевна Коншина. ... Ей сняли на месяц комнату поблизости.

... В середине апреля к отцу приехала Елизавета Николаевна Коншина, и через день мы с мамой уехали, – мама до лета, а я – на неопределённый срок.

С.В. Виленчик. Воспоминания о Г.Г. Шпете

Наталья Константиновна осталась в моей памяти красивой брюнеткой, интеллигентной и умной женщиной. Она хорошо штопала носки с помощью грибка и нас этому учила. ... В письмах, которые она нам писала, просила посильнее топить печь в комнате Густава Густавовича, чтобы ему было тепло и не так грустно.

Г.Г. Шпет Натальи Константиновне и Марине 19–20 апреля 1936

Золотая моя Натуля, день без вас стал длиннее, – сегодня в особенности. Это показалось потому, что встал рано (9½). Хочу вообще наладить более раннее вставание. Был очень рад получить телеграмму из Новосибирска, но совсем не рад, что Вы уже опаздываете на 20 часов! Вот намучаетесь!.. Кошмар какой-то!

Проснулся опять с опухшей щекой, но быстро стала опадать: теперь побаливает – видимо, нарывчик; мажу йодом.

Хозяйка соглашается, чтобы Ел<изавета> Н<иколаевна> снимала у неё угол, но цены не назначает. Сегодня платил за свою комнату – до 18/V, но за отопление взяла полностью 15 р.

... 20/IV утро.

Два письма из Тайги, – бедные мои, выходит, вы всю ночь не спали!

... Ел<изавета> Н<иколаевна> вздумала завести свой порядок, который оказался не очень практичным. С хозяйством у неё пока благополучно; старается меня накормить; есть маленькие невпады, когда что-нибудь готовится «сюрпризом», а я-то не в восторге, – и ей разочарование, и мне неловко; но это мелочи, и скоро исчерпаются.

Твоё пребывание скомкалось в какую-то минутку: прилетела и улетела, да ещё Маринашу забрала... Лета жду, но ведь в сущности и летом

побудешь со мною минуточку – чуть длиннее, а потом опять бесконечная зима! Но теперь думаю только о лете.

...О настроении моём не думай: скучать по тебе всё равно буду, но ведь с каждым днем всё же будет ближе к июлю, да и Гегель, надеюсь, поможет, а кроме всего прочего идём-то мы к лету и, значит, уже и природа будет развлекать.

М.Г. Шторх

Поезда ходили так, что опаздывали на сутки, иногда и более. Звонишь по телефону, спрашиваешь, когда придёт такой-то поезд. «А вам от какого числа поезд?»

Г.Г. Шнет Наталии Константиновне 22 апреля 1936

Но, итак: вы опаздываете на сутки и 1½ часа *minimum!*.. Милые мои, видно, раньше ночи с 24 на 25 вам не быть в Москве.

...Вот выдумала – целый стакан сметаны за ужином!.. Ел<изавета> Н<иколаевна> была бы потрясена (хотя и приятно)! Ем пока по 3 ложечки! Ел<изавета> Н<иколаевна> очень мила и очень внимательна.

У нас завелась кошечка: трёхцветный уродик, но с дивным характером: нас любит больше, чем хозяев. Я решил, что это взамен Маринаши, но, вот, уже ¼ часа как она влезла на плечи мне и тихо сидит, пока я пишу, – а Марина этого не делала. Спроси, – почему?

Г.Г. Шнет Маргарите 23 апреля 1936

Ты как-то не очень давно мне сказала, что ты теперь большая и я должен тебя слушаться; как помнишь, я сразу согласился. Но вижу, что всё-таки ты нуждаешься и нуждаешься и в совете, и в помощи. Моя помощь может быть теперь никакой, мой совет – всегда запоздалым, но если моя воля помочь тебе и поддержать тебя, если моя любовь – действительные силы в этом мире, то знай и помни, что они всегда около тебя, окружают тебя, и пользуйся этими силами, сколько тебе нужно, всё равно, их не исчерпаешь.

План твоего приезда с детками сюда на лето казался мне одно время более или менее реальным, но, независимо от твоих собственных причин, я достовернее узнал, как здесь можно было бы устроиться с детьми, и с грустью от этого плана – даже мечтания – отказался.

Кажется мне, что твой доктор ларинголог – прав. Если у Котика постоянный насморк и закладывается нос, это не может не отразиться на ухе. Родители видят только внешний вход в ухо, переднюю, и только в неё и заглядывают, но тут всё обставлено просто и элементарно. Гораздо сложнее – внутри, и в особенности жутко – в тёмном коридоре, ведущем из лабиринтов уха в апартamentы носоглотки (Евстахиева труба). Надо, чтобы здесь были чистота и свет. Последни хорошенько, умеет ли Котик сморкаться, – это вовсе не простая операция; многие дети сморкаются в обе ноздри сразу, – это обязательно отражается в уши и вызывает всякого рода ушные воспаления и болезни. Я достаточно возился со своим носом и достаточно натерпелся, и терпит от него вся моя голова.

Котик – сын М.Г. Поливановой Константин (1933–1949).

Г.Г. Шнет Наталии Константиновне 24 апреля 1936

Зуб у меня совсем благополучно; опять надеваю протез на весь день; опухоли нет, и не болит.

...Настроение мое само по себе удовлетворительно. С Елизаветой Николаевной оказалось легче и проще, чем я предполагал, – пока не «дуюсь» и не очень-то «стесняюсь». Вот, как она сама, не слишком ли ей покажется накладно столько возиться (гл<авным> обр<азом>,

с едою), – не знаю. Сегодня ходили смотреть кресло: небольшое, в сравнительном порядке, пружины твёрдые, может быть низковато для писания, но для чтения и отдыха – вполне хорошо, стоит всего 30 р. Но не знаем, как доставить сюда; если не придумаем, боюсь, сорвётся. За креслом ходили по тем местам, где я ходил с тобою: очень грустно было, что ты не со мною.

...О комнате Ел<изавета> Ник<олаевна> поговорила не очень удачно; часть комнаты хозяйка не хочет сдавать, а только всю – на условиях, которые ты знаешь. Придётся принять, но я советовал Ел<изавете> Ник<олаевне> всё же спросить, а как же мебель (что она даст?) и когда дверь будет заделана? Разговор предстоит завтра; уверен, что ответ будет: мебели никакой, дверь заделывайте сами. Не знаю, как на это реагировать.

Страничек я перевёл с твоего отъезда: от 93 до 136, но писать стал мельче и убористее.

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 26 апреля 1936**

ГИХЛ денег не шлёт, надо опять написать...

ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы.

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 26–27 апреля 1936**

Золотая моя, твоё коротенькое пребывание здесь сильно изменило всю мою психологию: я всё время очень конкретно чувствую тебя *здесь*; от этого грустнее и как-то приятнее; в места, где мы успели побывать, как-то особенно «тянет», – они приобрели для меня новый смысл. Это было и в Енисейске после твоего отъезда, потом осенью, и в особенности снег, всё закрывший, так изменил все «места», что я уже воспринимал их без тебя. Так сперва было и здесь: ты далеко, это – не твоё, *тебя нет*; теперь совсем другое дело! А вывод простой: без тебя ничего нет, и без тебя я ничего не хочу, – придумывай, что хочешь, чтобы быть со мною; на другое ни на что я не согласен. Вот и всё!

...Не так весело без тебя и это обзаведение, которое нами сделано. Я уверен, что ты бы веселилась и радовалась.

1) Кресло – низенькое, небольшое, но удобное; отдыхаю просто в нём, теперь даже не постигаю, как я мог столько времени сидеть на том эшафоте. И читать в нём удобно, и писать хорошо, – вот только не поспишь: маловато.

2) Комод, собственно так называемое «бюро» – большое, солидное... вышина аршина 1½, длина – ещё ¼ арш<ина>. Хозяева очень одобрили: вещь «старая» и «хорошая»; признали, что лучше их комода, «хотя их комод стоит 70 р.» (мы заплатили 50 р.). Стоит поперёк комнаты (от моего окна), отделяет меня от столика Ел<изаветы> Н<иколаевны>: комната стала больше и уютнее! Теперь решительно не хочу второй!

3) Полочка о двух полках...

...Второй день тепло, ветер меньше, снег тает, хотя у меня под окном – ни с места (не заглядывает солнце), грязь подсыхает, на Ленинском проспекте и парадных больших улицах – столбы пыли! Вскрытия Томи ждут не раньше 28-го.

...27 утро. Проснулся в 9: зимний пейзаж, – на вершок всё покрыто белым, белым снегом!

Аршин – 71,12 см.

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 27 апреля 1936**

Библиотека велела передать, что ждёт меня в любой день от 12 до 4 и готова быть мне полезной...

...Был сегодня в бане, – если это тебе интересно.

Томск. Дом Красной армии

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 28 апреля 1936

С Е<лизаветой> Н<иколаевной> в целом идет всё хорошо; во всяком случае, я не ожидал, что выйдет так легко, – «гости» в ней я не чувствую. ...Но, собственно говоря, нет и полной сердечности в наших отношениях, которая могла бы быть, если бы она относилась к тебе с меньшим холодком. С этой точки зрения у меня теперь вызывает сомнение приезд Натальи Ильиничны, относительно которого я уже склонялся было к положительному решению; я уверен, что никакой нетактичности она себе не позволит, но достаточно мне будет заметить какое бы то ни было непризнание тебя, и меня это будет расстраивать. А это «непризнание» я чувствую уже из того тона, в котором она принимает и выполняет мои дела и поручения: ей хочется во всем тебя «перекрыть», и она не понимает, не улавливает той простой вещи, что если бы ей это и удалось, всё равно, твоя забота для меня ценнее, дороже, жизненно необходимее. Вместо того, чтобы ограничиться тем, где она могла бы быть всего полезнее (литературные и издательские дела, книжные ещё), она хочет приложить руку ко всему: и к комфорту моему, и к делу (письмо и прочее), и к моим отношениям с другими... Ел<изавета> Н<иколаевна> ей что-то писала о возможности её приезда к концу пребывания здесь Ел<изаветы> Н<иколаевны> и затем (июнь) на смену ей. А я сомневаюсь в нужности этого и побаиваюсь, как бы вместо «налаживания» не вышло полного «расстройства» отношений.

...Был опять на уколе, пожаловался на то, что утра остаются плохие...

...Работа подвигается теперь гораздо скорее: и времени больше, и как-то больше вошёл в язык Шилера; к 1/V не успею всё (что у меня) сделать, но скоро после первого кончу... Что ещё приходится на мою долю, я так и не знаю, а между тем в начале мая уже придёт Гегель, и это будет меня только отвлекать.

...Протопопов здесь – не «свой» и едва ли знает здешних врачей, и едва ли есть смысл говорить с ним об этом, но попробую.

...А денег из ГИХЛ'а всё нет...

Христофор Иванович *Протопопов* (1886–1937) – невропатолог; ссыльный; расстрелян.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 27 апреля 1936

Сегодня получил от бедненькой Марго совсем паническое письмо... Денежное положение – ужасное; она пишет, что и занимать уже не у кого; а издательства, как всегда, тянут и жульничают (когда до них доберутся? отдать бы под суд, как тех, кто учителям не платил, – пошевелились бы!); всучи ей силою, сколько нужно...

...Переделываешь ли штаны, и какой мне будет пиджак на лето?

Г.Г. Шпет Маргарите 30 апреля 1936

Что касается денежных дел, то очень жаль, что в это время не было в Москве Н<атальи> К<онстантиновны>, но сейчас же обратиться к ней – и впредь всегда, когда нужно, обращайся; на этом я настаиваю и буду обижен, если ты не послушаешься меня. Я писал ей и тебе повторяю: смотри на это, как на простой мой расчёт, – пока кое-что есть у меня, бери, а зато я получу право потом обращаться к тебе, когда мне понадобится. Или ты хочешь лишить меня этого права?

...А Норин «мрак» почему – «за голову»? Ведь у Норика это – перманентное состояние, и если по этому поводу ухватиться «за голову», то уже и не выпустишь её из рук! А, может быть, это и нужно, чтобы держать себя... в руках?... – Развалившиеся диваны – вовсе уж не беда, – тут не хвататься надо рукой за голову, а просто махнуть рукой, – если они действительно развалились, выбросить можно их, а спать можно и на полу (я это испытал, и я – большой сторонник такого ночепровождения). – И, вот, я ещё! Что ты, моя маленькая, – ведь мне хорошо! Разве я подозревал, что вокруг меня столько доброты, благоволения и любви? А теперь

я это знаю! Я потерял Москву, которая в моём представлении есть *cloaca maxima* (где, к сожалению, барахтаются мои милые), а зато сколько приобрёл! Жалеть меня всё равно, что жалеть беспризорного, которого вытащили бы из асфальтового котла, постригли, повели в баню, дали носовой платок и прыгалку, – на, скажи!

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 1 мая 1936**

Цветочка, который ты вложила в письмо, в нём не оказалось: видимо, не я один – любитель цветов!

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 2 мая 1936**

День сегодня чудесный, как был 12-го, когда мы гуляли, – первый такой после твоего отъезда; грязь подсыхает, но под нашими окнами кучи снегу и льду, хотя Ел<изавета> Н<иколаевна> самолично разбросала сугроб. Прошёлся с нею немного в новые места, где ещё не был.

...Перевод продвигается быстро, и работы осталось дня на два, на три...

...В посылки подкладывая спичек, – здесь даже та жёлтенькая дрянь («Сибирь») исчезла, и появились ещё худшие («Красная звезда»).

...не злоупотребляйте тыканием всем в нос договора о Гегеле (и к чему вообще об этом трубить?!..), ибо персона безразличная скажет: «Вот, и хорошо, и значит, ничего больше не нужно!», – а персона злостная скажет: «Справлюсь, – на основании каких симпатий это сделано?» (ибо хотя запрета нет, но есть добровольное усердие).

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 4 мая 1936**

У нас после двух дней хороших опять холодно и снег валит хлопьями; под ногами опять грязь (а вчера выходил без калош, – по главной улице было сухо), и выйти невозможно.

...Сегодня проснулся с совершенно сумасшедшей головной болью, но сам себя так размассировал по твоему новому методу, что мало-помалу боль разошлась.

***Г.Г. Шнел* Наталии Константиновне 5 мая 1936**

Золотонатуля моя, погода показывает фокусы, как заправский китайский жонглёр: 1 и 2-го – солнце, на солнечной стороне ходи без калош; вчера – хлопьями снег, к утру всё покрылось на вершок, сегодня тает, журчат потоки, грязь. Томь стоит.

...Передай Маринаше, что перед Ел<изаветой> Н<иколаевной> финтилить страшно, – поправит пенсне на носу и спросит: «А почему?» – и напишет Ольге Леонардовне: «Г.Г. готовится, кажется, т.е. кажется мне, поступить в театр юного зрителя, а,

может быть, определиться в дирижёры Большого театра; нет, наверное, даже в дирижёры, – я это заметила, когда стояла возле чёрного комода, который мы купили 21-го, нет, 22-го, нет – 21-го апреля на Студенческой ул. у одного инженера-строителя, у него жена – брюнетка, – так вот с левой стороны комода, потому что правая сторона – к окну, нет – с правой, п<отому> ч<то> левая...»

...У меня появилось какое-то дикое чувство: когда я складываю твою (мою – новую, самодельную) карточку, я начинаю бояться, что, вот, сию минуту умру, не успев разложить, и тотчас всё снимаю, – неприятное чувство, и очень жалко, потому что эту твою карточку я очень люблю...

Е.Н. Коншина

Вершок – 4,45 см.

Ольга Леонардовна – Книппер-Чехова.

Ленора Шпет

***Г.Г. Шпет* Леноре 5 мая 1936**

Ну, улыбнись же мне! На карточках, которые ты прислала, ты ведь улыбаешься всё-таки (кроме сонной), – я выбрал и в рамку вставил с кошечками.

...Снимок с Пиранези – восхитителен. И как ты угадала мой вкус! Я люблю Пиранези и очень много его видел, но такой гравюры не помню, а если бы видел, не забыл бы. Как она должна быть хороша в своём настоящем виде! Всё, что мне нужно: нагромождение, скалы, водопады. И даже то, что у него обычно не удовлетворяет меня, здесь как бы преодолено: его рассудочность и, вследствие её, недушевлённость недушевлённых предметов. В природе нет ничего недушевлённого, его не должно быть и в искусстве. Неодушевлены в точном смысле – только машины; и я не видел художественного изображения машины, – если она не превратится фантазией художника в чудовище...

...Как-то странно, что я чувствую тебя здесь – всё-таки ты здесь побывала! – и в то же время не могу рассказать ничего, что ты могла бы представить себе вполне конкретно и наглядно: очень уж короткую минутку ты пробыла здесь. Постепенно привыкаю и к этому месту, хотя енисейского уюта не вернуть, как не вернуть и красот Енисея – и не заменить! Вникнуть, как хочется, в вокруг-томскую природу будут мешать расстояния, а пока – просто не допускает климат, который хотел бы сыграть под «психа», под нашу енисейскую Дину, но ведёт свою роль плохо: переходы от истерического ветра к депрессивному холоду и к накаливанию временки – не мотивированы и не художественно внезапны; а чувство ритма – такое же, как у молодой коровы. 2-го мая я выходил без калош; по солнечной стороне было сухо (хотя под окнами у нас, – север, как ты помнишь, – груды снега и льду, так что из-под полу дует холодом), а вчера – хлопьями снег, к утру всё покрывший ватным одеялом в вершок толщиной; сегодня – течь и невылазная грязь! Томь ещё не тронулась.

Джованни Баттиста *Пиранези* (1720–1778) – ит. художник; автор *гравюр* «Виды Рима» (1762), среди которых «Вид водопада в Тиволи».

***Г.Г. Шпет* Наталии Константиновне 6 мая 1936**

Ел<изавета> Н<иколаевна> ходила за город (где мы до конца не дошли), на спуск к Томи: много мать-мачехи да две фиалочки, но она самой прогулкой очень довольна.

Опять потеплело, и даже куча перед нашими окнами пошла таять. Хорошо бы начать вставать пораньше да утром совершать маленькую прогулочку, как бывало летом в Енисейске.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 7 мая 1936

Золотая моя, сегодня кончил имевшийся у меня перевод...

...В шубе, Натулик, я уже не хожу, ведь Ел<изавета> Н<иколаевна> привезла осеннее, но если ещё похолодает, то снимусь. Сегодня опять превосходная погода, снег под окном живо уменьшается, а на почту ходил без калош...

...Тут никаких новостей, всё же Томск лучше уже тем, что опять стал привыкать. Minimum Уфа, если нельзя Полтаву или Курск и т.п. Аргументация от специальности – двусмысленна: в Новосибирске и подавно (в том числе и Уфа и пр.) ещё меньше приложения, чем в Томске, – а значит, что же? – Казань, Саратов, Воронеж? Если это – реальная аргументация, то работа по специальности возможна только в Москве или под Москвой; а какая-нибудь Уфа лучше Томска только в смысле большей близости к Москве (+ возможность устраивать угол до конца жизни).

...От милой Маринаши очень милое письмо! ...Мери (она пишет: Мм-Эри!..) и Сара страшно горды письмом от неё... Но какая несправедливость: бедная Сонечка Гэршевич рыдает, покинутая среди торфяников, жертва комаров и гнуса, одинокая Купавочка Иван-Озера! Ах, ах!.. Завтра же вот этим ножиком к этому месту этого горла!..

...Если я правильно понимаю причину волнения Марго, то всё – плохо, и везде одинаково плохо! Тюмень – не лучше, а, может быть, ещё хуже: ведь она – на главной ж.-д. магистрали. Не лучше тогда и в самой Москве, – может быть даже всего хуже! Нет, если «ничего лучше», то уж – лучше Уфа, если невозможны Полтава или Калуга. А за Уралом всё-таки, может быть, Томск – лучше других.

Завтра ~ этого горла! – Ирония над Д.М. Гершевич: она грозила самоубийством с конкретными деталями – где, когда и как.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне и Марине Шпет, 9 мая 1936

Сегодня хорошая погода и ходил с Ел<изаветой> Н<иколаевной> на Воскресенскую гору, но мне легче сидеть дома: очень на этих прогулках хочется тебя видеть около себя!

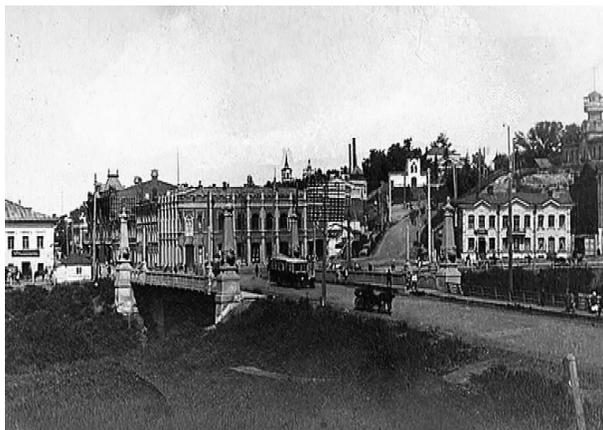
Гегель – пока не надоел – просто увлекает... этим темпом к февралю должен кончить, а срок – 1 апреля.

...А у меня с Маринашечкой беда приключается: с каждым днем – не легче, а, наоборот, вспоминаю её всё больше и нежнее, а больше – только скучаю. Куда весело было бы теперь побродить с нею! Прямо жаль, что на лето-то и уехала! Не представляю себе тоже, как без неё здесь зиму буду...

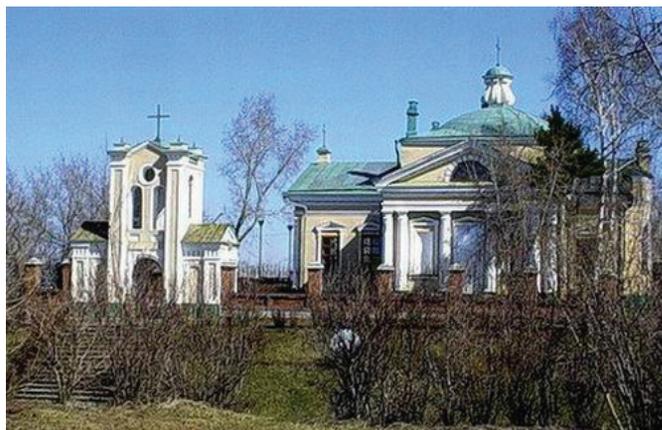
...Полочку повесил над нашей книжницей (над ящиками). А теперь ещё придумал: над дверью – бутылки убраны – приделал доску (от ящика), получилась чудная длинная полка; другую доску – с упором одной стороны на раму двери – протяну до стены над вешалкой, – красота неопишемая!

Томск. Воскресенская церковь.
Современный вид

Томск. Вид на Воскресенскую гору

Томск. Костёл. Современный вид

Томск. Каменный мост через Ушайку

...Сегодня на улице встретил Мишу: ему Муся писала, что на его имя придут Шилер для меня и всё такое. Я сказал, что толком ничего не знаю, а когда выяснится, мне напишут.

...Я не рассчитываю, ни при каких условиях, выбраться из Томска раньше осени; но чтобы осенью что-нибудь вышло, надо начать всё раньше.

...Я просил проверить: в ящике карельской березы на письменном столе был клочок бумаги, из которого видно, что я признан инвалидом такого-то года и числа; поищи, потому что других документов у меня нет...

...*Мишу: ему Муся писала...* М.А. Петровский и жена его брата Фёдора Мария Васильевна Петровская (урожд. Вахтерова; 1900–1990) – переводчица.

***Г.Г. Шпет* Наталии Константиновне 10 мая 1936**

У нас опять холод, хотя Томь и тронулась.

***Г.Г. Шпет* Марине 11–12 мая 1936**

Решил освободить мамулю от обращений к тебе, потому что она считает их глупостями, а начну на отдельном листочке заносить специально для тебя свои глубокие мысли, а ты – питайся ими и тай! И вот тебе первая глубокая мысль: глубокие мысли, чтоб, оступившись, в них не проваливались – надо содержать на поверхности бумаги, что я и делаю.

У нас холодно и снег больше, чем на вершок, – совсем вид зимний, только сугробов нет в рост Серёжи Шторха и величиною с Серёжишторхину голову; даже в комнате посветлело, – как на свадьбе! А вот тебе и вторая глубокая мысль: приятно видеть снег в середине мая, – появляется надежда, что в середине января можно будет покататься по Томи – не на коньках, а на лодке.

...Тебе, наверное, хочется новостей из нашей жизни, но нет ничего столь выдающегося, что о нём стоило бы писать, а каждодневные новости так похожи, что умирают уже в день своего рождения. Пожалуй, впечатление произвело на нас, что стахановец, получив по 5 р. для каждой из дочерей, им и отдал эти пятёрки! Зато на следующий день не оставил денег на обед, за что, впрочем, к обеду ничего кроме картошки не получил, которую и поглощал в полном благодущии, а потом со всем аппетитом и вкусом чихал: ап-чхи! Мерю пилит каждый день,

но у неё характер вполне отвечающий здешней погоде: слезы сменяются солнечной улыбкой, а ветер свищет и при том и при другом; вот, только слёзы у неё не валятся хлопьями снега на землю, но это, я думаю, от того, что они льются в кухне, а не в сенях, в кухне же температура поддерживается чуть выше 0 благодаря пламени моих папирос и огню спичек (которые, кстати, перестали пропадать; появилась кошка у нас, Галька, и мыши исчезли!.. Да!..).

...Но в какой бы близости или в каком бы отдалении ты ни держала меня, ты знаешь, что я хотел бы быть всегда около тебя. Пиши, что найдёшь нужным и возможным, буду стараться понять и принять.

...А без тебя скучно!..

...*питайся ими и таи!* – Шутливое перемещение слов из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!» – лат.; 1829): «Молчи, скрывайся и таи... Питайся ими и – молчи».

Г.Г. Шнет Н. И. Игнатовой 13 мая 1936

Второй том у меня, и я уже перевожу; к 1/VI надеюсь окончить, т.е. перевести письма Шилера...

...Не найдётся ли маленькая лампа, – из тех, которые раньше ставились на ночной столик; она может быть поставлена или повешена, – положение лампочки регулируется подвеском.

Гегелем увлечён.

Г.Г. Шнет Наталии Константиновне 13 мая 1936

Погода всё дурит: днём был ветрище, а к вечеру стало лучше. Вышел пройтись в ветер и жалею: вернулся с насморком; сразу же накапал адреналину, и стало лучше, но голова в тумане. В Томске, оказывается, такое обилие книжных магазинов, что маленький Когиз совершенно излишен и закрылся...

Когиз – Книготорговое объединение государственных издательств; обиходное название книжного магазина.

Г.Г. Шнет Наталии Константиновне 14 мая 1936

Погода надоела до смерти, хотя как раз сегодня лучше, но то же – утром солнце и тихо, потом ветер, потом опять хорошо. Сегодня прошёлся с Ел<изаветой> Ник<олаевной> на реку, – где с тобою не ходили; это выходит намного лучше: нет той тоски, как проходить по местам, где мы были с тобою... Так как тебя этот вопрос волнует, то сообщаю – был сегодня в бане.

...Неверно, что у Серёжи – самый «переход»; его переходность уже кончилась, а вот во время её он попал на какой-то неудачный путь, – как-то ему удастся сойти с этого пути?

...Хозяйка сдалась, и Ел<изавета> Н<иколаевна> спит в комнате девочек; за 20 р., но неясно: в месяц или до конца её пребывания здесь (что выйдет меньше месяца). ...теперь с этим бюро – полная изоляция: я, пока не выйду из-за него, не знаю, читает Ел<изавета> Н<иколаевна> или пишет или спит за столом...

Г.Г. Шнет Наталии Константиновне 16 мая 1936, утро

Наша грандиозность: наконец приличная погода; река почти прошла, и есть надежда, что погода установится. Поэтому выставили одно окно; со свежим воздухом сразу другое самочувствие (снегу осталось под окном – горсточка, и воздух идёт тёплый). Радостно вливаются звуки жизни: чириканье воробьев, петухи, лай собак, даже мычанье коровы, детские голоса, бляение козы... К сожалению, ко всему присоединяются, хотя и очень издалека идущие, зловещее завывание радио-сифилитика да тупое пыхтение самолета.

Последняя фотография Г.Г. Шпета. 11 мая 1936

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 16 мая 1936

Хочется, чтобы ты была со мною. В дурную погоду тоска, и ты нужна, чтоб заслонить её, а вот, в такую радостную – ты тоже нужна, потому что без тебя это далеко, далеко не полная радость.

Погода продолжает быть хорошей; только вдруг сорвётся ветер и утихнет через $\frac{1}{4}$ часа.

...Твоё желание, как видишь, исполнил: 11/V был такой холод и снег, что я выходил в зимнем; но получилось нечто несусветное! Даже фотографии в Енисейске лучше! ...и ты не показывай никому этого уродства!

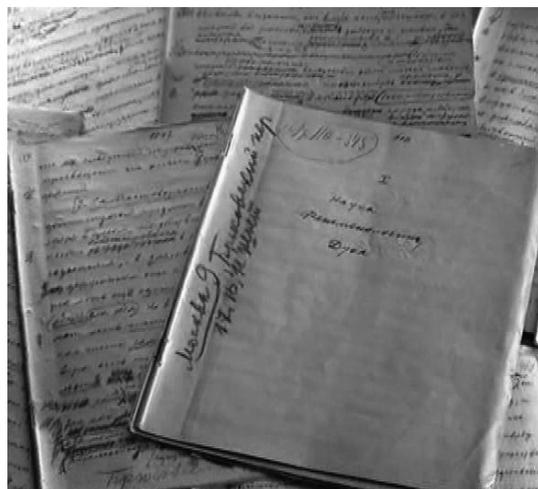
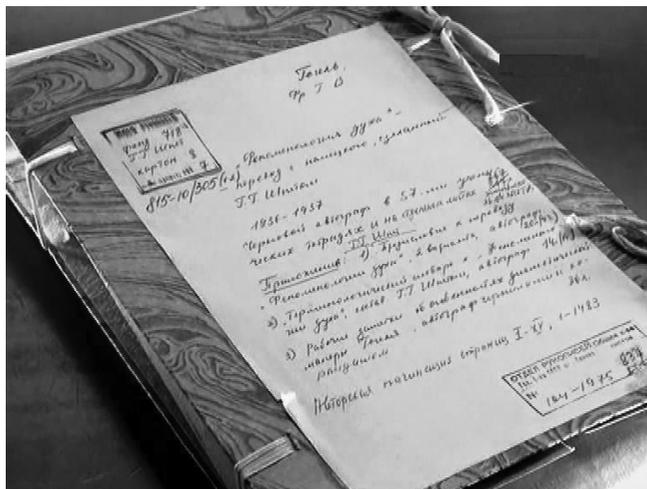
...нечто несусветное! – Последняя фотография Шпета, 3×2 см.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 17–18 мая 1936

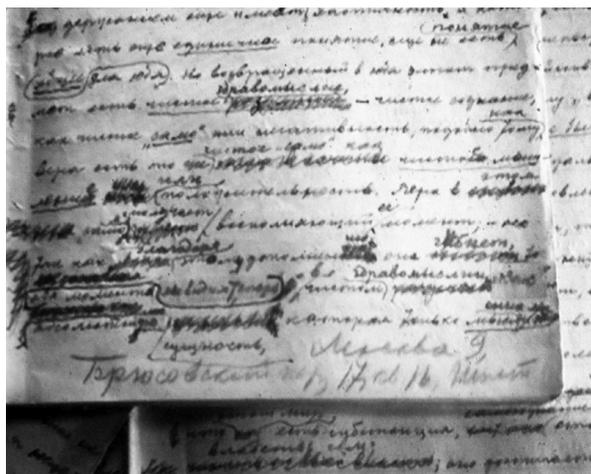
Золотая моя, только порадовался вчера за тепло, как сегодня опять холод; только вчера Елизавета Николаевна уложила с нафталином шапку, а сегодня пришлось вытаскивать её, даже

зелёные <нрзб> разыскали, и я сижу в них! При таких условиях не успеешь за лето и отогреться! ...Да, перед домом снега нет, а во дворе кололи лёд – толщиной местами в поларшина.

...Если ты ещё не убедилась, что тебе (как старались и мне) нагали, и что на самом деле пересмотр был, и потому-то теперь нельзя подавать. Если ты не окончательно в этом убедилась, то остаётся одно – поставить М<ихаилу> Л<ьвовичу> вопрос прямо: почему сейчас нельзя подавать? Если скажет опять увёртливо – надо подождать более подходящего времени и т.п., то ответ: мы желаем обратиться не к настроению, а к законным формам, и от Вас ждём не психологических соображений, а юридических; не крутите, а скажите прямо: это безнадежно, – и мы не будем терять времени и сил; если сейчас нельзя, то когда можно, – через неделю, через год, через два или три. И опять дело не в настроении, а в юридическом осно-

вании; для нас это вопрос практический: а) как сейчас устраиваться – на месяц, на год, три или пять; б) когда ликвидировать библиотеку и пр. (сейчас же, если всё безнадежно, или подождать, если можно обернуться); с) как быть тебе самой, снаряжаться к жизни в Томске или иначе как-нибудь. А если ему нужны непременно психологические соображения, то у нас есть только одно: лучше иметь отрицательный ясный и обоснованный ответ, чем трёпка нервов откладыванием и неопределенностью. ...Это надо сделать, а затем сложить оружие; не к чему терять силы, их у нас немного, лучше лишний месяц проживём вместе. ... (Да ещё дополнительно можно вставить... раз это возможно оказалось для Саши, значит, принципиально возможно, говорите прямо, что в данном случае мешает.)

Перевод продвигается мой: Гегель понемножечку, а Шилера спешу кончить; до приезда Н<атальи> Ил<ьиничны>, во всяком случае, будет кончен. Да, исписал здесь 4 купленных (Ел<изаветой> Ник<олаевной>) тетради: бумага ужасная (видимо, забракованное – об этом было в газете, и, видимо, сбросили сюда), – только руку портит. Начал писать на присланных тобою тетрадях, и сразу лучше и приятнее, и руке легче – в них бумага лучше, чем этот листок; так что присылай тетрадней побольше, следи только, чтоб была хорошая бумага (потому что и в присланных тобой – в одних лучше, а в других – хуже). По приблизительному подсчету понадобится тетрадей 90-100 (десятикопеечных); у меня останется (после Шилера) всего штук 10.

...Моя золотая, бесценная, мне хорошо оттого, что ты любишь меня, а что будет, когда я умру, не думай, – с детьми ещё будет и дело, и горе, и утешение! ...В Когизе здесь меня уже признают, записали на карточку, обещали извещать о новых книгах. Оказывается, они берут назад прочтённые книги, если они в порядке; это хорошо, можно многое сдавать им, а не посылать обратно в Москву.

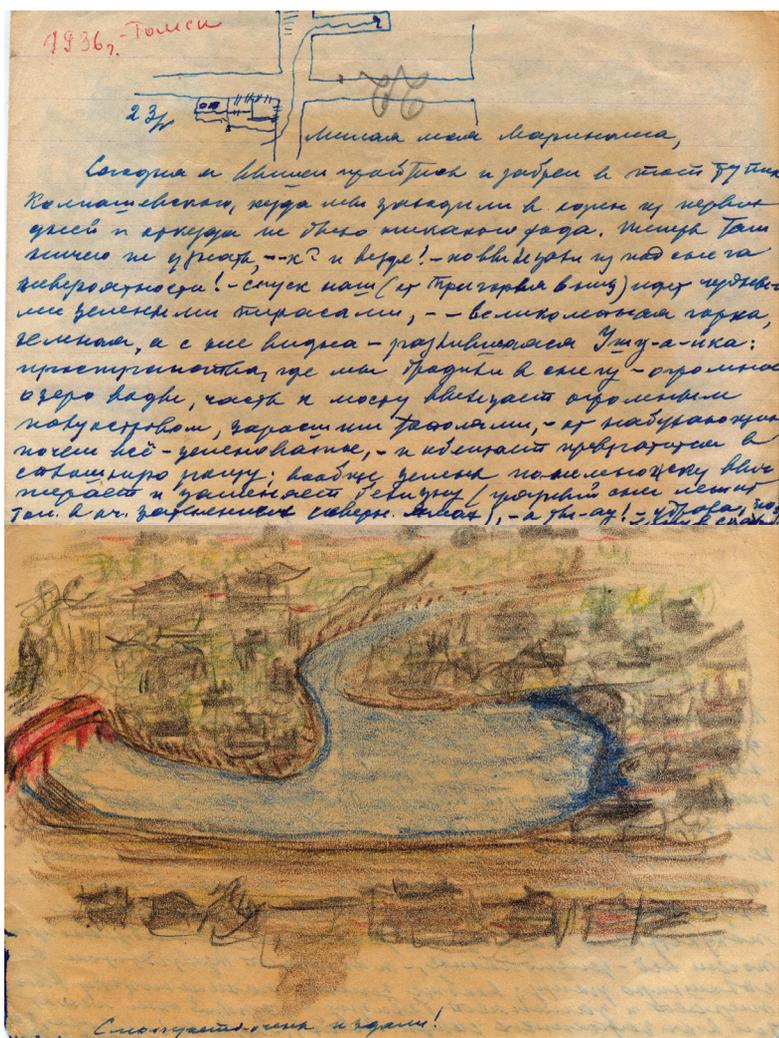
...18/V утро. Опять холод и снег, топим печь.

Михаил Львович Винавер (1880–1942) – адвокат, заместитель председателя Политического красного креста.
Саша – А.Г. Габричевский.

Г.Г. Шпет Марине 23 мая 1936

Сегодня я вышел пройтись и забрёл в тот тупик Колпашевского, куда мы заходили в один из первых дней и откуда не было никакого хода. Теперь там ничего не узнать, как и везде! – повылезали из-под снега невероятности! – спуск наш (от Пригорья вниз) идёт чудесными зелёными террасами, – великолепная горка, зелёная, а с неё видна разлившаяся Ушуй-ка: пространства, где мы бродили в снегу – огромное озеро воды, часть к мосту вылезает огромным полуостровом, заросшим тополями, – от набухающих

почек всё зеленоватое и обещает превратиться в сплошную рошу; вообще зелень понемногу выпирает и заменяет белизну (грязный снег лежит только в очень затенённых северных ямах), – а ты – ау! – удрала, покинув среди <нарисована картинка> ...Смотреть – очень издали!

Пригорье – игра слов: фамилия Пригоровских и дом на горке, где они жили (пер. Юрточный, 28).

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 28 мая 1936

Дорогая моя, у нас опять холод, но, кажется, независимо от него я что-то неважно чувствую себя: какая-то слабость, вялость и утомлённость; болеть ничего не болит, только проснулся сегодня с опухшими глазами...

...Я сам не ждал, что фотограф сделает такую маленькую головку; уверяет, что «для наклеивания» достаточно! Дело не в величине, а очень уж паршиво.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 29 мая 1936

Погода прямо убивает меня: холодно, ветер и дождь, и мрак. За май не было и пяти полностью светлых дней. Если всё лето здесь такое, то я и зимы не выдержу, подохну. Уже валерианку даже принимаю (меня забеспокоило, что рука опять изменяет: почерк гораздо хуже стал). – 1 ч. ночи. – Ну, Натуленька, днём я немножко повеселел, потому что придумал себе новое развлечение – или отвлечение: кладу твою карточку прямо на страницу, с которой перевожу (новую, где ты – в кресле...).

...Дождь хлещет, но, кажется, потеплело.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 30 мая 1936

Дорогая моя, наконец приличный день, хотя облачно, но тепло, – по этому случаю прогулялся с Ел<изаветой> Ник<олаевной> не так много, но потом какая-то слабость, не усталость, а именно слабость. Зелени всё больше, но местами, редко, всё-таки есть снег! Смотрели один из домов, который мне по положению очень понравился, – на одном окне цветут кактусы.

Г.Г. Шпет Марине

А «приобретать» без тебя и переставлять – верно, жалостно! У меня ещё с левой руки, за бюро, перед столом и креслом теперь стоит пюпитр; на табуре стоит ящ, и в нём самонужные словари, – сами в руки лезут, – а на яще, опираясь спиной на бюро – раскрытые книги; а ещё от яща и вдоль стола – крыша от яща, одним боком опирается на стол, а другим – в бюро, – чудно и, главное, гениально!

В уютных местах ещё порядком снегу, – можно бегать компот студить.

М.Г. Шторх

На смену Елизавете Николаевне приехали Маргарита и Наталья Ильинична.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 2 июня 1936

Проводил Ел<изавету> Н<иколаевну> и только к 2-м были дома; после обеда занимался, а после ужина все трое прошли к Томи, – вода ещё полная и красиво. Хозяйка и дети уже скучают по Ел<изавете> Ник<олаевне>; хозяйка хочет покупать корову и попросила деньги за ту комнату за всё лето вперед.

Г.Г. Шпет

Наталии Константиновне

3 июня 1936

Маринашу поблагодари за тетрадки; все, кроме одной, хороши (эта одна – за 10 коп., а те – по 15), – писать на них вполне можно. ...Брюки удлинить всё-таки нужно; пока Марго удлиняет рукава пиджака (ни жилета, ни пояса нет).

...А чувствовать себя стал немного лучше; думаю, что погода играла огромную роль.

Сергей Шпет и Маргарита Поливанова

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 4 июня 1936

Золотая моя Натуленька, сегодняшней день как-то незаметно исчез, я даже не выходил, потому что холодно и препротивный ветер; Марго подхватила насморк.

...По поводу поступления в университет Марины Марго высказала правильную мысль: ввиду новых правил приёма конкурс в этом году будет особенно трудный и конкурентами выступят лица, отлично подготовленные; Томск в этом отношении был бы лучше.

...в университет ~ конкурс в этом году... – По положению от 1936 все абитуриенты сдавали экзамены по русскому языку письменно, грамматике, литературе, политграмоте, математике, физике, химии (с 1937 ещё и по английскому, немецкому или французскому языку), дополнительно в сельскохозяйственных и экономических вузах – по географии, в гуманитарных – по географии и истории, в строительных и художественных – по рисованию и черчению; отличники принимались без экзаменов.

Г.Г. Шнел Наталии Константиновне 5 июня 1936

Дорогая моя, день совсем плохой: письма нет, погода – холод (выходил в осеннем пальто) и дождь, и с утра – голова (бывало хуже, но не бывало так долго; отошёл только к 8 часам, после 4 порошков, сердечных капель и горчишника!). Марго столкнулась с Мишей; он расстроил её (Верочкой); жалкий.

Верочка – Вера Николаевна Дружинина (1902–?) – переводчица; по делу о «фашизированном» словаре получила 5 лет лагерей.

М.Г. Шторх

Однажды в Томске произошла тяжёлая для Маргариты встреча с М.А. Петровским. Последние годы в Москве Маргарита и её муж, Кот Поливанов, сблизилась с Петровским и Верой Дружининой, ученицей Петровского по институту слова им. В. Брюсова. Дружинина тоже была арестована, но несколько позже Петровского, отца и других. Так вот, в ту памятную прогулку по городу папа и Наталья Ильинична ушли немного вперёд, а шедший навстречу Михаил Александрович остановил Маргариту словами: «Вы можете со мной не поздороваться, не подать мне руки, но Вы не можете не ответить, что с Верой». Маргарита остановилась; они долго стояли на ветру, курили, и Маргарита рассказала, что знала о Вере, которая была отправлена в лагерь (кстати, таким образом, сохранив себе «хотя и горькую» жизнь) где-то на севере европейской части Союза.

К этому времени папа уже встречал Петровского. Где и когда были или была эта встреча, я не помню, но произошло это после моего и маминого отъезда из Томска.

Наталья Ильинична была человеком деятельным и активным. ...По совету прокурора она предложила Петровскому написать заявление о том, что он отказывается от своих показаний во время следствия. Петровский согласился это сделать, но это не понадобилось.

...институту слова им. В. Брюсова. – Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова (Москва, 1921–1925).

Г.Г. Шнел Наталии Константиновне 6 июня 1936

Холодно. Холодно на дворе, – и это меня гнетёт и гнетёт; холодно – и от твоих писем... Немножко Наталия Ильинична меня раздражает, но в юмористическую сторону. Ей, конечно, надо блеснуть, особенно после Елизаветы Николаевны, которой хозяйство я хвалил, и вот пошли утки, куры, провансали, что мне вовсе не нужно. ...Сама с едой фокусничает: супу не ест; компот «можно есть» только, если он приготовлен «почти без жидкости» (одни фрукты – отвратительное месиво); салат «должен быть» без сметаны и яиц, один уксус и прованское масло, потому что «у нас» всегда так едят; тарелки ко всякой еде надо менять, потому что «у нас» даже в голодные годы, когда нечего было есть, меняли тарелки!!!... Но это, конечно, пустяки всё.

...К вечеру было на душе ещё хуже, чем днём; такая погода меня уморит; при свете и закрытых ставнях только немного забываешь о ней. Купил баночку лекарства, которое будто бы помогает при утомлении, артериосклерозе и т.п., называется «Спермокрин», но при ней нет обычных указаний, как и когда принимать, а потому – покупка бесполезная.

Н.И. Игнатова

...Наконец, начали проверять Шиллера; я вовлѣк и Марго, – она шьѣт, но слушает и вставляет свои замечания.

Т. 1 переписки Гѣте и Шиллера вышел в издательстве «Academia» в 1937, но переводчиками указаны А.Н. Горнфельд и И.Г. Смидович. Т. 2 не печатался.

Извлечения из писем *Ф. Шиллера* к *И.В. Гѣте*

Фридрих Шиллер

Она <философия> способна только расчленивать то, что ей дано; но давать – дело не аналитика, а гения, который под неосознанным, но безошибочным воздействием чистого разума объединяет явления согласно объективным законам.

Для философствования достаточно половины человека, а другая половина может отдыхать; музы же высасывают целиком.

...только строгая определённая мысль ведѣт к лёгкости. ...

...философия всегда смешна, когда, не сознавая в своей зависимости от опыта, пытается своими средствами расширить знание и предписывать мирозданию законы.

...только философия способна обезвредить философствование; без неё оно неизбежно приводит к мистицизму.

Простая истина, извлечѣнная из самой глубины, есть цель эпического поэта: он рисует нам лишь спокойное бытие и действие вещей, согласно их природе; его конечная цель заключена уже в каждой точке его движения...

...истинно прекрасное и совершенное в искусстве необходимо улучшает человека...

Поэтическим натурам, а, пожалуй, и вообще человеческим душам, свойственна потребность терпеть вокруг себя как можно меньше пустоты, усваивать ощущением возможно больше из окружающего мира, отыскивать глубь всех явлений и везде требовать цельности человеческого существа.

...только душа решает, значит ли для неё что-нибудь известный предмет; и, таким образом, пустое и содержательное, по-моему, заключаются больше в субъекте, чем в объекте.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 11 июня 1936

А по поводу того, что «нельзя заваливать», нужно было указать, что весь «завал» – Гегеля, на аванс по которому я должен прожить год, а это невозможно.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 15 июня 1936

Сегодня с утра очень болела голова, ставил горчишник. Холодно и дождь, так что не гулял. В первый раз здесь был чудный закат.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 17 июня 1936

Поступление Марины на этнографический – глупость; она не знает, что такое этнография (вроде как у Сережи появилась археология!); тут нужна хорошая лингвистическая подготовка и по истории материальной культуры, по фольклору, – откуда ей взять? Нужно быть готовой в любой момент изучить новый язык – народа, которым занимаешься. Глупая выдумка невежественного человека.

Н.И. Карташов

...А в Томске хуже, чем на даче, потому что «за город» – далеко. Съехать отсюда едва ли удастся, потому что найти сдаваемую комнату почти невозможно...

...Николай Иванович в больнице; ему предстоит операция; но говорить об Марине всё равно с ним не к чему: он не в университете, а в Транспортном институте. Впрочем, если бы он был и в университете, разговор бесполезный; экзамены назначаются на определённые дни, и никто не станет собирать экзаменационных комиссий из-за Марины, в какие-то ей удобные сроки!

Николай Иванович – Карташов.

С.В. Виленчик. Воспоминания о Г.Г. Шпете

Однажды Густав Густавович повёл нас на гору на Колпашевском переулке смотреть полное солнечное затмение, произошедшее в 1936 г. У него были тёмные стекла, и он объяснил нам, как надо наблюдать.

Солнечное затмение было 19 июня 1936; полоса шла по СССР, и кто-то назвал это «большим советским затмением».

Г.Г. Шпет Маргарите 25 июня 1936

Славная моя дочечка, моя перламутровая Маргариточка! Долго, долго видел я твою руку, когда выражение лица уже мог только представлять, – и было грустно, потому что я представлял себе его невесёлым... Потом побрёл... Но всё-таки утешал себя: может быть, хорошо, что ты не одна, может быть Н<аталья> И<льинична> тебя развлечёт.

Г.Г. Шпет Маргарите 27 июня – 6 июля 1936

Моя чудная Маргариточка, получил твою открытку: всё ещё Тайга! 26-го 12 ч. – значит, сутки!.. И ни с места... А как бы хорошо мы с тобою провели эти сутки, 2, 3 дня, – мысли пленной раздражение, а не уходит эта мысль... А я сижу за Гегелем; погода хорошая, но как-то нет охоты итти гулять: боюсь, что будет только грустнее.

...У меня всё по-старому. Н<аталья> И<льинична> дала какие-то «инструкции» Симмену – опять «тайное» облагодетельствование!.. – и получается чепуха: она горда исполнительностью, а мне это не нужно, да и дорого обходится... Какой-то «Госплан» относительно меня вручён и Подгорянам, так что и от них мне покоя нет, – ни утром, ни к ночи! Для назидательности не скрывай этого от Н<атальи> И<льиничны>, а также сообщи и моё обобщение: тайные благодеяния суть злодеяния!

...30/VI. ...Недалеко (на Тверской) – огромный пожар, выгорело пять усадеб; некоторые пожарные части прибыли только к финалу, их толпа встретила свистками и улюлюканьем, – впрочем, может быть, они приняли это за выражение восторга, – посмотрим, что будет сказано в газете. – Жара бешеная.

...Наши нормально приехали 2-го.

...мысли пленной раздражение... – надо: «пленной мысли раздраженье», – из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

Симмен – Сима Минеевна Виленчик.

Подгоряне – Пригоровские.

Наши – Наталия Константиновна и Сергей.

С.В. Виленчик. Воспоминания о Г.Г. Шпете

У моих родителей была собственная трёхкомнатная квартира – нижний этаж деревянного 2-этажного дома, без современных удобств (отопление печное). Когда Наталья Константиновна приехала с сыном Серёжей (он кончил или кончал 10-ый класс), мои родители предоставили им свою комнату.

Томск. Пер. Рузского (быв. Колпашевский), 9. Последние два окна – комната Г.Г. Шпета

Н.К. Шпет Марине

9 июля 1936

Очень мила со мной Сара, ухаживает и помогает, а Мери или сидит, сложа руки, или стоит, сложа руки... Сегодня с трудом нашла на базаре ведро картошки, взяли его пополам с Сим<ой> Мин<еевной>. Я три дня за ней гонялась.

13 июля 1936

Здесь всё тихо, новости тоже тихие: вчера Серёжа с папой ездили на лодке, но уже без меня; первый раз были у Пригородовских, они милы и любезны, но скучны и однообразны. ...Папа всё такой же милый и нежный. Он очень боится зимнего холода, и мне его жалко. Хотим поговорить с Мандатом, если у него тепло зимой, надо будет переехать к нему. Он уезжает в октябре.

...С Симой Минеевной трудновато и скучновато вести хозяйство, её скупость приводит в отчаяние. Самовар совсем протёк и стоит по три часа под трубой, хозяин позволил нести его чинить, а она всё не может решиться. Дров в печь кладёт столько, что чёрная каша в печке разбухла и осталась несваренной, – больше кило крупы пришлось выбросить, и на обед ничего нет. Такое хозяйство нудно и действует раздражающе. Поболтать с ней можно, а дело иметь неприятно. Я раза два поговорила с ним, и теперь я его сторонница, у него больше человеческих чувств, чем у неё, и их он всех любит, и кроме того весел и старается острить – иногда очень неплохо выходит. ...В лечебницу хожу через день и так, верно, всё лето будет. Кончится спина, буду руки лечить...

Томск. Базар и деревянный мост через Ушайку

21 июля 1936

Вчера на лодке объехали остров, там за заливчиком нас сильно понесло, трудно было возвращаться.

...с *Мандатом* ~ в октябре. – Имеется в виду Н.Р. Эрдман, называемый так по его пьесе «Мандат». Уехал вскоре после 1 ноября.

...чёрная каша... – гречневая.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 12–21 июля 1936

Некогда – (однако не в до-историческую эпоху моего бытия, а именно в историческую; теперешняя – условимся так – по-историческая) – меня определяли события, я же на них влиять не умел; теперь я не приобрёл власти над ними, но они сами удалились от меня, и я – как бы созерцатель их с отдалённой дистанции, – они *как* погода, *как* природа, которую «наблюдают», разучаясь чувствовать и понимать... – Зато настоящая, реальная природная *погода* теперь меня определяет полностью.

Итак, погода – плохая. Было несколько светлых дней; дня три – жары, впрочем, не дошедшей до степени разложения, и вот – хмуро, холодно, уныло, монотонно, скучно, безрадостно, безнадежно.

...21/VII –

...Из ГИХЛа, увы, увы, денег нет; должно быть, раскаивается, что в июне рано выслал.

...Погода чуть лучше.

Г.Г. Шпет Леноре 26 июля 1936

Очень бывает тоскливо, когда от любимых не получаешь вестей! После каждого письма такой человек представляется конкретным, и кажется, как будто отделяющее от него расстояние сократилось. Но почему же ты ни слова не пишешь мне о главном у тебя событии, или вернее, о твоём новом состоянии, которое у нас почему-то называется «положением»?..

...Внешне моя жизнь протекает очень похоже на то, что ты видела, только вместо свободно выбираемой книжки я сижу над «обязательной»: над Гегелем. Я хочу кончить перевод к январю (хотя срок – апрель), впрочем, после перевода надо ещё всё перечитать и проредактировать: работа очень ответственная, – не внешне только, а по существу; и потому сижу много. Процессом работы доволен. Всколыхнулось, конечно, своё «исконное», – что само по себе и приятно, но имеет и огорчительную сторону (о последнем стараюсь не думать).

Томск летом значительно богаче природою, чем Енисейск, но зато енисейское полностью впитывалось, а здешнее – далеко, где-то «вокруг», доходит только кусочками. Приезд Серёжи, впрочем, способствовал приближению ко мне здешней природы благодаря тому, что мы с ним очень часто, почти через день, катаемся на лодке. Жары, которая тебя так мучает, у нас нет; было несколько жарких, но вполне выносимых дней, а к вечеру всегда прохладно. Весна была паршивая, а прохладные ветерки – даже днём – напоминают уже об осени; согреться я так и не успел и о бесконечной здешней (с ветрами) зиме думаю не без жути, особенно если и с отоплением будут такие же фокусы, как в прошлом году.

...От «ячменей» здесь я вылечил бы тебя в один день; тот самый доктор, который лечил меня (и помог, как ты можешь судить хотя бы по моему почерку), изгоняет такие «ячмени» мгновенно.

Доктор – Х.И. Протопопов.

Н.К. Шнет Марине 29 июля 1936

Послезавтра к нам Мандат придёт, я очень рада, хочу ещё доктора позвать, он очень жизнерадостный и весёлый, что папе полезно. С Мандатом сегодня при встрече говорил о работе в театре.

Г.Г. Шнет Маргарите 2 августа 1936

...хорошая погода преобладает, и мы с Серёжей почти через день катаемся на лодке, а в остальные дни, если нет дождя, гуляем (открыли одно изумительное место, – вот, там бы жить!)...
...Зиму готовлюсь быть один... О детках ты мне мало написала; пиши всякие их изречения, я хочу им составить сказочку и повставлять.

Н.К. Шнет Марине 10 августа 1936

Вчера ходили гулять к обрыву на Томи – очень там хорошо, жаль, что так далеко, три часа проходили.

... Н<аталье> Ил<льничне> поручено срочно начать дело с деньгами «Academia», и до сих пор ни звука; папа напоминать не хочет и очень раздражается. При тебе поручила Норе, в день отъезда, позвонить в бухгалтерию «Соцэкгиза» и спросить, переведён ли аванс за Гегеля – ни слова, верно, забыла.

«Соцэкгиз» – Социально-экономическое государственное издательство.

Г.Г. Шнет Марине 11 августа 1936

Моя милая – долженствующая сожалеть, что не осталась со мною на лето (ни разу не достигавшее не то, что 36°-го, но даже 30°-го расплавления человеческих тел и разжижения в названных телах заключённых мозгов: товара, дефицитного на всех рынках, недоступного даже, как об этом свидетельствуют газеты, самым энтузиастическим спекулянтам) и не вкусила от плодов сибирского воздухотворения, – Маринаша! (Переведи это простое обращение отца к дочери на хитрую английскую «мову»!.. Попробуй!)

Итак, я давно собираюсь написать тебе умное, содержательное, трогательное, прикиновенное, необыкновенное письмо...

...Живу, слава Богу, так, что один день похож на другой, – и если бы я тебе начал описывать их, – дни, – ты, наверное, скоро меня остановила бы и сказала: «Довольно, сама знаю», – после чего я растерялся бы и замолчал, а тут ставлю.

О своих делах, проделках, сделках и подделках ты мне так мало пишешь, что мне остаётся только догадываться. Ну, хорошо, я догадался, – что же из этого? Всё равно, пока ты сама не напишешь, я должен притворяться, что ничего не знаю и не понимаю.

...А теперь дело:

1) Свинство, – я просил 3 тома Hegels Geschichte der Philosophie, а ты прислала только один, – и отыгрываешься на том, что он – 3-ий! Итого, пришли ещё 1-ый и 2-ой, ибо они мне нужд(«д» – евфоническое: чтоб не было похоже на то... место!) нее 3-го!

...Hegels Geschichte der Philosophie... – «История философии» Гегеля (нем.).

Г.Г. Шнет Сергею 12 августа 1936

Мой дорогой Серёженька, вернулся я домой, – и как скучно без тебя!.. Опять пусто около меня: никто не кокочет, не постукивает за стеною молоточком, некому прийти за книжкой или с диктантом – распутывать перепутавшиеся «не» и «ни»... Опустело в доме, а ещё пустее представляется вне дома, – с кем же совершить хорошую прогулку и поболтать по дороге о

разных мелочах, а подчас – и не-мелочах? А уж Томь – моя Томь – совсем уплыла и плещется где-нибудь в Оби!..

...Когда ты был ещё маленьким, я мечтал о возможности между нами таких отношений, которые были бы отношениями полного взаимного доверия и искренней дружественности. Когда я видел соответствующие примеры, мне всегда казалось, что дружеские отношения сына с отцом – одни из самых красивых, самых честных форм человеческого интимного отношения. Эти полтора года, разорвавшие нас, мне очень помешали: они пришлось

Томск. Обрыв в Лагерном саду

на время твоего интенсивного физического и духовного роста; какие-то промежутки твоего развития для меня пропадают, я вижу только результаты. И вот, мне кажется, что это до известной степени мешает. А виделись мы так мало, что только, только начали подходить ближе друг к другу, как опять надолго расстались...

...Твои пюпитры, лампочка, степсель, — всё так живо говорит о тебе, что кажется, ты здесь и вот, вот, войдёшь – «ко-ко!» – что ты только на минутку вышел из дома...

Пригор, оказывается, ходил на Басандайку; в рюкзаке у него был котелок, щепки, хлеб и пр., – не было только воды и перцовки, – вернулся часов в 8; от обрыва, где мы были (от палаток), до Басандайки всего 2,5–3 километра, и овраг, перед которым мы видели в бинокль кучку (дальнюю) людей, был устьем Басандайки!

Пригор – Г.М. Пригоровский.

Вид на Томь из Лагерного сада (крестиком отмечено устье Басандайки)

***Г.Г. Шнет* Леноре 16 августа 1936**

У нас солнышко уже усталое, и по утрам прохладно.

***Г.Г. Шнет* Н.И. Игнатовой 19 августа 1936**

Принимаются в подарок карманные электрические фонарики: дни – короче, а без света (карманного) по здешним тротуарам ходить не полагается.

Н.Р. Эрдман

Н.К. Шпет Сергею

Сегодня 25-е, и папа виделся с Мандатом, придёт к нам первый раз без тебя. Он передал папе пьесу, которую сейчас ставят, и просил просмотреть там несколько фраз на итальянском и не столько перевести их, сколько сказать, как они произносятся. Папа одну там сразу же и нашёл, но она оказалась по-французски!!, но дома он нашёл и по-итальянски. Занятно будет, если надо будет учить актёра произносить, я предлагаю папе научить их по-французски, а он по-итальянски. Потом Мандат ещё сказал, что их режиссёр, который будет ставить «Отелло», жаждет с папой поговорить и всё обсудить. Послезавтра об всём условятся, когда и где встретиться. Вот бы хорошо папе занять место в театре постоянное, того гляди и комнату бы дали.

Режиссёр – Николай Александрович Шевелёв (1891–?).

...папе занять место в театре постоянное... – надежда на то, чтобы после отъезда Н.Р. Эрдмана занять его место заведующего литературной частью.

Г.Г. Шпет Сергею 28 августа 1936

У меня всё по-старому; погода шалит: то рыдают облака, то небо улыбается... Про Томь только вспоминаю... вместе с тоскою по тебе!

Н.К. Шпет Сергею

30 августа 1936

Вечер провели у Мандата, было очень мило и даже весело. Был один из здешних режиссёров и девица, которую ты видел, когда мы ходили в ресторан. Она пришла позднее, и Мандат просил меня зажечь примус, сделать яичницу с колбасой и быть хозяйкой. Режиссёр рассказывал, как собираются ставить «Отелло», говорил с увлечением, с огромным вниманием слушал папу и смотрел на него с таким почтением и уважением, что я пожалела, что тебя не было. Теперь он зайдёт к нам и будет читать весь свой план. Под конец сказал, что он и его товарищи по работе мечтают затянуть папу в театр и хорошо бы на место Мандата, когда тот уедет. На службу папа к ним не пойдёт, а консультантом, если можно, может быть. Помни, что обо всём этом не надо рассказывать...

31 августа 1936

Знаешь, я начала привыкать к Томску. Нравится и тишина здешняя и люди. Мясоедов, профессор здешний, очень хочет познакомиться с папой, очевидно на днях это состоится. Он получает за свои лекции тысячу восемьсот рублей.

Сергей Владимирович *Мясоедов* (1889–1937) – заведующий кафедрой гистологии медицинского института; расстрелян. Занимался философией биологии.

С.В. Мясоедов

Г.Г. Шпет Сергею 9 сентября 1936

Дорогой мой Серёженька, после наших бесед я твёрдо был уверен, что ты хорошо сдашь переэкзаменовки... И почему ты остального не сдавал?

...Сдать же тебе экстернат в 37 г. нужно обязательно, чтобы тотчас же попасть в ВУЗ, – иначе, по новому закону о военной службе, в 1938 году тебя в ВУЗ уже не примут.

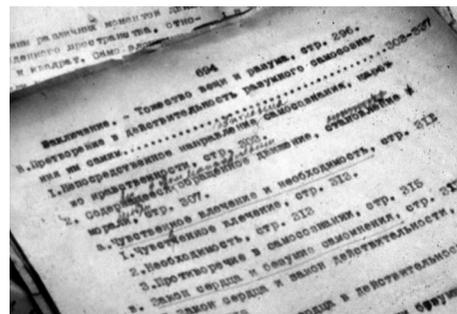
...по новому закону ~ в ВУЗ уже не примут. – В 1936 призывной возраст на военную службу был снижен с 21 года до 19.

Г.Г. Шпет Маргарите 13 сентября 1936

Н<аталья> К<онстантиновна> едет через недельку; удастся ли ей приехать зимою, ещё не знаем. Октябрь я, во всяком случае, остаюсь один, а там – виднее будет.

М.Г. Шторх

Это был период очень напряжённой работы над переводом Гегеля. Почта в те далёкие годы работала совсем не так, как теперь, и её услугами можно было пользоваться для дела. Письма шли обычно дней 5, редко 6... Небольшими порциями отец заказными письмами пересылал в Москву свои переводы, мама или я перепечатывали их на машинке и один экземпляр отправляли обратно в Томск. Папа исправлял ошибки, кое-что переделывал и вновь отправлял эти листы в Москву, а мы уже вносили поправки во все экземпляры. Не было ни одного случая пропажи рукописей. Письма этого периода были тоже полны всяких указаний, исправленных опечаток, переделок. ...Однажды я получила от папы такую записочку:

Мари

наша!

№ 17! И Л Ь И Н, но не главноуполномоченный по планете, а другой:

И.А.

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ, тт. I и II.

Целую!

Па.

Как известно, Ильин был одним из псевдонимов Ленина, а № 17 означает порядковый номер книжного шкафа в московском кабинете.

Иван Александрович Ильин (1883–1954) – философ, публицист; автор книги «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (2 т.; 1918).

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 29 сентября 1936

За Баратынского очень, очень благодарю. Трудно передать, как он мне по душе. ...Мой план до весны 1940 г. – наслаждаться томской природой! ...Обедаю у Пригоровских; и хочу побыть один. Гоню Гегеля, чтоб кончить в декабре. ...Да, электрофонаря, для которого нужно заводить точку, понятно, не присылайте; ну-жен маленький, чтобы осенью при случае не окунуться в томское благоустройство.

Евгений Абрамович *Баратынский* (Боратынский; 1800–1844) – поэт.

Г.Г. Шпет Сергею 8 октября 1936

Ты как будто нарочно создаёшь самому себе препятствия и выбираешь самый трудный путь там, где есть более лёгкие! Скачки с препятствиями, может быть, и веселей, чем бег по ровному месту, но не каждая лошадь может скакать, да и та ещё подлежит суровой тренировке. ...а ты – из воска: что бы ни надавило, на тебе отпечаток! Не учитываешь ты и моё положение.

Обеспечить тебя настоящими учителями я не могу; теперешнего моего заработка едва хватает на прожитьё (да и то он гарантирован ненадолго), приходится прибегать к сдаче комнат, предстоит продажа почти всей библиотеки, надо ликвидировать квартиру и т.д.

...Есть ещё много соображений высшего характера: предстоящая воинская провинность, общие суровые требования, предъявляемые к каждому работнику в нашей стране, и т.д., и т.п., но всего в письме не перескажешь. Грустные перспективы всего твоего будущего, – это не «сердит», а глубоко, глубоко, – как крушение своих собственных планов и надежд, – огорчает и расстраивает.

...Я живу по-прежнему: сижу над Гегелем. Обеды у Пригов внесли мало разнообразия в мою жизнь. Вспоминаю наши летние прогулки и лодку, всё-таки мало я побыл с тобою – приехали вы поздно, а уехал ты рано.

...До вчерашнего дня было очень хорошо: тепло и солнце. Вчера погода изменилась, а сегодня и совсем холодно, надо надевать осеннее пальто.

...сижу над Гегелем. – 25 сентября 1936 «Соцэкиз» расторг договор без уведомления переводчика, и Шпет ещё около года работал над «Феноменологией духа».

Приги – Пригоровские.

Г.Г. Шпет Леноре 11 октября 1936

Золотая моя Норочка... приближается зима, и я вспоминаю, как в это время уже начал ждать тебя в Енисейск, а там – «веют», как изумительно сказал Баратынский, «возвратные впечатления» от нашей тихой, уютной и, с твоей стороны, такой нежной жизни...

Одиночество моё оказалось, – пока, по крайней мере, – далеко не столь угнетающим для меня, как можно было думать. А что касается внешних неудобств, то я так же в полной мере их ещё не испытал, пока не наступили настоящие холода. ...Конечно, большое значение имеет, что у меня есть работа, которая определяет сроки и заполняет время; хотя иной раз я и жалею, что у меня нет полного досуга для какого-нибудь ещё «Эноха» или для собственных измышлений. Но в том-то и есть движущая сила духа, что он хочет одновременно быть и дисциплинированно занятым, и свободным... Как видишь, я сам впадаю в «стиль» Гегеля, что, впрочем, и не плохо.

Е.А. Баратынский

Е. А. Баратынский

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

Г.Г. Шпет Маргарите 14 октября 1936

...комната изменилась. Ширмы нет ни одной; я – по самой середине комнаты под лампой; рояль направо от меня, ящики с книгами убраны, и на их месте обеденный столик...

...рояль... – бюро с «пюпитром» под книгу.

Г.Г. Шпет Марине 20–27 октября 1936

Каждый теперь денёк всё чаще заставляет вспоминать тебя: пока эти воспоминания больше вяжутся с воспоминаниями о Енисейске, но я предчувствую, первый снежок, – хотя мы довольно видели его и в Енисейске, – перенесёт с собою и тебя сюда ко мне... Порою даже странно, как же наступит зима, а я без моей Марины: никто не будет входить сюда в пимах, краснощёкий, морозный; некому будет сказать: «Ну, раздевайся скорее!» – никто не будет на полу расставлять посуду, угощать новым сортом копчёной рыбы, приносить подарочки, а вечером – по всем направлениям измерять длину комнаты длиной собственного тела, – словом, будет всё то – не то!..

Г.Г. Шпет Сергею 21 ноября 1936

Ты очень самолюбив, чувствителен и пылок, – под влиянием этих душевных движений готов порвать с нами и уйти, но также по существу – мягок, нежен (по-мужски, конечно, не по-бабьи), привязчив и достаточно чуток, чтобы распознать подлинную исключительную любовь к тебе всей семьи (всей, то есть включая Нору и Марго, в нежно-любовном отношении которых к тебе я убедился из разговоров с ними), – порвать, значит много потерять, а приобрести?..

Сергей Шпет

...Мне не ясно, что значит «внешний» разрыв с семьёй; по-моему, может быть только внутренний, – и это – единственно существенное; ибо если внутренний налицо, то не всё ли равно, продолжает человек жить с семьёй под одной кровлей или уходит? Поэтому может быть только выраженный или невыраженный разрыв, а по существу он – внутренний. С другой стороны, «внешний» в смысле «ухода», как я уже намекнул, не есть «разрыв», то есть разрушение, а может быть естественным ростом той же семьи. Если хочешь, например, Нора и Марго стали со мною ближе, когда обзавелись собственными семьями.

...Против мысли Маяковского: «Где, когда» и т.д. не стоило бы возражать, поскольку это «стихи», то есть вроде поэзии; но так как Маяковский в гораздо большей степени моралист, чем поэт, то возражать можно было бы, и даже очень. И дело не в том, что Маяковский фактически неправ, а дело – в соображениях другого рода. Одно – психологическое. Оно иллюстрируется анекдотом из древнего мира. Какой-то гражданин с восторгом читал на монументе, воздвигнутом в честь какого-то божества, имена моряков, молившихся этому божеству о спасении от кораблекрушения и им спасённых. Другой гражданин по этому поводу заметил, что если бы был воздвигнут такой же монумент от молившихся и не спасённых, там имён было бы больше. Счёл ли Маяковский тех, которые выбрали путь не «протоптаный» и оказались не «великими», а ничтожными? А сам Маяковский? В своём сознании, по крайней мере, он шёл путём не «протоптаным», – но сделал ли его именно его путь (в особенности до революции) «великим»? Нет, – он был только смешон в своей пресловутой «жёлтой куртке». А когда он, наконец, нашёл свой настоящий путь (в революции), он оказался надломлен и нежизнеспосо-

бен, – подвернувшаяся девчонка – только повод, а не причина его выстрела себе в грудь. Второе соображение – логическое. Тут, прежде всего, круг: путь «великого» – всегда путь «непротоптанный», и причина – в «великости» человека, а не в пути, поэтому нет обратного движения в этом круге: великие идут непротоптанным путём, но это не значит, что те велики, которые ходят непротоптанными путями! Так, все Иваны – люди, но это не значит, что все люди – Иваны. Третье соображение – принципиальное. Хотим мы или нет, но до поры до времени мы всё идём путем протоптанным: от груди матери и до... вот, до какого момента? Давно замечено, что легче всего сокрушаются всякие теории, школы и академии людьми в 15 лет, когда голое «не» кажется самым убедительным аргументом, ибо до сих пор всё встречалось бессознательное «да». Но и «не» – не есть ещё сознание, а только проблеск его; и оно легко произносится, потому что кажется разрушительным, а ни умения, ни обязательства строить у 15-летних нет. С каждым годом затем это «не» произносится всё с большим трудом, но труднее всего его произнести, когда школа, академия пройдены. Вот тут только подлинно великие произносят свое «не» и начинают свой непротоптанный путь.

...Вот не думал, что математика тебе не по душе, а мне она нравится своей пустотой: вроде как подумал («вроде»), потому что настоящей содержательной мысли в ней нет), сообразил, и теория, да и вся наука эта – в кармане!

...О поэтах ещё поговорим. Не пойму только, – чем пленил тебя Минский? Ведь это так: вроде – сукно, а вроде – кочма... Блок пройдёт, кроме каких-нибудь 5-10 стихотворений, которые останутся. А из Шершеневича, увы, ничего не вышло.

Ну, надо кончать; у меня уже около 4-х часов, – а у тебя около 12!

...*Маяковского: «Где, когда»*... – Имеется в виду фраза из стихотворения В.В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926): «...где, / когда / какой великий выбирал / путь, / чтобы протоптанной / и легче?»

...*пресловутой «жёлтой куртке»*. – В 1913–1914 В.В. Маяковский эпатажировал публику своей женской жёлтой кофтой.

Николай Максимович *Минский* (Виленкин; 1855–1937) – писатель.

Вадим Габриэлевич *Шершеневич* (1893–1942) – писатель.

Г.Г. Шпет Марине 27 ноября – 1 декабря 1936

Ты попала, можно сказать, в самую середину диалектической сети: «житейская мудрость – собственный опыт!» ...И просто, конкретно, по-обывательски, какая юность не задавала старости своего вопроса: а вы не делали тех же глупостей? Хотя ответ: «делали» – ровно ничего не значит; а «не делали» – значит только, что и судить не можете, раз не делали!.. И т.д. И всё это – правда. Но ложь, будто «глупости» делаются для приобретения опыта и будто эта мнимая цель их может оправдать; и такая же ложь, будто сделанная «глупость» лишила человека чего-то такого, без чего он и жить дальше не может, и будто она навеки в чём-то связала его и какие-то пути ему заказала.

Вот почему, Маринаша моя, и твои слова: «Даже жить не хочется и кажется всё не то бессмыслицей, не то игрушкой», – тоже ложь! Не ложь, к сожалению, то душевное состояние взбаламученности и «самоедства», которое вызывает такие мысли и слова, но ложь – содержание и смысл этих мыслей и слов. Так как именно это душевное состояние окрашивает и своей краской густо покрывает все мысли и смысла, то трудно об этом говорить, – чтобы не получилось голое «рассуждение», – иначе, как взявшись за руки и заглядывая в лицо, потому что взгляд тут часто весит больше всей Британской энци-

Марина Шпет

клопедии, а пожатие руки говорит больше, чем могли сказать до сих пор все моралисты всего света, начиная от Фалеса и Пифагора до наших сложных дней!

...Ну, так вот, – прямо к центру вопроса: «бессмыслицей или игрушкой» нам кажется «всё», пока мы в этом «всём» не нашли своего места. Прежде всего – ложь, будто в этом всеобъемлющем «всём» кому-то нет места; думать, что именно для «меня» его нет, могут только натуры ничтожные, но претенциозные, не довольствующиеся скромным местом, потому что воображают, будто призваны к великому. «Место» надо искать по своим способностям, данным, склонностям, – и оно уготовано для каждого. Но чтобы найти своё место, надо знать цель и видеть путь, хотя бы его начало. И вот вторая ложь: многие воображают, будто эта цель – счастье, – почти всегда, сознательно или бессознательно, к тому же эта «цель» сжимается в комочек, в атом, так что получается даже комически, когда во всеобъемлющем «всём» звучит тонким голоском формула цели: «моё счастье!»... И так как невольно каждый чувствует, что произносит ложь, ибо, суживая на словах до атома свою цель, до «моего», он в то же время само «счастье» воображает чем-то необыкновенно огромным, – таким огромным, что если бы удалось его «объять», то это «моё», «я» растянулось бы, как если бы кто-нибудь задумал втиснуть землю в волейбольный мяч!... Но подлинная ложь – не в определении степени доступного нам счастья, а в самом определении цели. Счастье (как и наслаждение), если под ним разуместь не просто «удачу», «случай», – кои по существу не могут быть целью, – а чувство, то, каким бы ни казалось оно сложным по составу, интенсивным по силе, бесконечным по широте, поглощающим по качеству, – всё равно, оно, как и самое малое чувство, не есть самодовлеющее и самостоятельное. Оно есть только переживание, сопровождающее то, что действительно самостоятельно. ... Найди достойную цель, и счастье откроется ещё раньше, чем она будет осуществлена, – по пути к ней. Но, вот, цели-то и нет!.. Будто!.. Если это не ложь, то – самообман; а если самообман, то тут-то уже указан и источник: в «самообмане» человек не только обманывает себя, но, главное, сам обманывает, а обманывает потому, что вертится в своём «сам», как в заколдованном круге, и вырваться из него не хочет. Он поставил себя самого в центр и обводит около этого центра круг за кругом: я сам, самое моё близкое, просто моё, просто близкое, безразличное, далёкое и т.д., и т.п.! – это и есть эгоцентризм! Стоит «я» само в центре им же самим обведённых вокруг себя самого кругов и – ничего кроме себя самого не видит, — ясно, что «цели» нет, и не найти, и смысла нет ни в чём, и все пути заказаны... – одно неподвижное созерцание самого себя!

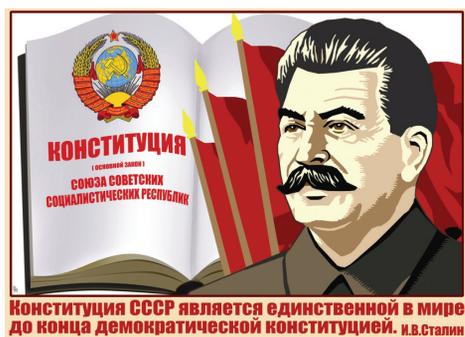
...Глядя на себя, себя и вводишь в обман; жизнь и смысл – не в тебе, а вокруг. Если заблудилась в себе, вырвись в настоящую жизнь, присмотришь вместо себя к другим, и если не сразу увидишь свою цель, то и то утешение, что узнаешь цели других, а вместе узнаешь, что и они, может быть, не сразу находили свои цели и тоже мучались этим, пока не оторвались от самосозерцания; убедись в их горестях и радостях, и ещё в том, что твоё участие в их горе – им облегчение, а участие в их радости – им увеличение радости... До чего же мы забываем, что живёт не «я», а «мы», что вне этого «мы» одно «я» – не жизнь, а пустота...

...ты оставалась возле меня в целом бодрой, жизнеспособной, деятельной помощницей и другом. ... Не рассуждениями, а на деле ты показала, что твой «эгоцентризм» – преходящее состояние, а не характер твой.

...А тут всё так же, но без тебя – не так же!

Фалес (ок. 625 – ок. 547 до н.э.) – др.-гр. философ, геометр.

Пифагор (570–490 до н.э.) – др.-гр. философ, математик.

М.Г. Шторх

Сразу после выхода в свет сталинской конституции 1936 года, из которой следовало, что ссыльные не лишаются права голоса, папа предполагал, что на период «выборов» всех их на время возьмут под арест.

...после выхода ~ конституции 1936 года... – Конституцию утвердили 5 декабря.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 17–19 декабря 1936

Как Вы учуяли, я стал поклонником «Кручёных», коему более подобает расхотиться в дыму, нежели в печати... Фонарики особенно были радостны: хотя осенняя грязь, тьма и изъязвлённые тротуары здешние давно утверждены, выбелены и цементированы основным продуктом здешней добывающей промышленности, тем не менее, они приносят мне большую пользу, – на улице тем, что составляют единственную форму электрификации, а в уборной – избавляют меня от превращения в известного гуся, который не умел коньками резать лёд (т.е. по пословице и тут оказался коню не товарищ). Запасные батареи оказались совершенно необходимы, – тем более, что из четырёх девственных только одна – действенна. ... Чаадаев – очень интересно; я меняю о нём суждение и *уже не* разделяю оценки Пушкина, что «здесь он – офицер гусарский», – не только!

...Спасибо за согревательный рефлектор... только его чинил явный вредитель или слепой поклонник шёлковых ниточек! «Однако» после моей переделки (Серёжа с лета оставил мне материал) действовал прекрасно – до заката томской электрификации! А сегодня ещё не нужно, ибо после -38° вдруг снега́, снега́, снега́, вороха снегов и «потепление».

...Темой какой-то моралистически-беллетристической болтовни где-то послужил мотив: умерший не теряет своего сознания и наблюдает истинное к себе отношение друзей. Тема трактовалась комически, ибо на деле друзей у умершего не оказалось. – Когда я развивал (на углу Гоголевской) мысль о том, что я – умерший, но не потерявший сознания, а кроме того, и способности действия и воли действовать в новой жизни, Вы не поверили второй половине этой мысли и энергически возражали против первой её половины. Ныне я прихожу к убеждению, что с этой первой половиной мысли Вы согласились окончательно, но по-прежнему не принимаете второй, и при этом обнаруживается ситуация отнюдь не комическая, а скорее драматическая.

...стал поклонником «Кручёных»... – игра слов: имеются в виду папиросы и поэт Алексей Елисеевич Кручёных (1886–1968).

...гуся ~ коньками резать лёд... – отсылка к стихам А.С. Пушкина из романа «Евгений Онегин»: «Мальчишек радостный народ / Коньками звучно режет лёд; / На красных лапках гусь тяжёлый / ... Скользит и падает...»

Чаадаев ~ офицер гусарский... – Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «К портрету Чаадаева» (1820): «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, / А здесь он – офицер гусарской». Шпет имеет в виду 2–5 и 8-е из цикла «Философических писем» (1829–1831) Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), опубликованные в 1935 в строенном томе (т. 22–24) «Литературного наследства»: с их публикацией Чаадаев предстал уже не обличителем России, согласно его 1-му «письму», а создателем собственной философской системы.

Извлечения из 2-4 и 8 «Философических писем» П. Я. Чаадаева

Вы должны создать себе собственный мир, раз тот, в котором вы живёте, стал вам чуждым.

Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо всё приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни.

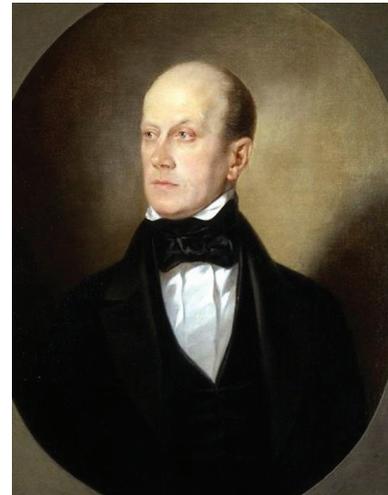
...проклятая действительность, о неё мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. ...Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по-другому, не опротивел самому себе?

Продуманная идея нас никогда не покидает, каково бы ни было наше душевное настроение, между тем как идея, только прочувствованная, всё время убегает от нас и изменяется...

Взгляните на человека; всю жизнь он только и делает, что ищет, чему бы подчиниться.

Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным.

Удивительно, как ленив человеческий разум! Чтобы избавиться от труда, которого требует ясное

уразумение высшего мира, он искажает этот мир, он себя самого искажает и шествует затем своим путем как ни в чём не бывало.

Итак, наша свобода заключается лишь в том, что мы не ощущаем нашей зависимости...

Но с идеей о моей свободе связана другая ужасная идея, страшное, беспощадное следствие её – злоупотребление моей свободой и зло как его последствие.

Окончательное просветление должно вытекать из общего смысла истории.

Отказаться от своего прошлого, значит лишиться себя будущего.

Г.Г. Шпет Е. Н. Коншиной, 25 декабря 1936

Вчера была годовщина моего прибытия сюда: отпраздновал втихомолку. А сегодня у меня – ёлочка.

25 декабря арестовали С.В. Мясоедова.

М.Г. Шторх

В январе 37-го ко всеобщей радости родных и друзей мы поженились с Серёжей Шторхом. Папе об этом сообщила мама, а я послала ему телеграмму: «Вспомни меня двадцать шестого». В ответ получила поздравление: «Вспоминаю весь день случая похищения девочки аистом не помню бывало другое». Ведь по-немецки Шторх значит аист, а аисты, как известно, детей приносят.

Г.Г. Шпет Н. И. Игнатовой, 19 февраля –14 марта 1937

25/II. Свету нет, и много другого нет.

...В прошлом году хорошо было, что я чувствовал *моих* и заботу *каждого* обо мне. Постепенно это стало замирать, а мои чувства стали отмирать. И нехорошо, что они у меня совсем отмирают. А это – так.

...«Будущее» – это то, чего *нет* и *никогда* не было... Проклятие футуризму! Из футуризма родится фашизм всех цветов и изнанок, – довольно! Не мучайте меня, – это же – травма. «Не хочу», «не могу» – честно; «будет» – бессовестно!

... А ведь всё-таки на вокзале первое впечатление моё было правильно: Вы «надломилась». Тогда я ещё не сознавал своей собственной сломанности...

... Си, 1) шить не умеет, 2) как надо зашивать, не знает, 3) в очереди по отправке посылок Си стоять не будет и за 25 р., а тем менее за 3 р. 25 к., которые предлагаете Вы, 4) в особенности теперь не отделаетесь и 25 р., потому что цену набила небезызвестная Вам наша водоносица, которая отказалась (я предлагал) «по»-стоять в очереди за керосином за 10 рублей!

...Ваш электрочайник забастовал; а потому даже в те дни и часы, когда есть энергия, могу только в его носик пускать слезинки...

...Электропрожектор – ни к чёрту! Он, видимо, родился склеротиком.

...*Макбета* именно нельзя брать у Пастернака. Если он не потеряет и не уничтожит, то пребывание его у Пастернака – эвентуально – единственный способ доказать, что Радлова кое-что понадёрнула из этого перевода (многое замаскировано, но кое-что – ясно).

...Забыл две вещи: 1) что Вам написал, 2) о чём *не* написал...

Си – Сима Минеевна Виленчик.

Эвентуально – вероятно.

...*Радлова* ~ *ясно*. – Анна Дмитриевна *Радлова* (урожд. Дармолатова; 1891–1949) – поэтесса. Шпет сравнил свой перевод с её переводом, опубликованном в т. 5 (1936) полного собрания сочинений Шекспира.

***Г.Г. Шпет* Н. И. Игнатовой 18 марта –14 апреля 1937**

Я когда-то очень страдал от своей музыкальной бездарности, а теперь – от рисовальной. ...Мне из Брюсовского прислали листов 30, знаете, Гранатовское издание «Современной живописи» (ксилографюры), – ничего *излюбленного*, а развесил по всей комнате, и меняю выставку, и радуюсь.

...Когда-то я любил порядок в природе; потом разлюбил; но природа меня не смущает; свои закономерности блюдет...

...Ко мне внезапно приехала Маринаша: пока осознаю только в тех пределах, что моё уравновесившееся, было, одиночество разнавесилось!

...из *Брюсовского* ~ *ксилографюры*... – Брюсовский пер., д. 17, кв. 16 – квартира Шпета. Далее говорится об издании «Товарищества бр. А. и И. Гранат и К°». Ксилографюра – оттиск с деревянного рельефа.

***Марина* к Н.К. Шпет**

10 апреля 1937

С вокзала благополучно добралась на извозчике за 6 руб.

... Угощал меня своей готовкой – вареные яйца, сваренные без скорлупы. Неприятное впечатление произвела грязь. На мебели густая пыль и хлопья.

...Здесь дикие очереди за хлебом...

19 апреля 1937

На улице опять холодно. Папа спит. Живём мы с ним хорошо и дружно. С хозяйством плоховато; в магазинах товаров гораздо меньше прошлогоднего. За хлебом колоссальные очереди, свежей рыбы нет, мяса достать трудно – на базаре было только у одного человека по 9 р. кило, очень неважное...

20 апреля 1937

С хозяйством трудновато. То в один час печь топится, то в другой. Вчера обедали в три и уже ели всё холодное, а сегодня еле в 5 сели. Из-за отсутствия в магазинах круп на базаре исчезли овощи. С трудом за 5 р. достала ведро картошки, вместо обычных 3-х.

Г.Г. Шпет Леноре 20 апреля 1937

Моя внучка на карточке очаровательна: я прямо слышу, как она похрапывает, втягивая в себя воздух и не зная, что с ним делать, таким прерывистым контральтиком! Помести её портрет в «Советское искусство» (отдел «Кино») как образец счастливого и весёлого сознательно-советского дитяти. Что думается о возможности её путешествия к деду?

...внучка... – дочь Леноры Елена Владимировна Вальтер (в замужестве Пастернак; *1936).

Марина к Н.К. Шпет 26 апреля 1937

Ходила в КОГИЗ продавать книги последних изданий. У папы была отложена целая куча, так что ходила дважды. На этом заработали 90 р. Это хорошо, а то папа волновался, что из ГИХЛ'а ничего нет... Не знаю, как быть с Пасхой. Творога нет ни в магазине, ни на базаре. Также в городе нет дрожжей. А я-то думала, что няня Пригоровских испекла бы один кулич и нам.

М. Г. Шторх

В начале мая я всё же уехала...

Через несколько дней должна была приехать Нора с полугодовой Аленушкой. Приехала Нора в конце мая...

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой, 3–22 мая 1937

Продолжать легче, начинать труднее, – так как это изречение не Солона, то, значит, моё; разница только в том, что изречения Солона обязали его к бессмертию, мои же меня ни к чему не обязывают.

...Я не сообразил, что *Медный всадник* есть а) рыночная и б) вне-рыночная ценность. Мне очень сейчас *близок* первый рисунок... А стихия человеческого права (и правды), за которою гонится стихийный государственный монумент – превосходно. Много по сему поводу накопилось мыслей. ...Картинку хочу переснять (чтоб не портить книги столь драгоценной)...

...Батарейки исчезли, ибо чувствовали, что летом не нужны.

...Так как я не Ферма, а, кроме того – философ, то голый *итог* мне ничего не говорит... Ибо о чём же действовать: о сокращении срока пребывания в Томске, о переводе в Наркомат связи или о разрешении не быть собою? ...Я не мост, не трактор, не ведро, не стихи Маяковского, даже не гвоздь, а в лучшем случае – разбитая вдребезги скрипка. Хорошенькая аргументация – от утильсырья!

...Насчёт мучительности чувств *за меня* по случаю «отмирания чувств» – Вы напрасно: «совсем не трудно умирать»!

...У Вас «отмирает» знание моего нрава и привычек! Если я «загорелся» Достоевским, то неужели Вы всерьёз думали, что я столько времени мог ждать?..

Солон (ок. 640 – ок. 559 до н.э.) – др.-гр. (афинский) политик.

Медный всадник ~ *превосходно*. – Имеются в виду иллюстрации А.Н. Бенуа к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник».

Пьер *Ферма* (1601–1665) – фр. математик.

...*совсем не трудно умирать*... – Англ. пословица: «Совсем не трудно умирать, когда знаешь, что жил своей жизнью».

26 мая арестовали Г.М. Пригоровского.

М. Г. Шторх

Они <Пригородские> были далеко не первой молодости, но у них была семилетняя дочь необыкновенной красоты и совсем не избалованная. Боясь жизни в нашей неустойчивой и непредсказуемой стране, они, естественно, очень беспокоились за судьбу своей дочки. Они заранее сговорились со своей старой родственницей, что если что-нибудь с ними случится, то она немедленно приедет и заберёт девочку в Москву. И случилось!..

Г.Г. Шпет Сергею 27 мая 1937

Дорогой мой Серёжа, мама, вероятно, говорила тебе, что я тут здорово поболел (помнишь, как называется такая «фигура речи?»), так что не мог дней десять и заниматься...

...поболел ~ «фигура речи»? – Имеется в виду эвфемизм – замена слова или фразы другими. «Болеть» в сленге 1920-х – 1930-х означало «быть в тюрьме» (Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927. С. 16). О привлечении Шпета к дознанию свидетельствует его заявление в прокуратуру.

В прокуратуру 4 июня 1937

Шпета Густава Густавовича,
Томск, Колпашевский п., 9, кв. 2.

Заявление

В ночь с 14 на 15 марта 1935 г. я был арестован в Москве; по окончании следствия административно выслан в Енисейск на 5 лет. В ноябре того же года меня перевели в Томск, где я нахожусь и поныне.

Следствие предъявило мне обвинение (по ст. 58, 10-11) в том, что я возглавлял антисоветскую группу, сложившуюся в период существования Гос<ударственной> Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук (т.е. до 1930 г.), состоявшую из проф. Габричевского А.Г., Петровского М.А. и Ярхо Б.И. Материалом обвинения послужили показания Петровского и Габричевского, арестованных и допрошенных примерно в одно время со мною. Голословность и бездоказательность этих оговоров частично вынуждены были признать и следственные органы. Никаких конкретных показаний, которые раскрывали бы, в чём выразилось моё «руководство» группой, мне предъявлено не было. Следствие не обратило внимание даже на то, что с одним из членов «группы», с Б.И. Ярхо, я просто мало знаком; он никогда у меня не бывал, и наши научно-педагогические позиции противоположны. Я более знаком с Петровским М.А., но и с ним расходился в научно-идеологических воззрениях. Единственно я был близок с Габричевским А.Г., но как раз он признан по этому делу невиновным и, во всяком случае, никакому наказанию не подвергнут. Каковы принципиальные политические установки названных лиц, до сих пор точно не знаю, ибо никогда и никаких разговоров на эту тему у нас не велось; отрывки и цитаты из их признаний, читанные мне следователем, вызвали у меня резко отрицательное отношение. На очной ставке с Петровским и Габричевским им поочередно был задан следователем *всего один* вопрос, подтверждают ли они свои показания (мне конкретно неизвестные), показания от такого-то числа; мне не позволено было задать им какие бы то ни было вопросы и требовать разъяснений.

Предъявленное мне обвинение я не признал и не мог признать, хотя в порядке самокритики допускал и признавал, что своей общественной и политической неактивностью и недостаточным вниманием к окружавшим меня мог дать, сам того не подозревая, повод к неправильному толкованию моего отношения к советской власти. Это, по-видимому, и привело

следствие к противоречивому выводу, что будто я стоял во главе контрреволюционной группы, *сам того не сознавая*.

Если бы следственные органы более внимательно и критически отнеслись к показаниям оговоривших меня лиц, а также к моей действительной работе в 27 г., равно как раньше и позже, вплоть до момента ареста, то понятно выяснилась бы вся вздорность опорочивающих меня показаний и приговор, осудивший меня на 5 лет высылки, стал бы невозможен. Никогда я не принадлежал к тем буржуазным профессорам, которые встретили враждебно Октябрьскую революцию, но, убедившись в выгодах пайков и охранных грамот КУБУ, пришли к признанию советской власти. Революцию я встретил радостно, приветствовал и работал для советской власти с 1917 года.

Я хочу, и несмотря на свой возраст могу, ещё работать на фронте нашего культурного строительства. Моя основная специальность философские науки, но знания в области истории науки и языкознания, истории театра, а также знания почти всех европейских языков (англ., нем., франц., итальянск., испанск., польск., шведск., норвежск., датск., украинск., болгарск., латинск., греческ.) дают мне возможность работать и в других областях.

При моём теперешнем положении, вопреки твёрдым обещаниям, данным мне в НКВД, что работой я буду обеспечен, с момента моей высылки мне был поручен только перевод одной книги Гегеля «Феноменология духа».

Прошу, приняв во внимание изложенное, мои годы, отбытие половины срока высылки и кроме того желание работать на пользу социализма и нашего культурного строительства, вернуть меня в число полноправных граждан моей социалистической родины. И прошу дать мне возможность работою на пользу её реабилитировать себя не только от обвинения и оговоров, но и от подозрения в моей причастности к каким бы то ни было контрреволюционным организациям, группам, действиям или замыслам.

...Габричевским А.Г. ~ наказанию не подвергнут. – А.Г. Габричевский провёл год в Кашире Московской обл. КУБУ – Комиссия по улучшению быта учёных (1921–1931).

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой, 26 мая – 6 июня 1937

4/VI –

...Погас свет, – верно, уже на всю ночь!

5/VI – Мои умственные способности гаснут, – но не как искры на лету, – искр-то и нет! – а как дотлевающая головня в потухшем и заброшенном костре. На медицинском языке это носит умственное название артериосклероза. Но чтобы от этого, – т.е. «в последней инстанции» – от угасания умственных способностей, – болел живот, – это есть специальный по моему адресу сарказм фортуны! Могу ответить ей сарказмом же: что есть фортуна? – Фортуна есть природа плюс патология! (Материалист на моём месте, конечно, сказал бы, что природа тут не при чём, ибо фортуна всецело обусловлена социально и есть сплошная патификация: кому – патос, кому – пафос, а кому – патефон!)

...гаснут, – но не как искры на лету... – «Искры гаснут на лету...» – из стихотворения Я.П. Полонского «Песня цыганки» (1853):

...патификация: кому – патос... – Патификация – насильственное усмирение восстания. Патос – страдание (др.-гр.).

5 июня арестовали поэта Н.А. Клюева.

М. Г. Шторх

После отъезда Норы приехали Елизавета Николаевна и Наталья Ильинична...

Ленора Шпет с Алёнушкой

Алёнушка Вальтер

Г.Г. Шпет Леноре 3–27 июля 1937

Золотая моя девочка, пусто стало, как ты уехала, и ничем эта пустота не заполняется! Всё – не то: и утро не то, и день без тебя и Алёнушки не тот, и вечер без тебя и Алёнушки не тот!

...10/VII.

...У меня сегодня две камерфрейлины, но если бы их было и двадцать, они не заменят тебя, мою любимую, с Алёшкой!

Камерфрейлины – Н.И. Игнатова и Е.Н. Коншина.

Алёшка – Алёнушка.

Г.Г. Шпет Маргарите 29 июля 1937

Мимоходом по поводу твоего «рассуждения» о понимать, значит, простить. Видишь ли, я иначе думаю: кто всё прощает, тот ничего не понимает! А вообще-то говоря, прощают не по пониманию, а по любви, хотя бы даже и не всё было понятно. ...И «причин» не надо; некоторые считают, что когда нашли причины, *объяснили*, то факта как будто и не было. Например, это я толкнула локтем стакан, и он разбился, *потому что* ты его тут поставил... Но ведь это же только *подтверждает* факт, что стакан разбит, а не опровергает факта.

...Да, не думаю, чтобы встречи с Сашей тебе доставили удовольствие. ...Моё непосредственное чувство к нему не так напряжённо, как у некоторых «моих» (и не только со стороны «бабья», некоторые «мужи» ещё более нетерпимы). Но ведь кроме непосредственного чувства есть ещё одна сторона и притом более важная, чем моё чувство. Деморализация некоторых кругов общества привела к тому, что очень уж легко принимается метод защиты и самосохранения путем оговора и себя, и других. Безмерный эгоизм Саши, боязнь быть выброшенным из его глубокой постели толкнули его туда, куда он пошёл. Не выразить своего омерзения его поведением значило бы самому поддаться этой деморализации и поощрять соответствующую психологию и поведение. Каковы бы ни были мои чувства к нему, я не считал бы себя вправе поддерживать с ним отношения. Но вопрос о нём ещё сложнее. Когда понадобилось только выразить желание исправить допущенную им, говоря мягко, «ошибку», – как он поступил? Миша, по крайней мере, сразу и без колебаний изъявил желание, если можно, исправить сделанное им (хотя *практически* это не имело значения и последствий). Саша же откровенно признался, что его брюхо и московские постели, в которых он валяется, – содержание его «красивой жизни»!

– ему дороже его чести. Миша вспомнил о сыне, которому придётся носить имя отца; Саша же и вообще ни о ком, кроме себя, не помнит. Таким образом, если поведение Миши повлияло на отношение к нему в одну сторону, то поведение Саши толкает в сторону прямо противоположную. Наконец, – чтобы покончить с этим, – если бы Саша и Наташа рассчитывали на какое-то «прощающее» отношение с моей стороны, они, наверное, нашли бы способ так или иначе помочь моей семье или хотя бы предложить свои услуги в этом направлении, а это делалось людьми и более далёкими, чем *был* для меня Саша.

Внучка моя очаровательна, но... с малютками мне «не везёт»! Когда вы были, – мои собственные дети, – в таком возрасте, я был сам мал и глуп и не ценил прелести мелких человечков, а когда дорос до понимания их, – с Алёшкой мы чудно разговаривали и понимали друг друга, – моя внучка мне только улыбнулась и улетела...

...Моя жизнь течёт так, что иной день самым большим событием бывает смена календарной цифры на следующую по порядку. Впрочем, и каждый день это есть некоторое событие. – Лето у нас плохое, весна была отвратительна, а между тем за воротами уже раздаются подозрительные посвисты ангелов осени.

Пиши, моя девочка, помня, что единственная убедительная отговорка: «Что-то не хочется»...

...Внуков целую! Скажи им, что когда, – и если увидимся, я научу их таким штукам, что у мамы их поднимутся волосы к небу!..

Саша – А.Г. Габричевский.

Наташа – Наталия Алексеевна Габричевская (урожд. Северцова; 1901–1970) – художница.

Миша вспомнил о сыне... – имеется в виду Александр Михайлович Петровский (1925–1993).

М. Г. Шторх

<В конце июля приехали> мама и Серёжа. Брат, как всегда, в августе вернулся в Москву, а мама осталась с отцом в надежде, что кто-то сможет её сменить.

Г.Г. Шнем

От переводчика: Г.В.Ф. Гегель. Феноменология духа (отрывки)

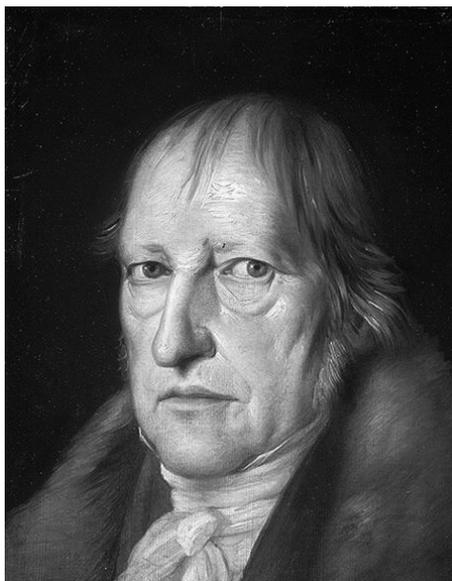
«Феноменология духа» считается одним из труднейших, если не самым трудным для понимания произведением философской литературы. В основном трудность и запутанность изложения «Феноменологии духа» проистекают из того, что, поскольку в ней всякое более высокое формообразование сознания повторяет и включает в качестве моментов диалектические ступени предшествовавших стадий и формообразований, постольку Гегель старается провести и некоторое повторяющееся единство словесного выражения. Этот формализм приводит к тому, что, например, терминология, ясная в применении к одной стадии, на другой превращается в сплошное иносказание. ...

Перевод – не комментарий; и трудности, которые пришлось преодолевать переводчику, – особого рода. Прежде всего самый язык Гегеля, даже в устной речи шокировавший Шиллера и Гёте.

...Серьёзные затруднения терминологические. ...Даже некоторые условно принятые термины и более или менее подходящие в других контекстах оказались непригодными в «Феноменологии духа». ...Больше того, Гегель с особенным пристрастием относится к словам немецкого языка, выражающим не только разные, но подчас и противоположные значения; он

усматривает в этом «умозрительный дух самого языка» и признаётся, что «мышлению доставляет радость» наталкиваться на такие слова. ...

Наконец, наибольшие затруднения доставляет перевод столь излюбленных Гегелем каламбуров и сопоставлений, противопоставлений, параллелей, основанных иногда на смысле слов, а иногда – на чисто внешней «вульгарной» этимологии слова. Там, где переводчику не удавалось найти более или менее адекватной параллели в русском языке или вовсе не удавалось передать игры слов, он в скобках помещал немецкие пары сопоставляемых или противопоставляемых выражений.

Извлечения из «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля
Перевод с немецкого Г.Г. Шнета

Лишь духовное есть то, что действительно; оно есть сущность...

Мы должны проникнуться убеждением, что истинное по природе своей пробивает себе дорогу, когда пришло его время...

Это несчастное, раздвоенное внутри себя сознание – ...должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же, как только оно возомнит, что оно достигло победы и покоя единства, оно из каждого сознания должно быть снова изгнано.

Благодаря отказам от собственного решения, затем от собственности и наслаждения и, наконец, благодаря положительному моменту занятия непонятым делом оно поистине и полностью отнимает у себя сознание внутренней и внешней свободы...

...там, где содержание всеобщей необходимости не согласуется с сердцем, она и по содержанию своему есть ничто в себе и должна отступить перед законом сердца.

...хотя нравственное бытие семьи определяется как бытие непосредственное, тем не менее внутри себя она есть нравственная сущность...

...нравственность есть дух в его непосредственной истине...

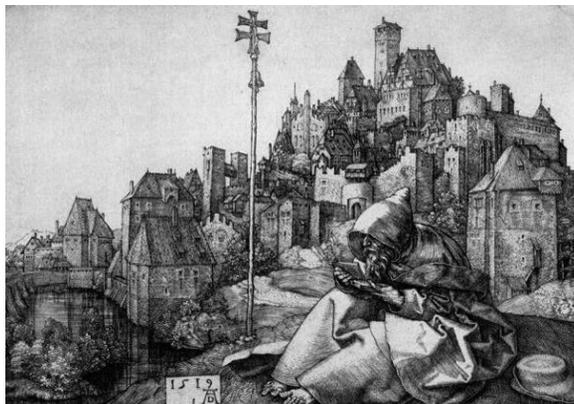
Только побеждающая партия называется правительством, и именно в том, что она есть партия, непосредственно заключается необходимость её гибели... ей как действительной всеобщей воле противостоит лишь недействительная чистая воля, намерение. Быть под подозрением приравнивается поэтому виновности или имеет такое же значение и такие же последствия...

Г.Г. Шпет Леноре 3 сентября 1937

Золотой мой Норик, данным давно получил от тебя посылочку, а до сих пор не собрался поблагодарить! Одна из причин: рука совсем испортилась! Пока сидел над Гегелем и писал каждый день, она как-то ещё держалась, а теперь разъехалась: трудно писать, а в особенности видеть эти каракули.

...Картинки так себе: пейзаж Рембрандта скучноват... (...должно быть, не выдержал рядом с дюреровским Нюрнбергом, что у меня над столом).

От Немировича у меня лучше впечатление, чем у других. Его почему-то считают умным, и все ждали умной книги, – отсюда разочарование. А книга такая, как он сам: поверхностно, грустно и по-актёрски. ...Я ждал худшего, а потому моё впечатление более благоприятно: из-под цилиндра и за бородою видна всё-таки любовь к своему делу и искусству, и сколько бы он ни напускал на себя «умных» штампов, это – заурядная жизнь

театрального человека; и это – хорошо. Чехова он любил, от него не отрёкся и его не выдал, – его театр, по Немировичу, всё-таки театр Чехова. И о К<онстантине> С<ергеевиче> он пишет лучше, чем я ожидал; пусть это – деланное «благородство», но у К<онстантина> С<ергеевича> по отношению к Вл<адимиру> Ив<ановичу> и этого нет.

...Август был омерзительный: дожди и холода (однажды был даже заморозок, утром всё в инее), а с 1/IX обнаружилось солнце и некоторое количество тепла; деревья, в особенности лиственницы, бледнеют и желтеют. Но если сентябрь такой продержится, это будет некоторая компенсация.

...дюреровским Нюрнбергом... – Гравюра Альбрехта Дюрера (1471–1528) «Св. Антоний на фоне города» (1519).

Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943) – писатель, театральный режиссер. Имеются в виду его воспоминания «Из прошлого» (1936)

Константин Сергеевич – К.С. Станиславский. (Алексеев; 1863–1938) – театральный режиссер.

Н.К. Шпет Марине

Папа совсем скис... Ослабел, болит спина, живот... Оставлять его одного невозможно... Папа сейчас писать не может, очень дрожит рука последние дни... Вчера опять сильные боли начались, просто беда!..

...Очень долго тянется ремонт, надоело, но печку уже можно топить. Все проходы загромождены, ничего не найдёшь... Очень жаль, что нет вакцин.

11 сентября

Си пустила в маленькую комнату свою двоюродную сестру (учительница Берта, она сама милая) с 3-летним сыном и с прислугой. ...Прислуга симпатичная, пожилая. Надеюсь, что при ней больше порядка в доме будет, а то вчера вечером опять сидели без воды и чая... Вчера от Марго письмо получила, она собирается очень не скоро ехать сюда. Просто беда. Хоть бы Таня уговорилась! Ей же здесь хорошо будет и даже весело. ...Ох, как всё тяжело и безвыходно. Папа лучше, вчера уже болей не было, только к вечеру немного. А сегодня и слабость меньше...

Б.Б. Мяцова

...Я бы очень хотела, чтобы Таня взяла отпуск и приехала бы сюда. Это было бы самое умное, что она может сделать.

...*Берта ~ с 3-летним сыном...* – Берта Борисовна Мясцова (урожд. Иттер; 1913–1979) с сыном Борисом Николаевичем (1935–2014).

Таня – Т.Г. Шпет.

11 сентября расстреляли первооткрывателя сибирской нефти, почвовед Ростислава Сергеевича Ильина, 17-го расстреляли епископа Томского Серафима (Сергея Павловича Шамшева) и священника Троицкой церкви, иеромонаха Николая (князя Аникиту Андреевича Ширинского-Шихматова).

М. Г. Шторх

Мама уговорила отца как следует провериться у врача. У него и раньше бывали боли в желудке, а последнее время его состояние резко ухудшилось.

Г.Г. Шпет Н.И. Игнатовой 18 сентября 1937

Друг, уже неделя, как не могу приступить к этому письму по причине единственно своей желудочной казни. Она лишает не только творческих способностей, но даже и просто успокаивающих.

...Блок – не авторитет... потому что он много старался превратить свою *Russland* в *Verdeutschland* и кое в чём преуспел.

...Погода убийственна: холода, ветры и ветры, холода.

...*Russland в Verdeutschland...* – Россию в версию Германии.

Н.К. Шпет Марине **20 сентября**

От Тани нет ответа на телеграмму. ...Спроси ещё раз вакцины, -- надо будет вернуть врачу, а пока он свои даёт.

...Забыла Марго написать, чтобы она «Правду» выслала, папа без неё скучает. Здоровье его лучше, но всё же неважное. Гуляем каждый день. Завтра Яблоков даст направление на желудочный сок и рентген. Папа даже согласился лечь в клинику дней на 5, но обидно, пока я тут. Кормлю папу твоим рисом. Мы всё ещё живём в большой комнате, очень уж трудно опять всё перетаскивать. ...Керосина так и не достала, хотя одно утро выдавали – поздно узнала. Автобус не ходит.

21 сентября

Ходила в поликлинику с бумагами Яблокова. Завтра идём на желудочный сок, а рентген на 28-ое. Сегодня ему не плохо, но и не хорошо. Сидит на диете, нами самими выдуманной. Заболел он после волнения и на следующий день после переноски всех книг в другую комнату без передышки. ...Надеюсь, что диагноз будет точный и не будет больше неопределённости. За результатами просвечивания хочу пойти одна, чтобы он мог сказать всё как есть... С папой живём очень тихо и мирно.

22 сентября

Сегодня с утра пошли с папой в поликлинику. Ждали недолго. Папе скорее понравилось глотать кишку... Около 5 были у Яблокова, ждали около часа. Яблоков мне понравился, очень внимателен. Говорит, что скорее всего нервные спазмы и язва. После рентгена всё станет ясно. Ничего более серьёзного, чем язва, он не видит, «язву мы вам вылечим, так что не беспокойтесь и не унывайте». Софья Николаевна говорила с Яблоковым по моей просьбе, и он обещал,

Д.Д. Яблоков

что если рак. то он скажет «хронический катарр». Этого он не сказал. Диета молочно-овощная, но без чистого молока. Мяса нельзя, супы протёртые.

23 сентября

Неужели Таня не раскачается приехать? *Очень* это надо. Уговори её. Может быть, Нора с ней поговорит. Папе лучше...

Дмитрий Дмитриевич Яблоков (1896–1993) – врач.
Софья Николаевна – Пригоровская.

Г.Г. Шпет Марине 2 октября 1937

Понимаю, что сын есть такая часть собственности матери, над которой она непрерывно дрожит головой, ногами и руками, так что писать ей почти так же трудно, как мне, – но чужой (хотя бы даже твоего собственного дорогого, любимого и единственного отца) внук (я имени его не знаю, хотя хочу узнать...) не может вызвать такой универсальной дрожи, а потому пиши о нём законному деду, а заодно побольше и об его маменьке (его: внука, а не деда!).

...сын... – Алексей Сергеевич Шторх, родившийся 12 сентября 1937.

...я имени его не знаю, хотя хочу узнать... – переделка слов из арии Германна (либретто М.И. Чайковского) в опере П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Я имени её не знаю и не хочу узнать...»

10 октября арестовали Герберта Августовича Зуккау, переводчика романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», романа А. Дёблина «Берлин – Александерплац» и др., 19-го арестовали Х.И. Протопопова.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 21 октября 1937

Дорогая Натуленька, твою руку видел долго, долго – пока поезд не повернул налево... Прошёлся приятно, – воздух мягкий и тёплый. Желудок начал давать знать себя только к концу пути. Дома опять был потрясён. Дорогая Натуленька, и Миша тоже, целую тебя крепко. Сейчас собираюсь к зубному. Спать так и не ложился, может быть, после зубного.

Твой.

Читать даже ничего не могу.

У зубного в 2½ был уже свободен. Готово будет совсем 27-го. Дождусь ли?

...и Миша тоже... – 21 октября арестовали М.А. Петровского, переводчика романа Э.Т.А. Гофмана «Повелитель блох», романа А.Ф. Прево «Манон Леско», сказок Ш. Перро и др.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 21–22 октября 1937

Натуленька, вернулся от зубного ещё в таком возбуждении, что заснуть не мог. После обеда долго лежал, потом всё-таки заснул минут на 20. Поковырялся в книгах, но ничего в голову не идёт. К половине 7-го, – проклятые сумерки! – ничего с собою не могу поделывать: спазм душит горло, «комочек» никак не удаётся проглотить... Сейчас ещё пренеприятное явление (оно бывало довольно часто летом, когда на солнце выходил гулять): ослепляющие полосы и зигзаги в глазах; это один из симптомов так называемого множественного склероза; причина – волнение.

Поужинал шарлоткой и сливками... комочек не отступает от горла... всё, всё напоминает о тебе и твоих заботах! ...Зябну, хотя термометр показывает 15°.

10½. Да, для тебя хорошо, что ты уехала, а мне, ой, как плохо!.. В комнате почему-то по-теплело, 17° по градуснику, а меня так знобит, что сижу в платке; при тебе лег бы в постель...

Ну, и денёк, ну, и ночь! Как дотянется до утра?..

11½. Ну, в куреньи сегодня нарушены все мои достижения! Не могу заставить себя достать шарлотку или выпить сливки. Как будто глотка – засорившийся мундштук, который нужно прочистить.

3½. Немного спокойнее, ложусь; спокойной ночи.

22 – 1½. Едва встал, весь разбит, сил никаких. Дождит. Керосин появился... Вечер последний с тобою я тоже вспоминал, ты была очаровательна.

...По «логике» сегодня следовало бы «волноваться» больше, чем вчера, а я спокойнее, – впрочем, день мой только начался. Сейчас побреюсь, пойду на почту и спущусь к портному, – авось, шуба готова, а то – плохо ещё и без шубы...

...в куреньи сегодня нарушены все мои достижения! – По свидетельству М.Г. Шторх, Шпет мог выкурить в день свыше сотни папирос.

Г.Г. Шпет Наталии Константиновне 22–23 октября 1937

Сумерки, состояние невыносимое... Хотел выпить сливок, – почти невозможно: комок к горлу, и проглотить невозможно... С утра встал с трудом в 12½, весь разбит. Твои письма поддержали. Обедал в 3, цветная капуста (остаток твоей); чуть лучше, чем вчера, но больше заказывать не буду (сухая, вялая, а не разваренная, самые головки подгорели). Пошёл за шубой; помнит, что обещал доставить, но не готово; завтра!.. Погода сырая, грязь, дождик, но теплее, чем вчера; итти по улице без тебя тоскливо до невозможности... Всё вижу по-особенному: чётко и мертво, – как бывает при маленькой температуре. Ко всему во время ходьбы и желудок тянет и ноет. Дома в 5½, но темно, как в 7, – настроение сумерек...

...С утра и до обеда Си намаялась с мальчишкой, но раздражалась не так, как можно было бы ожидать. Впрочем, кажется, уже есть новая няня (сейчас появилась). Курю меньше, чем вчера, но больше, чем при тебе. Пробовал лечь – невозможно: такая тягота душевная... И мальчишка разошёлся, а я каждый звук слышу обострённо... Долго не было света, я зажёл свечу... и опять комок к горлу!.. Делать ничего не могу, всё валится из рук...

...10½. На ужин сварил себе два яйца... Поставил молоко на простоквашу. Придумал новое блюдо (но ещё не делал): «бедный рыцарь» со сливками. По неизвестной причине в доме все уже спят кроме Сарочки. Поднялся ветер, завывает и присвистывает... Жутко!..

Прошёлся в уборную; когда вернулся и вошёл в другую комнату, так сжалось сердце, что остановился у порога... Вспомнил, как мама стояла у порога моей опустевшей комнаты, когда я ушёл от неё (я видел в окно со двора). Если нам суждено ещё увидеться, не бросай больше меня!.. Не знаю, доживу ли я ещё до одной встречи с тобою, но если доживу, то больше разлуки не вынесу, сознательно!

1 ч. ночи. Сделал себе «бе(погас свет)дного рыцаря», насколько было бы вкуснее, если бы сделала ты, или хотя бы попробовала! Болит голова, по-особому, от нервного напряжения.

3 ч. 20 м. Ветер почти утих; на крышах, заборах – везде снег. Вчера пропустил, а сейчас задумал наполнить пузырь, обжёт руки, и 25% на полу. Первый раз, вспоминая тебя, улыбнулся. Ну, спокойной ночи! А свет так больше и не зажигался, сидел при свечах.

23/X. За ночь очень похолодало; метёт снегом – мелким, но частым. Шубу принёс портной; сделал неплохо (за воротник – 12 р.). Света не будет до 25-го (авария на станции). Только хотел написать, что ждал телеграмму, а её нет, как телеграмму подают! ... Спасибо, милая! В Москве ты должна быть через 102 ч. 15 м. по выезде из Томска, т.е. 25-го в 12 часов (когда у нас появится свет, – на этот раз ты увезла не только тепло, но и свет!). ...Около 12 заснул и проснулся только в 2½ – приходила продавщица дров: будто хотела сначала 60 р., потом 80, а теперь 90...

...«бедный рыцарь»... – имеется в виду хлеб с вареньем.

Г.Г. Шнем Наталии Константиновне 23–24 октября 1937

5 ч. – Побелевший пейзаж всё-таки даёт несколько умиротворяющее впечатление. На улице не холодно однако, хотя есть ветер; рядом со снежными площадками – лужи и грязь. Я очень люблю настроение, вызываемое первым снегом: тишь на душе и в то же время подъём энергии, которую хочется обнаружить... Даже это (т.е. простое настроение) отнято! Ты советуешь налечь на перевод статьи Гегеля, это – правильно, и *одно* одиночество этому не мешало бы... Но когда весь сжат в комок напряжённых нервов, трудно сосредоточиться.

...Новая домработница проще той, выглядит голодной и очень старается; Си довольна; боюсь только, – судя по некоторым признакам, – не выпивает ли. Дров нет.

8 ч. Пока был дневной свет, я всё-таки написал несколько фраз Гегеля. От сумерек спрятался в постель, – подремал... Около 8 ч. зажёл свечи... и та же невыносимость: душит комок в горле!.. Тяжко.

12 ч. Пил чай около 11; Сима Минеевна поздно вернулась. Дрова, кажется, будут, но уже по 90 р., доплатил 12 р. 50 к., да ещё предстоит за перевозку.

Состояние чертовское! Говорят, нельзя испытывать двух чувств сразу, но тогда есть какое-то третье чувство – синтез двух: нервного напряжения и тоски. Малейший шорох, – и весь напряжён, сердце бьётся, а тоска не перестаёт сжимать грудь и тянуть, тянуть...

Интересно, насколько подвигает вперёд и каким темпом – мой склероз? – Не могу взяться ни за одну вещь, чтобы не вспомнить, как она была в твоих руках и как ты давала советы обращаться с ней. Керосинка, жестянка, бутылка, – всё, всё... воспоминания... и чувствуется, напирают слёзы к глазам... Ты пишешь: вспоминай, как ты подходила сзади ко мне... А по мне, лучше не вспоминать!.. И, может быть, было бы лучше, если бы этого вовсе не было. – Не могу читать простого романа: хочется что-то сказать тебе о нём, об авторе, а потом *не* передам тебе его для прочтения... – И... и боюсь оглянуться, а вдруг... тебя нет на кровати?.. – Эти проклятые свечи физически ещё действуют на настроение... по случаю отсутствия электричества в доме опять все залеглись (даже Сарочка) тотчас после чаю, хотя сегодня – под выходной. – Ой, какая тоска, какая жуткая тоска!

...24 X. 4 ч. Вот, и ещё один мучительный день ушёл... Встал поздно, потому что холодно (13°); но дрова таки доставлены. За доставку ещё 19 р. Знай – плати! ... Уже ½ 6, а Си рыбу мне ещё не варила.

Г.Г. Шнем Наталии Константиновне 24–25 октября 1937

На обед ел рыбу (сварена половина), – дадено три куска, я оставил полтора на завтра (слишком жирно 8 р. в два дня). Фруктов у меня нет, и потому я сегодня без супа. В 7 ч. решил выпить стакан молока (забыл про «рыцаря»), но бросился поправлять скривившуюся свечку, половина чашки молока и сама чашка оказалась на полу: от молока остались лужа и брызги, от чашки – осколки! Я был доволен: хорошая примета... Около 1 ч. ночи (сейчас) вспомнил твой способ приготовления яиц и возобновил его. Заодно поджарил две галеты и не заметил, как они подгорели. Днём попробовал рыбу с прованским маслом, – превосходно, сейчас и яйца попробовал с ним же. Очень нежно и вкусно получается. – 6 полен со стуком были брошены у печки, и хотя специального напоминания часа через 3 после этого, что хорошо бы их топить, я получил ответ «да, да!», – fancy Си была не топить. – С 8 ч. мы запираемся, но во всём городе тьма (освещены только учреждения, имеющие собственные электростанции), и вдруг, в 9 ч. отчаянный стук в дверь... и телеграмма твоя из Кирова!.. Настроение чуть лучше... Ты советуешь начать переводить, что формально я уже выполнил, а сегодня у меня шекспировский день. Надеюсь, что завтра натопят до того, как я встану...

Спроси у Васи или в магазине против телеграфа, нет ли у них недорогого издания стихотворений Ламартина (по-французски, конечно) и, прежде чем послать мне, внимательно прочти стихотворение *La Solitude*. Ничего нового ты из него не узнаешь, но ещё раз услышишь о моих чувствах и настроениях... Целую, но ещё не ложусь (всего 1 ч. ночи). — Да, я обнаружил у себя свечной кризис! Я не понимал, почему ты так беспокоишься о свечах, ибо думал, что у меня их штук 20, а сейчас обнаружил, что у меня их остаётся всего 5 штук! Раз во всем городе нет света, то понятно, что ни в единой лавке свечей не найдешь, — дёрнуло меня прозевать тогда в ларьке! — Приятно, что геморрой утихомирился (хорошее, значит, лекарство), но меня смущает, что желудок на одном месте, не хуже, но и не лучше, при ходьбе и ночью напоминает о себе.

25 X. 2 ч. дня. ...Сегодня тепло; потопили пока я спал. На улице пурга; снегу на крышах и улице, по крайней мере, на ½ вершка; на одну минуту блеснуло солнышко, — после этого и началась пурга. Светло и, вероятно, другим радостно, у меня же настроение хуже, чем вчера было.

Fancy – причуда (англ.).

Вася – В.И. Качалов.

...*Ламартина* ~ *La Solitude*. – Альфонс де *Ламартин* (1790–1869) – фр. писатель. Вопреки комментатору книги «Густав Шпет: жизнь в письмах», имеется в виду «*La Solitude*» («Одиночество», 1820), а не «*L'isolement*» («Уединение», 1820), в переводе Ф.И. Тютчева названное «Одиночеством». Эти стихотворения резко разнятся по настроению: в «*L'isolement*» говорится о бренности и тщетности земной жизни, а в «*La Solitude*» поэт «пребывает в Боге» и созерцает храм природы, где «время потеряло свою победу».

23-25 октября расстреляли Н.А. Клюева: жуткая дата смерти может объясняться тем, что в тюрьме не было света и документы оформлялись задним числом (в 1965 начальник томского КГБ Г.И. Макогин датой смерти Клюева назвал 25-е).

Г.Г. Шнем Наталии Константиновне 26–27 октября 1937

37 X 26. Ещё один день ушёл, а что впереди, все не видно... Проснулся в 9...

...У нас зима настоящая; этот снег уже не сойдёт. В комнате пока тепло; запотело, — значит, всегда будет замерзать, — только одно окно, которое возле стола с ящиком. ...На столе появилась (откуда-то!) твоя карточка кругленькая... Ночью, при электричестве ты на стене особенно хорошо и ярко видна. К сожалению, света-то этого до сих пор нет, хотя объявление в газете сообщало – 25-го в 8 ч. Душевное состояние всё то же...

3 ч. Пообедал. Выдал ½ стакана рису, вышло 2 тарелки переваренного; одну съел, другую оставил на вечер, положив в него, пока горячий, масло.

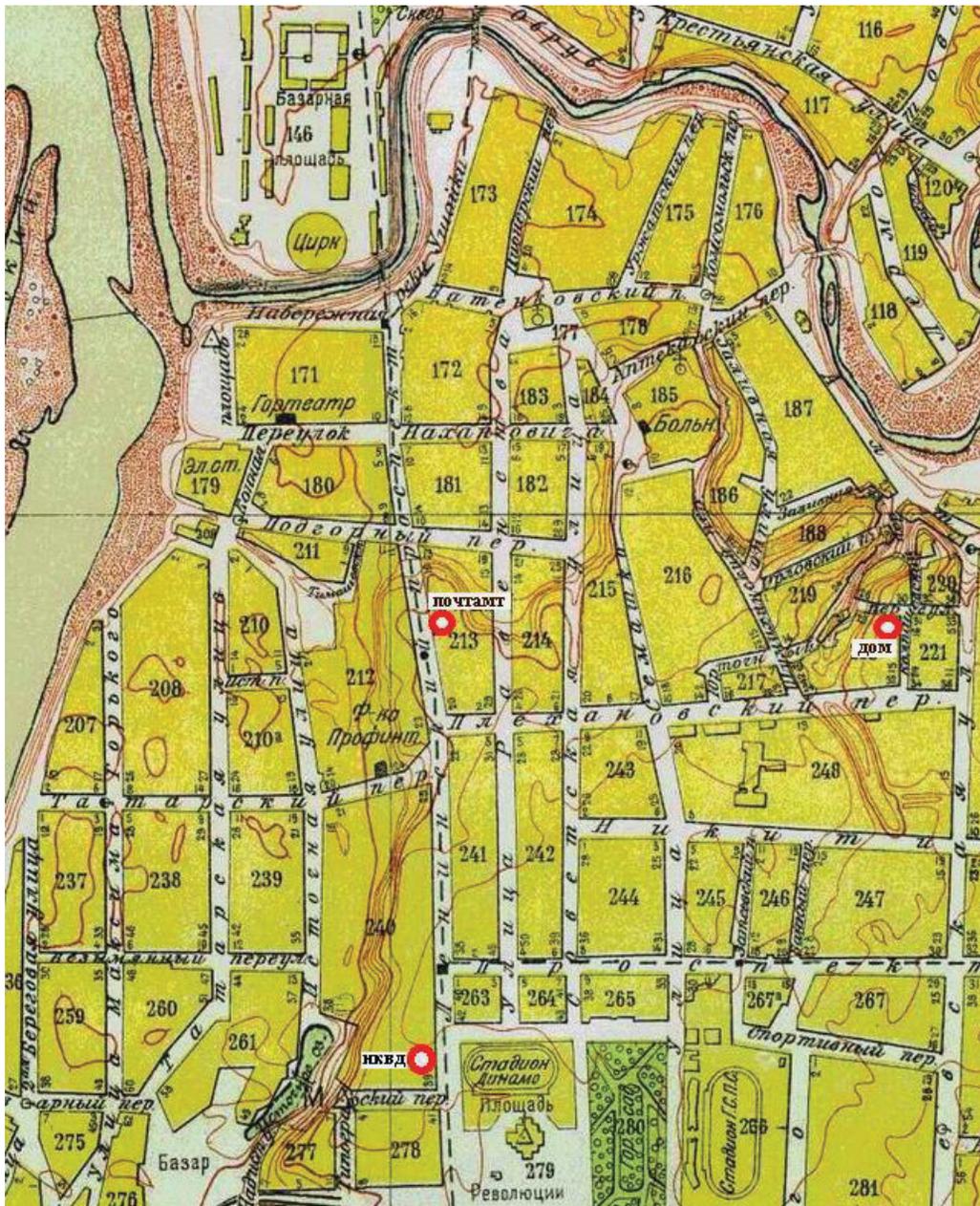
3½ ч. ...Сижу в твоих «шубенках», тепло!

...Люблю изо всех сил.

Твой.

5½ час. – ... Торжество – подали свет!!!

Шубенки – здесь: суконные ботинки с мехом внутри.

Арест санкционирую. 27.X.
Горпрокурор <подпись>

Утверждаю.
Нач. Томского ГО НКВД по ЗСК
капитан госбезопасности Овчинников

Справка
на арест Шпет Густава Густавовича.

Шпет Г. Г., адмссылный.

Имеющимися материалами в Томском ГО НКВД и показаниями Петровского М.А., Шпет Г.Г. изобличается, как участник офицерской кадетско-монархической к<онтр>р<еволюционной> повстанческой организации, существовавшей в г. Томске, имевшей своей целью свержение Соввласти путём вооружённого восстания в момент нападения иностранных государств на СССР и восстановление монархии.

Одновременно высказывал террористические настроения против руководителей ВКП(б) и Совправительства.

На основании изложенного, гр-н Шпет Г.Г. подлежит немедленному аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-2-10-11 УК.

Арест согласовать с горпрокурором.

Нач. 4 отд. 3 отд. УГБ УНКВД по ЗСК лейтенант Госбезопасности Великанов

Горпрокурор – Николай Лаврентьевич Пилюшенко (1897–?). В 1938–1939 находился в тюрьме по обвинению в троцкизме, освобождён.

Иван Васильевич *Овчинников* (1898–1941) – капитан госбезопасности; в 1936–1938 начальник томского городского отдела НКВД по Западно-Сибирскому краю (при его управлении в Томске расстреляно около 3850 человек), в 1938–1939 начальник управления дорожного строительства Дальнего Севера. За акции 1937 награждён орденом Ленина, в 1939 арестован, в 1940 приговорён к 10 годам лагерей; расстрелян.

...показаниями *Петровского М.А.* ~ *совправительства.* – Дело оформили на фальсифицированных «показаниях» М.А. Петровского, Шпету не предъявленных.

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевики).

3 отдел УГБ занимался контрразведкой (выдуманная в НКВД «кадетско-монархическая повстанческая организация» «Союз спасения России», в которую якобы входил Шпет, будто бы возглавлялась международным «Русским общевоинским союзом»; по этому делу было арестовано 2257 человек); его *4 отделение* специализировалось на преследовании монархистов и бывших кадетов (конституционных демократов).

Николай Сергеевич *Великанов* (1905–1981) в 1938–1941 служил в АССР немцев Поволжья, став заместителем народного комиссара НКВД республики; в 1949–1954 начальник МВД по Томской обл., в 1954 председатель томского КГБ, в 1954–1958 заместитель председателя КГБ Латвии. Признан в фальсификации дел на 520 человек, затем расстрелянных. Погиб в автокатастрофе.

Томск. Управление НКВД. Современный вид здания

Н.С. Великанов

С. С. С. Р.
Управление НКВД по ЗСК
Управление Государственной Безопасности
Томского горотдела НКВД

Ордер № –

Выдан 27.X.1937 г.

Действителен 2 суток.

Сотруднику –

Тов. –

Вам поручается произвести обыск и арест

Гр-н Шпет Густава Густавовича

Проживающего –

Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Нач. Томского Г.О. НКВД Овчинников
Секретарь <подписи нет>

Протокол обыска

1937 года октября 27 дня. Я, сотрудник Томского гор. отдела НКВД –
на основании ордера Г.О. произвёл обыск у гр. Шпет Густава Густ., проживающего в
г. Томске по пер. Колпашев., дом № 9, кв. № 2.

При производстве обыска присутствовали гр. гр. –

Согласно полученных указаний задержаны гр. гр. Шпет Г.Г.

Изъято для предъявления в Томский НКВД следующее:

Опись вещей, ценностей и документов:

1. Удостоверение гор. отд. НКВД № 4356/327 от 26.I.37 г.

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу вещей, ценностей и документов не заявлено.

Шпет.

В протоколе всё записано правильно, таковой нам прочитан, в чём подписываемся.

Председатель домоуправления (в сельских местностях председатель
сельского Совета) –

Производивший обыск –

Копию протокола получил –

Удостоверение (взамен паспорта)

С. С. С. Р.

Народный Комиссариат
Внутренних Дел
Управление НКВД
по Забсибкраю
Томский Горотдел

26 января 1937 г.
№ 4356/327

г. Томск

Дано административно

ССЫЛЬНОМУ

ВЫСЛАННОМУ

Шпет Густаву Густавовичу в том, что он состоит на учёте в Томском Горотделе Н.К.В.Д. и обязан проживать в г. Томске без права выезда за пределы указанного пункта.

Обязан явкой на регистрацию в Томский Горотдел Н.К.В.Д. ежемесячно каждого 5 – 25 числа.

При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение недействительно.

Нач. Г.О. <подпись>

Последняя отметка 25 октября 1937.

М.К. Поливанов

Хотя мы всегда знали, что дело липовое, что дело ни на чём не основано, но потрясает, насколько спустя рукава это делалось. Например: ведь Густав Густавович здесь жил два года, у Густава Густавовича здесь были рукописи, переписка, книжки, – ну хотя бы для виду, ну хотя бы для того, чтобы перед каким-то начальством оправдаться – ну сгребли всё это в мешок, принеси, потом уничтожь, – нет, изъят при обыске один-единственный документ, и он там указан – это справка ссыльно-административного поселенца Г.Г. Шпета, которая должна отмечаться два раза в месяц в комендатуре НКВД.

С.В. Виленчик. Воспоминания о Г.Г. Шпете

27 октября 1937 г. за ним пришли, и он спокойно ушёл, ничего не сказал.

Томск. Тюремный коридор

Анкета арестованного

1. Фамилия. – Шпет;
2. Имя и отчество. – Густав Густавович;
3. Дата рождения. – 8.IV.1879 г.;
4. Место рождения. – г. Киев;
5. Место жительства (адрес). – Томск – Колпашевский пер., № 9. Прибыл из г. Енисейска в ссылку;
6. Профессия и специальность. – Научный работник;
7. Служит в – работает по договорам; в должности – б/профессор;
8. Паспорт выдан – нет; каким органом – нет; категория – нет; прописан в – нет;
9. Социальное положение (род занятий и имущественное положение арестованного). – Служащий, неимущий;
10. Социальное происхождение (род занятий родителей и их имущественное положение). – Из податного сословия;
 - а) до революции – неимущий;
 - б) после революции – неимущий;
11. Образование (общее и специальное). – Киевский университет;
12. Партийность (в прошлом и настоящем). – Б/п, не состоял;
13. Национальность и гражданство (подданство). – Русский. С.С.С.Р.;
14. Категория воинского учёта-запаса и где состоит на учёте. – Не состоял;
15. Служба в белых и других контрреволюционных армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого). – Не служил;
16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. – В 1935 г. О.Г.П.У. административно выслан по ст. 58, п. 10 и 11 на 5 лет;
17. Состав семьи (близкие, родственники, их имена, фамилии, адрес и род занятий). – Жена Шпет Наталья Константиновна, 45, машинистка на дому, г. Москва;

сын Сергей 18 л., учится;
дочь Шпет Ленора, 33 г., не знает;
дочь Поливанова Маргарита, 29, д/х;
дочь Татьяна, 23 л., не знает;
дочь Марина, 20 л., дом. раб.

Подпись арестованного: Шпет

1. Особые внешние приметы. – Нет.
2. Арестован Томским НКВД 27.X.1937 г.
3. Содержится под стражей в – нет.
4. Особые замечания. – Нет.

Подпись сотрудника, заполнившего анкету: <подпись>

27.X.1937 г.

8.IV.1879 г. – День рождения Шпета – 7 апреля.

Б/ - бывший.

Б/п – беспартийный

Д/х – домохозяйка

Марина, 20 л. – Шпет убавил год Марине.

М. Г. Шторх

28-го пришла страшная телеграмма: «Вышлите шапку». Это означало арест отца. Так было условлено с Виленчиками. Через день-два пришло письмо от папы. А ещё через несколько дней последнее письмо, которое осталось лежать на столе после обыска, – отправленное уже Виленчиками.

Шапка Г.Г. Шпета

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Гор. Томск. 1937 г. октября 27 дня

Я, начальник 4 отделения 3 отдела УГБ УНКВД по Запсибкраю, рассмотрев следственный материал по делу и приняв во внимание, что гр. Шпет Густав Густавович, адмссылный, достаточно изобличается в том, что является участником офицерской кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации, существующей в г. Томске, имевшей своей целью свержение Соввласти путём вооружённого восстания в момент нападения иностранных государств на СССР и восстановление монархии. Одновременно высказывал террористические настроения против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства.

Постановил: гр. Шпет Г.Г. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-2-10-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в местах заключения, подведомственным органам НКВД.

Нач. 4 отд. 3 отд. УГБ НКВД лейтенант госбезопасности Великанов

Настоящее постановление мне объявлено. 1.XI.37 г.

Подпись обвиняемого: Шпет

С. С. С. Р.
Управление Государственной Безопасности
УНКВД по Запсибкраю
Томский Г.О. НКВД

Протокол допроса
к делу № 12301

1937 г. ноября месяца 1 дня. Я, сотрудник УГБ УНКВД Казанцев, допросил в качестве обвиняемого:

1. Фамилия. – Шпет;
2. Имя, отчество. – Густав Густавович;
3. Дата рождения. – 1879 г.;
4. Место рождения. – г. Киев;
5. Место жительства. – г. Томск. Колпашевский переулок 9-2;
6. Национальность и гражданство (подданство). – Русский, гр. СССР;
7. Паспорт. – Нет;
8. Род занятий. – Научный работник;
9. Социальное происхождение. – Потомственный дворянин;
10. Социальное положение до революции – потомственный дворянин; после революции – то же самое;
11. Состав семьи. – Жена Шпет Наталья Константиновна 45 лет, проживает г. Москва, дочь Винора <так> Шпет 33 лет, проживает г. Москва, работает <нрзб>, дочь Поливанова Маргарита 29 лет, домашняя хозяйка, проживает г. Москва, Ст.-Конюшенный переулок № 45, дочь Татьяна Шпет 23 лет, проживает г. Москва, Брюсовский переулок № 17, работает в редакции литературной газеты, сын Шпет Сергей 18, учащийся, проживает Москва Брюсо<вс>кий переулок № 17; дочь Марина Шток <так>, 21 год, проживает г. Москва, Брюсовский переулок № 17;
12. Образование. – Высшее;
13. Партийность (в прошлом и настоящем). – Б/п;
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
 - а) до революции – нет;
 - б) после революции – В 1935 г. за контрреволюционную деятельность органами НКВД осуждён по ст. 58-10-11 УК на 5 лет и выслан из г. Москвы в г. Томск;
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при Соввласти. – Не имею;
16. Категория воинского учёта-запаса и где состоит на учёте. – Не состоит;
17. Служба в Красной Армии (Красной гвардии, в партизанских отрядах), когда и в качестве кого. – Не служил;
18. Служба в белых и других контр-революционных армиях, (когда, в качестве кого). – Не служил;
19. Участие в бандах, контрреволюционных организациях и восстаниях. – Не участвовал.
20. Сведения об общественно-политической деятельности. – Нет.

Шпет

Показания обвиняемого, свидетеля

На заданные вопросы показал следующее:

1. *Вопрос.* С какого времени проживаете в г. Томске?

Ответ. С декабря 1935 г., с момента высылки из г. Москвы.

2. *Вопрос.* Чем занимаетесь в г. Томске?

Ответ. Научной работой по договорам с издательствами.

3. *Вопрос.* Чем занимались в г. Москве?

Ответ. Литературной работой и переводами.

4. *Вопрос.* Сколько знакомых, где живут, чем занимаются?

Ответ. Имею следующих знакомых:

1) Петровский Михаил Александрович, в 1935 г. осуждён по ст. 58-10-11 УК и выслан из г. Москвы в г. Томск;

2) Приторожский Юрий Михайлович, за контрреволюционную деятельность высланный из г. Москвы в г. Томск;

3) Протопопов Христофор Иванович, за контрреволюционную деятельность <...> *

4) Карташёв <так> Николай Иванович, профессор, работает в транспортном институте.

5. *Вопрос.* Сколько родственников? Где живут и чем занимаются?

Ответ. Сестра моей жены Френкель Ольга Константиновна, проживает в г. Москве. Больше родственников не имею.

Протокол подписан: Шпет

Сотрудник УГБ УНКВД Казанцев

Кузьма Георгиевич *Казанцев* (1906–?) – в 1936–1939 оперуполномоченный. Автор фальсифицированных показаний Шпета. Уволен за профнепригодность.

...потомственный дворянин; после революции – то же самое... – В 1917 дворянство ликвидировалось декретом советской власти «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

Каким репрессиям ~ до революции... – нет... – Шпет не упомянул о заключении в тюрьму в 1899 и 1903.

Приторожский Юрий – Пригоровский Георгий.

Френкель Ольга Константиновна – надо: Френкина (урожд. Гучкова). Следователь механически вписал известную ему фамилию начальника управления байкало-амурских лагерей Н.А. Френкеля.

Из фальсифицированных показаний Шпета

В контрреволюционную монархическую организацию я вошёл в конце 1936 г. Завербовал меня Петровский, сын коллежского асессора.

...С Петровским М.А. я знаком по совместной работе в ТГУ. Он работал учёным библиографом, а я научным сотрудником. ...Петровский часто бывал в моей квартире, и мы за чашкой чая проводили контрреволюционные разговоры.

...По заданию монархической организации я проводил контрреволюционную агитацию среди рабочих и служащих ТГУ, я резко выступал против Стахановского движения, я говорил рабочим: «низкая оплачиваемость и высокие нормы выработки это результат Стахановского движения»; я говорил, что «Стахановское движение – это утончённые методы эксплуатации, придуманные коммунистами». Я высказывал террористические настроения против руководителей Партии и Правительства. Я говорил, что «скоро настанет время, когда мы будем уничтожать коммунистов и весь актив и я сам лично буду их давить, как мух».

Кроме того, работая научным работником, я среди студентов систематически проводил фашистскую агитацию, выставляя политику Гитлера и Муссолини <так>, и при каждом удобном моменте протаскивал монархические идеи среди студентов, стараясь воспитать их в монархическом духе.

* Пробелы вызваны сведением воедино конспектов М.К. Поливанова и М.Г. Шторх.

Наряду с этим я распространял контрреволюционную пораженческую агитацию среди населения г. Томска, я говорил, что Советская власть скоро будет свергнута и большевики потерпят крах, что к власти придёт Япония...

...В момент восстания я как профессор должен был организовать выпуск контрреволюционной повстанческой литературы...

Коллежский асессор – гражданский чин VIII класса «Табели о рангах» с правом на личное (без передачи сыну) дворянство.

...*учёным библиографом*... – М.А. Петровский работал библиографом научной библиотеки университета.

М.К. Поливанов

Значит, что очень характерно для подписи Шпета? Почерк жёсткий, твёрдый, не очень разборчивый... У него был вообще писчий спазм, и, когда он брал твёрдо в руки ручку, у него немножко дрожали пальцы... – с такой вот мелкой-мелкой дрожью, которой не подделаешь. Вот этот самый тремор определённо виден на протоколе первого допроса, и он совершенно отсутствует на протоколе второго, то есть вместо прямых линий появляются какие-то округлые, никакого тремора – округлая, неуверенная, скользкая линия... и я, и Марина Густавовна одновременно сказали: это не подпись Густава Густавовича! Из чего я делаю печальное на самом деле заключение, а может быть, и хорошее: что второго допроса, вероятно, ему даже не показывали... потому что дальше его подпись появляется только на одном документе... это, когда закончено следствие, тебе дают познакомиться с материалами следствия в соответствии с какой-то статьёй и подписать, что ты ознакомлен с материалами следствия. Там фразы, что Шпет ознакомлен с материалами следствия, нету... И опять та же самая жёсткая, немного дрожащая, плохо прописанная, потому что плохая бумага, плохая ручка, – подпись: Шпет.

Протокол

1937 г. ноября 2 дня сотрудник УГБ УНКВД обвиняемому Шпет Г.Г. объявил, что следствие по его делу закончено, спросил его, что он может дополнить следствию по существу дела. На это обвиняемый Шпет заявил: дополнений к следствию не имеет.

Шпет

2 ноября расстреляли Г.А. Зуккау.

Выписка из протокола № 60/1

заседания Тройки Управления НКВД Новосибирской области от 9 ноября 1937 г.

Слушали:

44. Дело № 12301.

Томский Г.О. НКВД.

Шпет Густав Густавович, 1879 г. рожд.,

урожд. г. Киева, потомственный дворянин, судим.

Обвиняется в контрреволюционной

кадетско-монархической повстанческой деятельности.

Выписка верна.

Постановили:

Шпет Густава Густавовича
расстрелять.

Лично принадлежащее ему
имущество конфисковать.

Инспектор 8 отдела УГБ УНКВД по Новосибирской обл. <подпись>

...*Новосибирской области*... – В 1937–1944 Томск входил в Новосибирскую область.

8 отдел УГБ – учётно-регистрационный.

10 ноября расстреляли М.А. Петровского и Х.И. Протопопова, 16-го – заведующего музеем Томского университета Михаила Тимофеевича Маркелова.

Выписка из акта № 36

Постановление Тройки УНКВД НСО от 9 ноября 1937 г. о *расстреле* Шпет Густава Густавовича приведено в исполнение 16 ноября 1937 г. в « » часов.

Верно: <подпись>
Сотрудник <нрзб> штаба <подпись>

НСО – Новосибирская область.

М.К. Поливанов о разговоре с офицером КГБ

Я говорю: «Вы не можете мне пояснить, в чём разница между Особым совещанием и Тройкой?..» «Ну видите ль, – говорит, – Особое совещание это всё-таки ж некоторое подобие судебной инстанции. Конечно, – говорит, – они судили так же, полностью... Это собиралось некоторое совещание, ему докладывалось, и они решали. А Тройка НКВД это, – говорит, – что? Это первый секретарь обкома, это руководитель областного КГБ и представитель прокуратуры. И они, – говорит, – могли даже не собираться, они часто в рабочем порядке подписывали эти бумаги.

Первым секретарём Новосибирского областного комитета ВКП(б) был Р.И. Эйхе, 10 ноября 1937 (на следующий день после подписания расстрельного списка с именем Шпета) отбывший на пост народного комиссара земледелия, начальником областного управления НКВД – старший майор государственной безопасности Г.Ф. Горбач, прокурором Новосибирской области – И.И. Барков. Первые двое расстреляны, третий застрелился.

5 декабря расстреляли профессоров С.В. Мясоедова, Г.М. Пригоровского и Александра Ивановича Туткевича, почвовед.

Томск. Ров на горе Каштак.
Современный вид

И.В. Овчинников. Показания в НКВД 1939

...Безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.

...Я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их я по той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и точное выполнение директив УНКВД, я не имел... Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же «другие времена, другие песни».

...Я был поражён установками на размеры операции, на упрощённый порядок следствия... думал, что раз Москва требует – значит, так надо; значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов – это не только нарком НКВД, это для меня был, прежде всего, секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал, прежде всего, как ссылки на указания ЦК ВКП(б).

...бытие определяет сознание... «Лес рубят, щепки летят».

Николай Иванович *Ежов* (1895–1940) – в 1935–1938 народный комиссар внутренних дел, в 1938–1939 народный комиссар водного транспорта; расстрелян.

Эпидлог

УРСОПП _____
Оперсектор _____
Гор. Район/деление _____
РУП _____

*Сборник статей
Меч и А.В. Шпет*

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 174496

А/С — А/В *Шпет*
Густав Шпет

Начато _____ 193 ____ г.
Окончено _____ 193 ____ г.
На _____ листах

По документам и слухам Шпет ещё жил.

Наталья Константиновна ежемесячно отправляла в томскую тюрьму посылки или денежные переводы, которые не возвращались. В 1938 она на всякий случай послала деньги и в Новосибирск, откуда ответили, что «перевод телеграфный» за № 748/5 на 100 р. от 13/2 с<его> г<ода> Новосибирск тюрьма заключённому Шпету выплачен 14/2 с<его> г<ода> тюрьме путём перечисления на т<екущий> счёт 21509». В томском отделе НКВД сказали, что Шпет приговорён к 10 годам строгого режима без права переписки.

Н.К. Шпет

28 марта 1938 г.
ЦК ВКП(б).

Шпет Наталья Константиновна,
Брюсовский пер. 17, кв. 16, тел. К-3-13-41.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я долго колебалась, имею ли я право на Ваше внимание и пришла к заключению, что имею.

Мой муж, профессор Шпет Г.Г., один из самых учёных и культурных людей во всём СССР, лишён возможности принимать участие в культурном строительстве. Это приводит меня в отчаяние!

Последние годы он работал над Шекспиром и сделал интересные открытия, *неизвестные даже в Англии. Он знает 19 языков!* Был кандидатом в Академию наук. Выполнял труднейшую работу, от которой отказались московские учёные (перевод «Феноменологии духа» Гегеля). У него *намечен план «Истории художественного театра им. А. М. Горького»* в 9 томах, где он сопоставляет наши огромные достижения с театром Запада. К.С. Станиславский хотел организовать театральную академию и обратился к Густаву Густавовичу, который мог бы её сделать образцом для всей Европы.

Такой человек *нужен* нашей стране! Он *честный* работник, на слово которого можно *положиться, он не изменит, и его не подкупишь!* Я прожила с ним 24 года, знаю его *преданность Советской власти* и не могу больше молчать об этом. Он с энтузиазмом приветствовал революцию, всегда с глубокой внутренней *ненавистью относился к фашизму*, чуждому ему по духу и с увлечением вновь примется за работу. По *литературе, искусству, театру, педагогике, лингвистике* и по всем этим отраслям науки более полезного человека найти трудно.

Густав Густавович сын швеи, родился в 1879 г. в Киеве (его фамилия украинская – «шпетить», т.е. насмехаться), вырос он в бедности, своими силами добился профессоры, читал лекции по логике, психологии и изучал философию, – некоторые считали его философию идеалистической, но много лет назад он всецело переключился на литературную работу (Шекспир, Диккенс, Байрон и т.д.), до 17 года был арестован 2 раза царским правительством, но... может

быть эти подробности не важны, а важно только то, чтобы Вы поверили мне! *Почувствуйте* в моих словах *правду!* Я отвечаю за него и за каждое моё слово! Он был и будет верен Советской власти, и он нужен нашей стране.

Вынужденный жить в Томске последние 3 года, Густав Густавович много раз порывался написать Вам, но не считал себя вправе обращаться к Вам, потому что он не был обречён на бездеятельность – переводил Гегеля по поручению московского издательства.

Густав Густавович пробыл уже 3 года в ссылке, ему 60 лет. Я знаю, что Вам не безразлична участь каждого гражданина и очень, очень прошу Вас помочь мне в моих попытках восстановить справедливость, дать Густаву Густавовичу *возможность работать и вернуть его в семью* (у него 5 человек детей и 4 внука), к нормальным условиям жизни как можно скорее, так как *здоровье его в очень плохом состоянии* (он признан пожизненным инвалидом с 29 г., у него язва желудка, сильный склероз мозга и сердца и т.д.) и я *очень боюсь за его жизнь*.

27.Ш.38 г.

Н. Шпет

Справка: Г.Г. Шпет был арестован в Москве в 1935 г. 14 марта, и выслан на 5 лет на вольное поселение по статье 58-10-11. Следствие признало его участие в «группе», состоящей из 4-х филологов, из которых 3 высланы и 1 на свободе. Включение его в эту группу вызвало в нём прямое недоумение, тем более что близко знаком он был только с тем, который на свободе, а с двумя другими едва знаком. Я слишком хорошо знаю и имею право утверждать, что ни в каких антисоветских действиях он никогда не участвовал и ни в какие антисоветские организации или группы не входил и по своим убеждениям входить не мог.

Вторично арестован 27 октября 37 г. в Томске, где он жил *абсолютно замкнуто и безвыходно работал* над Гегелем, который будет скоро издан. С 27 октября ничего о нём не знаю и лишена возможности передать ему челюсти, без которых, при язве желудка, ему трудно обходиться.

Н. Шпет

...60 лет. – 7 апреля 1938 Шпету исполнилось бы 59.

...над Гегелем, который будет скоро издан. – «Феноменологию духа» издали в 1959 в собрании сочинений Гегеля.

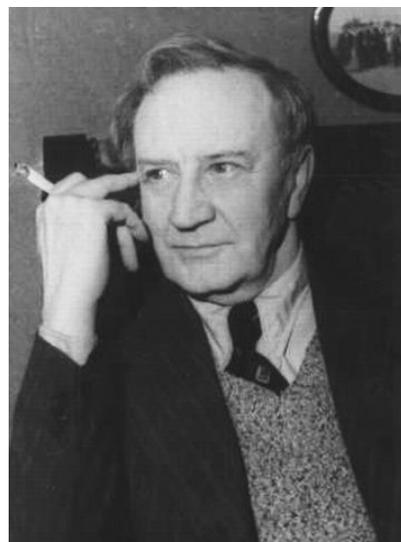

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Решаемся обратиться к Вам по поводу нашего близкого друга, судьба которого очень сильно беспокоит нас.

Профессор Густав Густавович Шпет был арестован 14 марта 1935 г. и осуждён на 5 лет вольного поселения. Но 27 октября 37 г. он был вновь арестован в г. Томске, и с тех пор о нём решительно ничего неизвестно, хотя родные много раз пытались узнать о его судьбе.

За время пребывания в Томске он не прерывал своих научно-литературных работ. Помимо целого ряда превосходных стихотворных переводов классиков, им переведён (по договору с Соцэргизом) труд Гегеля «Феноменология духа», от перевода которого отказались крупные учёные и который до сих пор на русский язык переведён не был. Качество перевода получило высокую оценку специалистов.

В.И. Качалов

Мы и его друзья по МХАТу и в те годы болезненно переживали его ссылку, но доверие к советскому правосудию с одной стороны, а с другой – сознание, что там всё же он работает (хотя и не в полную меру своих огромных возможностей) – заставляли нас мириться с этим.

Мы не можем себе представить, за что мог быть арестован человек, 2 ½ года живший в полном уединении, погружённый в свою работу. Но, теперь, когда положение его изменилось к худшему, нам совершенно ясно, что в 60 лет при общем нервном состоянии и язве желудка условия лагерной жизни равносильны для него высшей мере наказания, к которой он, по нашему глубокому убеждению, советской властью не мог быть приговорён.

Мы сознаём всю ответственность нашего обращения к Вам, но мы беспокоим Вас просьбою не только о близком и дорогом нам человеке, – мы считали бы недостойным малодушием не указать Вам на возможную ошибку, допущенную по отношению к человеку, которого мы считаем честным советским гражданином и который своими исключительными знаниями может быть чрезвычайно полезен нашей родине. Г.Г. Шпет один из лучших специалистов по Шекспиру, знает 19 языков, был кандидатом в Академию наук, большой и тонкий знаток театрального искусства – мы сами и покойный К.С. Станиславский неоднократно прибегали к его советам.

Обеспокоенные тем, что его семья до сих пор не знает, жив ли он – мы решаемся обратиться к Вам с величайшей просьбой о разрешении переписки, о срочном расследовании дела Г.Г. Шпета и, если это возможно, о полной реабилитации его.

Народный артист СССР В. Качалов

...труд Гегеля «Феноменология духа» ~ переведён не был. – В 1913 вышел перевод под редакцией Э.Л. Радлова.

Протокол допроса
свидетеля Виленчика Вульфа Лейбовича
от 23 апреля 1940 г.

...Вопрос. Были ли у вас личные счёты со Шпетом?

Ответ. Личных счётов у меня с Шпет не было и нет.

Вопрос. Кто Шпет и откуда прибыл?

Ответ. Шпет был переведён из Енисейска как ссыльный. О прошлом рассказать ничего не могу.

Вопрос. Что знаете о трудовой деятельности Шпет?

Ответ. Проживая в г. Томске, Шпет работал только у себя на квартире, в учреждениях г. Томска нигде не работал. Шпет работал по договорам с издательствами, которые получал из Москвы книги, которые он их переводил на русский язык. Затем он их отсылал обратно в Москву и оттуда получал деньги. Больше о трудовой деятельности Шпет я рассказать ничего не могу.

Вопрос. Кто, когда и зачем приезжал из Москвы к Шпету?

В.Л. Виленчик

Ответ. Числа и месяца я сейчас не помню, но хорошо помню, что в 36–37 гг. из Москвы к Шпету приезжали его жена и дети, и больше к нему <так> из г. Москвы и вообще из других городов никто не приезжал.

Вопрос. Когда и в какое время уходил из своей квартиры?

Ответ. Шпет почти из своей квартиры никогда и никуда не ходил, жил замкнуто, когда я его спрашивал, почему не ходите в театр или кино, Шпет мне отвечал, что ему это всё неинтересно, потому что сам писатель, пишу об этом.

Вопрос. Кто приходил на квартиру?

Ответ. За всё время на квартиру приходил раза два-три врач Протопопов, больше никто.

Вопрос. Какое у Шпета было отношение к Советской власти и какие вы слышали разговоры?

Ответ. В отношении враждебных проявлений со стороны Шпета я рассказать об этом ничего не могу, со стороны Шпета никаких враждебностей не замечал и не слышал.

Вопрос. Приходил ли Петровский?

Ответ. Рассказать об этом ничего не могу, т.к. я не видал.

Вопрос. Что можете дополнить?

Ответ. Ничего, всё, что знал, рассказал.

Протокол подписан: Виленчик
Сотрудник УГБ УНКВД <подпись>

...больше ~ никто не приезжал. – Виленчик скрыл о приездах Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной.

М.К. Поливанов

В 40-м году проводится внимательная проверка всего дела, вызываются дополнительные свидетели. В качестве свидетеля вызывается профессор Карташов. И Владимир Львович Виленчик и его жена. Про остальных говорится, что других свидетелей найти не удалось... Им задаются вопросы: «Что вы можете рассказать о связях Шпета, с кем он встречался, и что вы можете рассказать об антисоветских высказываниях Шпета?» Каждый раз ответы даются однозначные, скупые и отрицательные. Карташов говорит, что – «насколько мне известно, Шпет жил очень замкнуто, работал дома... со мною виделся редко, бывал у меня, но крайне редко. Я у него» – не помню, то ли бывал, то ли не бывал, по-моему – «не бывал. Что касается Петровского, то да – насколько мне известно, Петровский у него не бывал, но у меня он с Петровским встречался изредка». «Ещё кого можете назвать?» «Вот доктор официально – Протопопов, который навещал время от времени Шпета и следил за его здоровьем». По поводу антисоветских высказываний... ответ Карташова звучит так: «Мы никогда не говорили со Шпетом на политические темы. Я никогда не слышал от него антисоветских высказываний».

С.М. Голицын. Записки уцелевшего

По словам моего знакомого – профессора Алексея Владимировича Чичерина, – племянника наркома и тоже в своё время сидевшего, Шпета видели перед войной на Енисее на сплаве леса. Вместе с другими зеками он стоял по колено в воде и вытаскивал багром бревна из воды.

Когда-нибудь в XXI веке некий книголюб разыщет сочинения Шпета, постигнет его мудрую философию, поклонится перед нею и сумеет объяснить её суть будущим поколениям.

Чичерин Алексей Владимирович (1900–1989) – литературовед.

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – музыковед; в 1918–1930 народный комиссар иностранных дел РСФСР (СССР).

В 1956 семья Шпета получила справку прокуратуры Томской области о реабилитации «за недоказанностью состава преступления» и свидетельство о смерти 23 марта 1940 от воспаления лёгких.

РСФСР *Республика*

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ЭК № 069725

Гр. *Шпет*
Тучаев Тучаев
(фамилия, имя, отчество)

умер (ла) *23-го 1940 года в возрасте шестидесяти лет*
(число, месяц, год) (происхождением)

возраст *61 год*
(цифрами года, месяца и числа)

Причина смерти *воспаление легких*

о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
19*55* года *октябрь* месяца *12* числа
произведена соответствующая запись за № *1733*

Место смерти: город, селение *Томск*

район *Томская* область, край,
республика *РСФСР*

Место регистрации: *Томск*
(наименование и местонахождение бюро ЗАГС)

Дата выдачи *21 "апреля" 1990 г.*
Задающий бюро записей актов гражданского состояния

Ильинский

Гознак. 1950.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (на) *Шпет*
Тучаев Тучаев
(фамилия, имя, отчество)

умер (ла) *16 ноября 1937 года*
(число, месяц, год)

Полная девятилет
(грамми и пропись)
тридцать седьмого года

в возрасте _____ лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 *90* года *апрель* месяца *10* числа
произведена запись за № *7*

Причина смерти *Рассстрел*

Место смерти: город, селение
район *Томск*
область, край
республика *РСФСР*

Место регистрации *гор. Томск*
(наименование и местонахождение органа ЗАГС)
Советский отдел ЗАГС

Дата выдачи *28 "августа" 1990 г.*
М. п. Задающий отдел (бюро) записей актов гражданского состояния
В. Илья-

I-OM № 457004

В 1989 историк Б.П. Тренин по материалам томского дела выяснил судьбу Шпета. В Томск приехали его дочь М.Г. Шторх и его внук М.К. Поливанов. Вольный гуманитарный семинар (председатель Б.Н. Пойзнер и др.) организовал траурное богослужение в лютеранской общине, прикрепил мемориальную доску на доме, где жил Шпет, устроил вечер его памяти в научной библиотеке ТГУ.

В 1990 семья Шпета получила подлинное свидетельство о смерти, а в 1992 прокуратура Томской области выдала справку о реабилитации Шпета «за отсутствием состава преступления».

В 1991, 1996, 1999, 2002, 2008 философский факультет ТГУ провёл пять международных Шпетовских конференций с последующим изданием сборников (организатор О.Г. Мазаева).

В 1995 в томском издательстве «Водолей» (издатель Е.А. Кольчужкин) вышла книга «Шпет в Сибири: ссылка и гибель» (составители М.К. Поливанов, Н.В. Серебренников, М.Г. Шторх) с публикацией перевода поэмы Теннисона «Энох Арден», писем Шпета, документов 1935–1958 и воспоминаний М.Г. Шторх и С.В. Виленчик.

В 1996 там же издана монография Шпета «Явление и смысл» с позднейшими поправками автора и послесловием Е.В. Борисова.

В 2002 украденную металлическую мемориальную доску на доме № 9 по ул. Рузского заменили на марморную (организатор О.Г. Мазаева).

В 2008 благодаря М.Г. Шторх в литературном музее при томском Доме искусств открылась постоянная экспозиция, посвящённая Шпету.

В 2010 венгерское телевидение отчасти на томском материале сняло полнометражный фильм о судьбе Шпета «Палимпсест» (автор Я. Домокош).

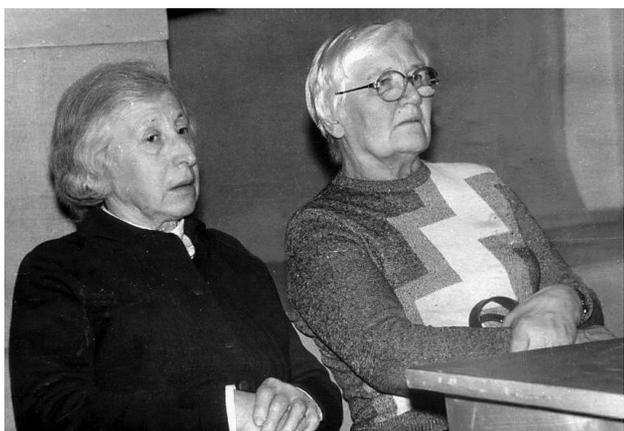
В 2012 московский телеканал «Культура» снял полнометражный фильм «Дочь философа Шпета»; сибирскому периоду жизни Шпета посвящена 4-я часть (автор Е.Л. Якович).

Открытие мемориальной доски Г.Г. Шпету.
Томск, 16 ноября 1989.
Н.В. Серебренников и М.Г. Шторх

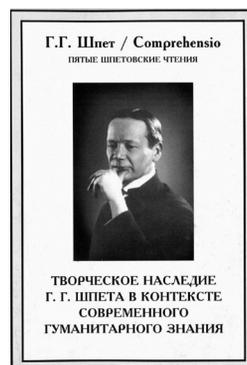
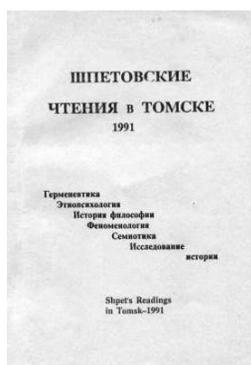
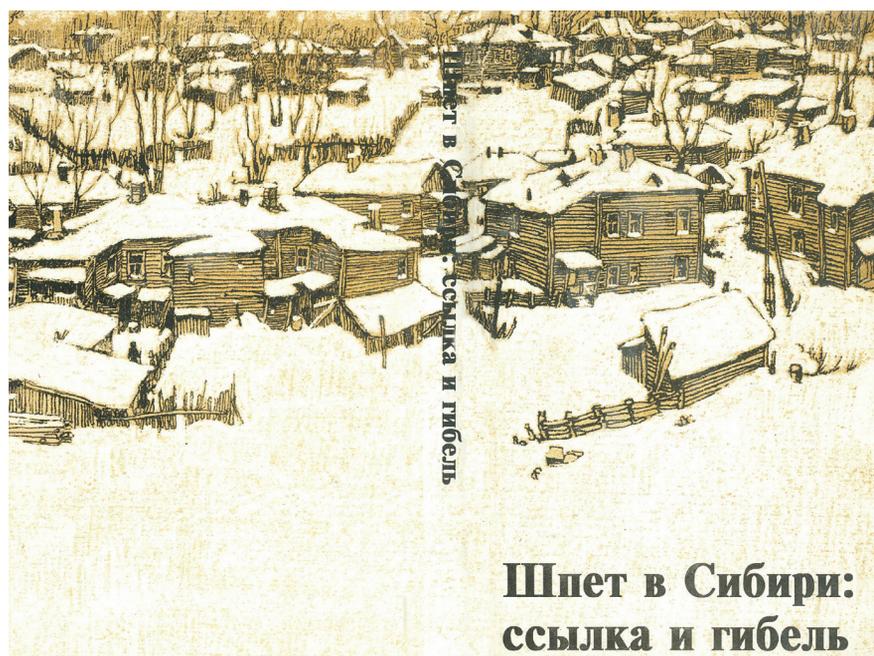
М.К. Поливанов

С.В. Виленчик и М.Г. Шторх

С.В. Виленчик и М.Г. Шторх
у входа в дом № 9 по пер. Рузского

Г.Г. Шпет. Внутренняя форма слова

Сама смерть, раз она фигурирует в качестве аргумента, имеет разное значение применительно к антропологическому индивиду и социальному объекту: физическая смерть первого ещё не означает смерти его как социального субъекта. Последний живёт, пока не исчезло какое бы то ни было свидетельство его творчества.

Томск. Дом искусств: ул. Шишкова, 10

Уголок Г.Г. Шпета в литературном музее при Доме искусств

Кадр из фильма «Палимпсест»

М.Г. Шторх в фильме «Дочь философа Шпета»

Список иллюстраций

Обложка. – Фрагмент рисунка П.Е. Пастернака.
Г.Г. Шпет. 1926. – Семейный архив Г.Г. Шпета.

1879 – первая половина 1935

- С. 5. – Киево-Печерская лавра.
Г.Г. Шпет. 1926. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Москва. Лубянская площадь.
- С. 6. – М.И. Шпетт. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Родовой герб Шпеттов. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Наперсток М.И. Шпетт. – Литературный музей Томска.
Посвящение Марцелине Иосифовне Шпет в «Очерке развития русской философии» (1922).
- С. 7. – Густав Шпетт. 1880. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Густав Шпетт. 1881. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
М.И. Шпетт и гимназист Густав. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Густав Шпетт, гимназист. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 8. – Г.Г. Шпетт. 1899. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт в тюрьме (вверху справа). 1899. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт. 1900. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Л. Вольфманн. Система морального сознания в связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму. Перевод В. Михайлова и Г. Шпетта. СПб., 1901.
- С. 9. – М.А. Крестовоздвиженская. 1904. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
М.А. Крестовоздвиженская. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Мария Крестовская в спектакле «Бесприданница» А.Н. Островского. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Мария Крестовская в спектакле «На дне» М. Горького. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 10. – Г.Г. Шпетт. 1902. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Киев. Университет.
Киев. Памятник св. Владимиру.
Киев. Крещатик.
Генрих Риккерт. Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания. Перевод Г. Шпетта. К., 1904.
Иосиф Дицген. Теория познания в свете марксизма. Перевод В. Будзилевича под редакцией Г. Шпетта. К., 1907.
- С. 11. – Киев. Фундуклевская гимназия.
Г.Г. Шпетт в кабинете. 1905-1906. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
А.А. Горенко, гимназистка.
- С. 12. – Г.Г. Шпетт. 1905-1906. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт. 1905-1906. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт и Г.И. Челпанов. 1910. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Ленора и Маргарита. 1911. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Маргарита и Ленора. 1912. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 13. – Москва. Народный университет им. А.Л. Шанявского.
Москва. Высшие женские курсы.
Москва. Педагогические курсы.
Москва. Елизаветинский институт.
Москва.
Андрей Белый. 1912.
- С. 14. – Г.Г. Шпетт. 1908. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
С.А. Есенин и А.М. Кожеваткин. 1918-1919.
Медальон с фотографией Г.Г. Шпетта (ширина 1,5 см). – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт среди курсисток Елизаветинского института. 1909. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 15. – Г.Г. Шпетт в кабинете. Дневная работа. Портреты Ф.М. Достоевского, Ю. Словацкого, А. Мицкевича, на полке портрет Ф. Ницше. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт в кабинете. Ночная работа. Портреты Г. Ибсена, П.А. Кропоткина, Ф.М. Достоевского, над столом картина Ж.Л. Жероме «Данте». – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Маргарита, Ленора и Г.Г. Шпетт. 1910. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
А. Бинэ. Современные идеи о детях. Перевод под редакцией Г. Шпетта. М., 1910.
П. Натопт. Философия как основа педагогики. Перевод с предисловием Г. Шпетта. М., 1910.
- С. 16. – Г.Г. Шпетт. Берлин, 1912. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Эдинбург. Национальная библиотека Шотландии. Современный вид. – <http://www.edinburghguide.com/venue/nationallibraryofscotland>.
Париж. Университет. Современный вид. – <http://news.vanderbilt.edu/2011/11/sorbonne-vanderbilt-conference/>.
Берлин. Королевская библиотека. Современный вид. – [http://ru.wikipedia.org/wiki/Старая_библиотека_\(Берлин\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Старая_библиотека_(Берлин)).
Гёттинген. Университет.
Эдмунд Гуссерль. 1905.
- С. 17. – Н.К. Гучкова, гимназистка. 1910. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Н.К. Гучкова и Г.Г. Шпетт. 1912. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. и Н.К. Шпетт. Париж, 1913. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Маргарита, Марцелина Иосифовна, Ленора, Мария Александровна Шпетт. Женева, 1913. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 18. – Г.Г. Шпетт. 1910-е. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Густав Шпетт. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы. М., 1914.
Густав Шпетт. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М., 1916.
Лев Шестов. 1916.
Г.Г. Шпетт, Марина и Татьяна. 1917. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 19. – Москва. Университет.
Мысль и слово. Т.2, ч. 1. М., 1921.
- С. 20. – Удостоверение об освобождении Г.Г. Шпета из тюрьмы. 8 ноября 1920. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Ленин и А.В. Луначарский. 1920.
- С. 21. – Густав Шпетт. Эстетические фрагменты. Вып. 1. М., 1922.
Здание бывшей Государственной академии художественных наук. Современный вид. – <http://mika-praga.livejournal.com/30630.html>.
А.С. Ахманов и Г.Г. Шпетт. 1925. Кадр кинохроники. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт. 1926. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Сотрудники ГАХН. Стоят: А.С. Ахманов, Б.И. Ярхо, А.Г. Цирес, Н.И. Жинкин. Сидят: Б.В. Шапошников, Г.Г. Шпетт, А.А. Губер, А.Г. Габричевский. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Сотрудники ГАХН Б.В. Шапошников, Г.Г. Шпетт, А.А. Сидоров, П.С. Коган. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 22. – Густав Шпетт. Введение в этническую психологию. М., 1927.
Густав Шпетт. Внутренняя форма слова. М., 1927.
- С. 23. – О ГАХН'е, Когане и Шпете. Карикатура Кукрыникова. Журнал «На литературном посту». 1929. № 6.
- С. 24. – Г.Г. Шпетт. 1931. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Писатели. Сидят: А.Н. Толстой, Г.Г. Шпетт, Евгений Петров, справа Максим Горький. Дожордж Байрон. Мистерия. Перевод Г. Шпета. М.-Л., 1933.
Уильям Мейкпис Текерей. Ярмарка тшеславия. Перевод М. Дьяконова, примечания Г. Шпета. В 2 т. М.-Л., 1933-1934.
Чарльз Дикенс. Тяжёлые времена. Перевод Г. Шпета. М., 1933.
Чарльз Дикенс. Посмертные записки Пиквикского клуба. Перевод А. Кривцовой и Е. Ланна при участии и с комментарием Г. Шпета. В 3 т. М.-Л., 1933.
- С. 25. – Большой немецко-русский словарь. Т. 1. М., 1934.
Г.Г. Шпетт на крыше дома: пер. Брюсовский, 17. 1934. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Г.Г. Шпетт. Зима 1934/35. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
- С. 26. – Тюремные снимки: Г.Г. Шпетт, Б.И. Ярхо, Е.А. Мейер, А.Г. Габричевский, М.И. Петровский. 1935.
- П.С. Гершевич. – Собрание С.П. Заидулиной.
С. 37. – Наталия Константиновна и Марина Шпетт. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
С. 38. – Енисейск. – <http://mitsar.ossib.ru/forum/index.php?topic=732.60>.
Енисейск. Аптека. Современный вид. – <http://surass58.livejournal.com/38803.html>.
С. 39. – Г.М. Леплевский.
С. 43. – Ленора Шпетт. – Архив семьи Г.Г. Шпета.
Шуга на Енисее. Фото Л. Павловской.
С. 44. – В.И. Качалов.
М.Ф. Гнесин.
Г.Г. Нейгауз.
О.Л. Книппер-Чехова.
А.В. Щусев.
Н.Н. Лузин.
С. 45. – Енисейск. Библиотека. Современный вид. Фото Л.В. Кононовой.
Лист календаря. 1936.
С. 50. – По зимнику.
Зимник. Фото Д.Н. Аникиенко.
С. 51. – Легковой автомобиль АМО-15. – <http://truck-auto.info/zil/544-amo-f15.html>.
С. 52. – От Енисейска до Красноярска. Спутниковая карта.

А. Теннисон. Энох Арден

- С. 53. – Рукопись поэмы «Энох Арден» почерком М.Г. Шпет с правкой Г.Г. Шпета. – *Томский областной краеведческий музей*.
Альфред Теннисон.
Анни и дети на берегу моря. *Кадр из фильма «Энох Арден» (режиссер Д.У. Гриффит), 1911.*
С. 54. – Филипп, Анни и Энох. *Программа музея «Волиевный фонарь» (Гаага, Нидерланды), 2002.*
С. 55. – Энох и Анни. *Кадр из фильма «Энох Арден» (режиссер К. Кабанне) 1915.*
С. 56. – Филипп. *Рисунок А. Хьюза, 1866.*
С. 57. – Свадьба. *Кадр из фильма «Энох Арден» (режиссер К. Кабанне) 1915.*
С. 59. – Анни с сыном и Энох. *Картина Дж. Э. Хикса, 1866.*
Энох с сыном и Анни. *Рисунок У. Дж. Хенесси, 1864.*
С. 61. – Прощание Эноха. *Рисунок А. Хьюза, 1866.*
С. 62. – Анни на берегу моря. *Программа мелодрамы Р. Штрауса «Энох Арден» (Магдебург, Германия), 2012.*
С. 64. – Филипп и Анни. *Рисунок Э.Г. Гаретта, 1888.*
С. 66. – Филипп и Анни. *Рисунок А. Хьюза, 1866.*
С. 69. – Филипп и Анни. – <http://gavetadoivo.wordpress.com/page3/>.
С. 71. – Трое на острове. *Рисунок Э.Г. Гаретта, 1888.*
С. 72. – Энох на острове. *Литография 1869.*
Энох на острове. *Рисунок Э.Г. Гаретта, 1888.*
С. 73. – Энох на берегу моря. *Рисунок Ф.Б. Шелла, 1884.*
С. 74. – Энох на берегу моря. *Рисунок Дж. Ля Фаржа, 1883.*
Видения Эноха. *Литография 1875.*
С. 75. – Корабль и лодка. *Рисунок Э.Г. Гаретта, 1888.*
С. 78. – Возвращение Эноха. *Рисунок Ф.Б. Шелла, 1884.*
С. 80. – Энох на улице. *Рисунок Э.Г. Гаретта, 1888.*

Томск

- С. 83. – Томск. Университет. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
Уголок старого Томска.
Томск. Почтамт. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
С. 84. – Томск. Вокзал. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
С. 85. – Сара, Мери, С.М. и В.Л. Виленчики. – *Собрание М.Е. Добрусиной*.
С. 88. – Джордж Беркли.
Дж. Беркли. «Три разговора между Гиласом и Филонусом». Перевод Г. Шпета. М., 1937.
С. 89. – Томск. Индустриальный институт. – http://vk.com/album-26144017_132481697.
С. 90. – Томск. Медицинский институт. – http://vk.com/wall-64536510_238.
Томск. Пер. Рузского (быв. Колпашевский), 9. *Фото Н.В. Кандыбы.*
С. 91. – Томск. Почтамт. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
С. 92. – Томск. Почтамт. – <http://www.etoretro.ru/pic29137.search.htm>.
С. 93. – Томск. Пр. Ленина, 56. Современный вид. – <http://forum.say7.info/topic2407.html>.
Томск. Ул. Белинского, 19. Современный вид. *Фото М. Вотякова.*
Томск. Ул. Красноармейская, 71. Современный вид. *Фото С. Шугарова.*
Томск. Ул. Красноармейская, 67. Современный вид. *Фото С. Шугарова.*
Томск. Ул. Красноармейская, 68. Современный вид. *Фото М. Соколова.*
Томск. Ул. Шишкова, 14. Современный вид. *Фото П. Андрюценко.*
С. 94. – Договор на перевод «Феноменологии духа» Гегеля. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 95. – Юргис Балтрушайтис.
С. 96. – Станция Тайга. – <http://humus.livejournal.com/2940119.html>.
С. 99. – Томск. Дворец труда. – <http://www.etoretro.ru/pic6765.search.htm>.
Томск. Ленинский пр. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
Томск. Гастроном. – <http://www.etoretro.ru/pic29136.search.htm>.
Томск. Дом Красной армии. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
Томск. Научная библиотека университета. – <http://skilled.gorod.tomsk.ru/index-1325767518.php>.
С. 101. – Е.Н. Коншина.
С. 102. – Ленора Шпет. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
Вид водопада в Тиволи. *Гравюра Дж. Б. Пиранези.*
С. 103. – Томск. Воскресенская церковь. Современный вид. – <http://www.km.ru/turizm/encyclopedia/tomsk>.
С. 104. – Томск. Вид на Воскресенскую гору. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
Томск. Костёл. Современный вид. – <http://alexxy.gorod.tomsk.ru/index-1147708581.php>.
Томск. Каменный мост через Ушайку. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
С. 106. – Последняя фотография Г.Г. Шпета. 11 мая 1936. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
Папка с переводом «Феноменологии духа». – *Отдел рукописей Российской гос. библиотеки*.
С. 107. – Рукопись перевода «Феноменологии духа». – *Отдел рукописей Российской гос. библиотеки*.
Томск. Половодье на Ушайке. *Фото Е. Боровикова.*
С. 108. – Письмо Г.Г. Шпета Марине с рисунком Ушайки, 23 мая 1936. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 109. – Сергей Шпет и Маргарита Поливанова. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 110. – М.А. Петровский.
Н.И. Игнатова.
С. 111. – Фридрих Шиллер.
С. 112. – Н.И. Карташов. – *Томский областной краеведческий музей*.
С. 113. – Томск. Пер. Рузского (быв. Колпашевский), 9. *Фото Н.В. Кандыбы.*
Томск. Базар и деревянный мост через Ушайку. – <http://www.etoretro.ru/pic29191.search.htm>.
С. 116. – Томск. Обрыв в Лагерном саду. *Фото В. Соколова.*
Вид на Томь из Лагерного сада. *Фото А. Гарник.*
С. 117. – Н.Р. Эрлман.
С.В. Мясоедов. – <http://www.ssmu.ru/office/fl/gistol/history.shtml>.
С. 118. – Машиннопись «Феноменологии духа». – *Отдел рукописей Российской гос. библиотеки*.
С. 119. – Е.А. Баратынский.
С. 120. – Сергей Шпет. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 121. – Марина Шпет. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 123. – Плакат «Конституция СССР».
С. 124. – П.Я. Чаадаев.
С. 126. – Иллюстрация А.Н. Бенуа к «Медному всаднику» Пушкина.
С. 129. – Ленора Шпет с Алёнушкой. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
Алёнушка Вальтер. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 131. – Г.В.Ф. Гегель.
С. 132. – Гравюра А. Дюрера «Св. Антоний на фоне города».
Б.Б. Мясоедов. – *Собрание М.Е. Добрусиной*.
С. 133. – Д.Д. Яблочков.
С. 138. – Карта Томска, 1933. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%EЕ%ЕС%F1%ЕА>.
С. 139. – Томск. Пл. Революции. – *Собрание Э.К. Майданюка*.
Томск. Управление НКВД. Современный вид здания. *Фото А.Н. Аврамчика*.
Н.С. Великанов.
С. 141. – Регистрационный лист ссыльного Г.Г. Шпета. – http://tvtorrent.ru/feed/all_1/tag_1430_1/torrent_7873/.
С. 142. – Томск. Тюремный коридор. – *Томский областной краеведческий музей*.
С. 143. – Шапка Г.Г. Шпета. – *Литературный музей Томска*.
С. 147. – Томск. Ров на горе Каштак. Современный вид.

Эпилог

- С. 149. – Томск. Крест на горе Каштак. *Фото П. Андрюценко*.
Личное дело ссыльного Г.Г. Шпета. – *Томский мемориальный музей истории политических репрессий*.
Издания сочинений Г.Г. Шпета и его чернильница. – *Литературный музей Томска*.
С. 150. – Н.К. Шпет. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 151. – Г.В.Ф. Гегель. Феноменология духа. Перевод Г. Шпета. М., 1959.
В.И. Качалов. – *Российский гос. архив литературы и искусства*.
С. 152. – В.Л. Виленчик. – *Собрание М.Е. Добрусиной*.
С. 154. – Свидетельства о смерти Г.Г. Шпета. 1956, 1990. – *Архив семьи Г.Г. Шпета*.
С. 155. – Томск. Открытие мемориальной доски Г.Г. Шпета. 16 ноября 1989. Н.В. Серебренников и М.Г. Шторх. *Фото А.В. Морозова*.
Томск. Мемориальная доска Г.Г. Шпета. *Фото А.В. Морозова*.
М.К. Поливанов. *Фото Н.В. Кандыбы*.
С.В. Виленчик и М.Г. Шторх. *Фото Н.В. Кандыбы*.
С.В. Виленчик и М.Г. Шторх у входа в дом № 9 по пер. Рузского. – *Собрание М.Е. Добрусиной*.
С. 156. – Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск, 1995. *Обложка П.Е. Пастернака*.
Материалы Шпетовских чтений. Томск, 1991, 1996, 1999, 2002, 2008.
Г. Шпет. Явление и смысл. Томск, 1996.
Томск. Новая мемориальная доска Г.Г. Шпета.
С. 157. – Томск. Дом искусств. Ул. Шишкова, 10. – <http://art-house.tomsk.ru/about>.
Томск. Уголок Г.Г. Шпета в литературном музее при Доме искусств.
Кадр из фильма «Палимпсест».
М.Г. Шторх в фильме «Дочь философа Шпета».

